

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2019

№ 21

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны
быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «Текст. Книга. Книгоиздание»

Айзикова Ирина Александровна – главный редактор,
д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета
E-mail: wand2004@mail.ru

Воробьева Татьяна Леонидовна – зам. главного редактора,
канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Баль Вера Юрьевна – ответственный секретарь,
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Гридина Татьяна Александровна – д-р филол. наук, зав. кафедрой общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета
Ершов Юрий Михайлович – д-р филол. наук, зав. кафедрой телерадиожурналистики Томского государственного университета

Есипова Валерия Анатольевна – д-р ист. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета

Жиликова Наталия Вениаминовна – д-р филол. наук, зав. кафедрой теории и практики журналистики Томского государственного университета

Калиткина Галина Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета

Мароши Валерий Владимирович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и теории литературы Новосибирского государственного педагогического университета

Пугачев Валерий Вениаминович – д-р филол. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела Башкирского государственного университета

Старикова Галина Николаевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета

Шарафадина Клара Ивановна – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов

Щитова Ольга Григорьевна – д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Крюкова Л.Б., Корычанкова С.</i> Художественная реализация перцептивных образов в стихотворении О. Бржезины «Братство верящих» (на материале оригинального и переводных текстов)	5
<i>Козлов А.Е.</i> «Отрывки из возвращенных писем» Н.Д. Ахшарумова в зеркале авторского самосознания	23
<i>Купреева И.В., Страшкова О.К.</i> «Кромешный» герой в «кромешном мире» русской постмодернистской драмы	41

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Айзикова И.А.</i> Литературно-художественные произведения о Сибири в книжной коллекции Г.К. Тюменцева	67
<i>Куталмыш С.Л.</i> «Самоучитель киргизского языка русским и русского языка киргизам», изданный в 1914 г.	88
<i>Никонова Н.Е., Морозова И.В.</i> Сочинения В.Д. Колупаева в России и за рубежом: издательские и исследовательские стратегии	112

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Метельков А.С.</i> Литературно-художественные журналы: комплексный взгляд на природу явления	129
<i>Лавошникова Э.К.</i> Имена собственные: антропонимы и текстовый редактор MS Word	143
<i>Молнар А.</i> Рецензия на монографию В.А. Доманского и О.Б. Кафановой «Художественные миры Ивана Тургенева». М.: Флинта, 2018. 432 с.	157
Сведения об авторах	167
Правила оформления статей	169

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Kryukova L.B., Korycankova S.</i> The Poetic Realization of Perceptual Images in the Poem “The Brotherhood of Believers” by O. Březina (A Case Study of the Original and Translated Texts)	5
<i>Kozlov A.E.</i> An Unknown Story by N.D. Akhsharumov in the Aspect of Author’s Self-Consciousness	23
<i>Kupreeva I.V., Strashkova O.K.</i> A “Pitch-Dark” Character in a “Pitch-Dark” World of Russian Postmodern Drama	41

BOOK IN CULTURE

<i>Ayzikova I.A.</i> Fiction About Siberia in the Book Collection of G.K. Tyumentsev	67
<i>Kutalmysh S.L.</i> The Language of the <i>Kyrgyz for Russians and Russian for Kyrgyzes Self Study Textbook</i> Published in 1914	88
<i>Nikonova N.E., Morozova I.V.</i> The Writings of V.D. Kolupaev in Russia and Abroad: Publishing and Research Strategies	112

BOOK PUBLISHING

<i>Metelkov A.S.</i> Literary and Art Magazines: A Holistic View on the Nature of the Phenomenon	129
<i>Lavoshnikova E.K.</i> Proper Nouns: Anthroponyms and MS Word Text Editor	143
<i>Molnar A.</i> Book Review: Domanskiy, V.A. & Kafanova, O.B. (2018) <i>Khudozhestvennyye Miry Ivana Turgeneva</i> [Ivan Turgenev’s Artistic Worlds]. Moscow: Flinta. 432 P.	157
Information About the Authors	167
Rules for Article Submission	169

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 81'42

DOI: 10.17223/23062061/21/1

Л.Б. Крюкова, С. Корычанкова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ В СТИХОТВОРЕНИИ О. БРЖЕЗИНЫ «БРАТСТВО ВЕРЯЩИХ» (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. В статье представлен лингвостилистический анализ стихотворения «Братство верящих» в контексте поэтического и философского творчества чешского поэта-символиста О. Бржезины. В фокусе внимания – особенности языкового выражения перцептивной семантики в оригинальном тексте и его переводах на русский язык, а также анализ лингвистических трансформаций, обусловленных, индивидуально-авторским мировосприятием и поэтической традицией. Сопоставление в перцептивном аспекте двух вариантов перевода расширяет представления о концептуальной и эмоциональной составляющей рассматриваемого художественного произведения.

Ключевые слова: поэтический текст, метафора, перцептивный образ, перевод, символизм.

Отокар Бржезина – виднейший представитель чешского символизма и одна из ключевых фигур европейского модерна. Его имя современники поставили рядом с именами Э. Верхарна, У. Уитмена, Ш. Бодлера, М. Метерлинка. «Этот “возврат на землю”, к человеческим страданиям и горестям, европейца конца прошлого века, дошедшего в своем личном мировоззрении до пределов пессимистического неприятия мира, может быть объяснен в Бржезине только силой традиционной обращенности чешского национального гения к земле, к человеку и его страданиям. Как бы высоко ни было мистическое напряжение души, на какие бы высоты ни поднялась душа в религиозном своем экстазе, она все же остается

верной одной заповеди – любви к человеку и боли за его судьбу на земле» [1. С. 6].

Стефан Цвейг назвал Отокара Бржезину «поэтом для немногих»: «Его творчество укрыто во тьме. Ибо он стремится к последней истине <...> страдания и радость отдельного человека не оставляют следа на зеркале Вселенной, ведь человек в мироощущении Бржезины – всего лишь один из множества неприметных атомов. Взгляд поэта устремлен в звездные дали духа – к вечным вопросам» [2. С. 433].

Важным этапом в изучении творчества Отокара Бржезины в европейской культуре стало издание в 2012 г. в России его собрания сочинений – книги под названием «Строители храма» [3]. Кроме поэтических сборников книга включает философские эссе и письма чешского поэта-символиста, а также статьи европейских писателей и литературоведов. Составитель сборника Олег Малевич является одним из ведущих российских исследователей творчества чешского автора и переводчиком большей части его стихотворений и эссе на русский язык. В книгу вошла статья В. Каменской и О. Малевича «Отокар Бржезина и Россия» [4], которая состоит из восьми частей и отражает отношение чешского поэта и философа к русской литературе и культуре на протяжении всей его жизни. На родине Отокара Бржезины нет академического собрания его сочинений. Наиболее полным изданием художественных произведений поэта до сих пор остаются трехтомные *Básnické spisy* («Поэтические сочинения») [5], выпущенные в 1933 г. Чешской академией наук и искусств под редакцией Милослава Гиссека [3. С. 430].

Целью данной статьи является лингвостилистический анализ стихотворения *Bratrství věřících* («Братство верящих») в контексте поэтического и философского творчества Отокара Бржезины. В фокусе внимания – выявление особенностей языкового выражения перцептивной семантики в оригинальном тексте и его переводах на русский язык, а также анализ лингвистических трансформаций, обусловленных индивидуально-авторским мировосприятием, поэтической традицией и коммуникативной интенцией переводчика. Одной из задач авторов статьи, связанной с современны-

ми исследованиями в области теории текста и его филологического анализа, является сопоставление двух вариантов перевода на русский язык (переводы К. Бальмонта и О. Малевича).

Гипотеза исследования состоит в том, что изучение перцептивной картины мира, отраженной в оригинальном тексте стихотворения и его переводах, расширяет представления о концептуальной и эмоциональной составляющей поэтического произведения, позволяет «приблизиться» к пониманию его основной идеи и высказать предположение о том, кто из переводчиков в большей мере отразил мистико-философское понимание истинной веры, неразрывно связывающей поэтическое и философское творчество Отокара Бржезины.

Проблема жизни и смерти является одной из важнейших в поэтическом творчестве чешского символиста и проходит через все его произведения. Уже в первом собрании стихотворений *Tajemné dálky*, 1895 («Таинственные дали») автор говорит об отчужденности от земного мира. «Контакт» с запредельным миром слышен, например, в стихотворении *Moje matka* («Моя мать»): поэт, прощаясь со своей умершей матерью, видит смерть как завершение земных страданий и переход в новый таинственный мир света и спокойствия. Как символист Отокар Бржезина облачает описываемые образы в сияние света и красок, в обертоны звуковых волн и тактильных ощущений, создавая многослойное перцептивное представление о нездешнем, мистическом мире и его связи с миром земным: *В глазах моих твоя печаль без меры, / твое тепло мне тело согревает. / Огонь мистической и беззаветной веры / горит в моей душе и в жилах полыхает* [3. С. 40].

В своем следующем собрании стихотворений *Svítání na západě*, 1896 («Рассвет на западе») поэт противопоставляет «здесьнее» и «запредельное». Запад – это символ смерти, а сама смерть открывает дорогу свету, познанию запредельного. Только через смерть можно познать таинство истинной жизни (например, стихотворение *Tys nešla* («Ты не шла»): *В той ночи миров камнепады и гармония песнопений, / миллионы жгучих лобзаний и бесчисленных рук скрещенье. / Это наши губы и руки – в неге бу-*

дущих поколений, / что родятся под знаком молний, в ослепительном их свеченье [З. С. 85].

Идея жизни и смерти в их взаимопроникновении и взаимообусловленности отражена в эссе *Rozhodující okamžiky* («Решающие мгновения») в сборнике *Hudba pramenů, 1903* («Музыка родников»): «Страх, который в этот миг сжимает наше сердце, – не страх тела, всегда окрашенный более или менее осознанными воспоминаниями о боли, доставляемой нам дыханием, ведущим из разверстой могилы. Это не страх смерти, а страх жизни, возлагающей на нас мистическую ответственность. Страх, сулящий нам более страшные утраты, чем утрата дневного света» [Там же. С. 280].

Стихотворение *Bratrství věřících* («Братство верящих») вошло в сборник *Větry od pólů, 1897* («Ветры с полюсов»), который по праву считается вершиной чешского символизма, именно в нем мистико-философские воззрения поэта отражены наиболее ярко. Истинный смысл жизни реализуется в соединении душ братьев, т.е. спутников, проповедников истинной мистической веры, которая приведет человечество в нездешнее пространство. Смерть же является переходом в этот мистический, с трудом познаваемый в земных мерностях мир. Пробужденный человек идет по пути к Богу, Всевышнему, осознавая свое место в божественном творении. Такой человек бросает свои земные привязанности, освобождается от них и вместе с остальными Собратьями творит великое дело. Единство верящих, соединенных общей идеей Любви и совместной Молитвой к Богу, жаждет соединения с Богом и приближения к таинству творения.

В собрание стихотворений *Větry od pólů* поэт изображает запредельные миры с помощью сложной метафоры, целыми цепями абстрактных образов с акцентированной перцептивной семантикой и возможными сенсорными ассоциациями. Многоаспектность восприятия является отличительной чертой творчества чешского символиста [6]. Сам О. Бржезина в одном из своих писем к Франтишку Бауэру пишет: «Повторяю, я спокоен и чист. Потому что вижу минувшие годы, как сквозь стеклянную призму. Я грустен. Потому что я поэт и во флаконе моих слов заключен аромат жизни.

<...> Я ничего не жду от жизни, потому что моя жизнь мне не принадлежит. Она принадлежит искусству, чьим несовершенным медиумом я являюсь. Бессмысленно навязывать мне рецепт, рекомендуемый стать поэтом действия. Я поэт света, звуков и таинственной жизни, которая дышит на нас из предметов внешнего мира. Поэт теней и смерти» [З. С. 407].

В контексте предлагаемого исследования необходимо отметить, что О. Бржезина был хорошо знаком с русской культурой и литературой, в его библиотеке на языке оригинала были представлены произведения А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.А. Тургенева, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта и др. Отношение же чешского поэта к прижизненным переводам собственных стихотворений было достаточно критичным. Например, о переводах С.Я. Савинова он говорил Эмилии Лакомой: «Некоторые мои стихи были переведены на русский язык. Но перевод мне не нравится. Переводчик совсем не понял стихи. <...> Русская речь подходит скорее для прозы, скорее для разговоров, чем для поэзии. Да и плохо понимают написанное мною» [Там же. С. 485].

Перевод стихотворения *Bratrství věřících*, сделанный Константином Бальмонтом, автор также посчитал недостаточно верным и в своих замечаниях подчеркнул значимость именно перцептивной оставляющей: «Нельзя ограничиваться словарем, ибо речь изменяется, волнуется, как море, растет – словари устаревают. Есть поэты зрения и поэты слуха; Бальмонт предстает в этом переводе поэтом слуха, но для моих стихов этого недостаточно. Речь – это не только понятия, но и краски и летучие ароматы, мгновенная стыдливость, румянец, всего этого не найдешь в словарях» [Там же. С. 486].

Как уже было отмечено, одной из задач авторов предлагаемой статьи является сопоставительный анализ оригинального текста стихотворения и двух его переводов на русский язык, выполненных К. Бальмонтом и О. Малевичем. Переводы имеют различия уже на уровне названия: у К. Бальмонта – «Братство *верящих*», у О. Малевича – «Братство *верующих*». В русском языке данные лексемы имеют семантические различия: *верующий* – причастие от глагола *веровать*, также может быть в значении существительного *верую-*

ций – «тот, кто признает существование бога; религиозный человек» [7. Т. 1. С. 153]; *верящий* является причастием от глагола *верить* и имеет несколько значений: первое и основное – «иметь твердую уверенность, быть убежденным в чем-л. (в неизбежности, правильности, успехе и т.п. чего-л.)», другое совпадает с отмеченным выше значением «быть религиозным; веровать» [Там же. Т. 1. С. 150–151].

Подобного различия в чешском языке нет. О. Бржезина, следуя своей философской мысли, воспринимает слово *věřících* в значении «братство просвещенных», тех, которые приближаются к Правде, к истинной вере в высший смысл существования. Хотя поэт считал себя католиком, однако его понимание веры можно скорее отнести к мистическому христианству, к скрытому течению религиозности. Как отмечает Ф. Шальда, Бог представляется в понимании О. Бржезины медиумом мистической любви к собратьям, к тем, вместе с кем он преобразует здешний мир в идеальное духовное пространство [8. S. 52]. Таким образом, лексема *věřící* используется поэтом в авторском значении, реализуя мистико-философскую идею истинной веры в Абсолют.

В первой строфе наблюдается соответствие основных перцептивных образов, отражающих ведущую идею стихотворения. В оригинале и двух вариантах перевода преобладает зрительная и тактильная семантика, при этом отдельные, на первый взгляд, незначительные изменения свидетельствуют о возможных вариантах интерпретации.

<i>O. Březina</i> <i>Bratrství věřících</i>	<i>К. Бальмонт</i> «Братство верящих»	<i>О. Малевич</i> «Братство верующих»
<p><i>1. Myšlenky naše koupaly se v ohnivých vlnách svatého léta, jež rozpaluje blankyty duší žárem všech srpnů a zráním všech hvězd.</i> Мысли наши купались в огненных волнах святого лета, которое зажигает синеву душ жаром всех августов и созревaniem всех звезд.</p>	<p>Мысли наши купались в волнах разожженных священного лета, Синие царства души оно зажигает пыланием жатвенных месяцев, Отсвет в себя принимает созревания всех звезд,</p>	<p>Мысленно мы купались в огненных волнах святого лета, что распалает лазурь наших душ жаром всех августов и всех звезд.</p>

<p><i>A když smyly svá bolestná znamení země, povstaly v čistotě prvotních světél</i> <i>a poznaly silné rozkoše času:</i> <i>A когда смыли свои скорбные знамена земли, воздвиглись в чистоте первичных светил, и познали сильные роскоши време- ни:</i></p> <p><i>dech jeho byl sladký naději mrtvých</i> <i>a tajemnou víhřicí vřelo v něm rašení rypců všech budoucích zahrad.</i> <i>Дыхание его было сладким надеждой мертвых, и таинственным вихрем кипело в нем распускание почек всех бу- дущих садов</i></p> <p>[9. S. 102].</p>	<p><i>Когда же смыли с себя все прискорбные зна- меня праха, Встали они в чистоте первобытных светил И силу познали рос- кошного часа, –</i></p> <p><i>дыханье его Было нежнейшей надеждой мертвых, – и в бурях таинствен- ных Было кипение почек еще не раскрытых Всех зеленых грядущих садов</i></p> <p>[3. С. 443].</p>	<p><i>Смыв с себя горе и боль – отпечатки земли, мы обрели чи- стоту Первоначального све- та и времени сладкое время познали,</i></p> <p><i>В чьем дыханье – надежде мертвых – тайная буря, сокрытая в почках все еще нераскрытых садов</i></p> <p>[3. С. 127].</p>
--	--	---

В переводе К. Бальмонта значимой в перцептивном аспекте может быть «замена»: *ohnivých vlnách svatého léta / волнах разожженных священного лета*. В оригинальном тексте словосочетание *огненные волны* свидетельствует о зрительном и тактильном восприятии (оранжевый цвет и жар от огня), в переводе данное прилагательное заменяется причастием *разожженный*, в значении которого актуализирована сема тактильности, осложненная семантикой начала и интенсивности действия (приставка *раз-*), которая в следующей строке усиливается словосочетанием *зажигает пыланием*.

В переводе О. Малевича чешский глагол *rozpaluje* (имеющий нейтральное значение *разжигать*) приобретает стилистическую окраску (так как *распалить* в русском языке помимо основного значения «разжечь» имеет варианты «охватить сильным жаром», «привести в состояние сильного возбуждения» [7. Т. 3. С. 649]). В переводе *blankyta (синева)* имеет соответствие *лазурь*, что для русского читателя соотносится с поэтической традицией Серебря-

ного века (в частности у символистов – *лазурь безбрежная, бездонная, безмятежная, безоблачная, небесная и др.*). Стоит отметить, что в поэтических текстах О. Бржезины лексема *azur* (*azurný, azurový*) встречается, но в данном стихотворении по каким-то причинам не используется.

В переводе К. Бальмонта *bvřelo v něm rašení pupenců / кипение почек еще не раскрытых* замена глагола отглагольным существительным не принципиальна, но характеристика почек на деревьях представлена иначе: в оригинале внимание акцентируется на процессе созревания («распускания»), а в переводе К. Бальмонта, наоборот, *еще не раскрытых*. Зрительное восприятие актуализировано за счет прилагательного *зеленый*, отсутствующего в оригинальном тексте [б. С. 193].

В лаконичном переводе О. Малевича представлена передача образа, в котором не перцептивная, а эмоциональная составляющая имеет принципиальное значение: *тайная буря, сокрытая в почках все еще нераскрытых садов*. Переводчик использует стилистический прием эналлаги (троп, в котором определение перенесено с одного существительного на другое: *нераскрытые почки – нераскрытые сады*), при этом семантическая связь с оригиналом очевидна: *будoucích zahrad* (*будущих садов*) – *нераскрытых садов*.

Во второй строфе стихотворения Отокара Бржезины представлена идея «пробуждения», репрезентированная в семантическом пространстве текста посредством языковых средств с перцептивной семантикой, прежде всего метафорических.

<i>O. Březina</i> <i>Bratrství věřících</i>	<i>К. Бальмонт</i> <i>«Братство верящих»</i>	<i>О. Малевич</i> <i>«Братство верующих»</i>
<i>2. Dni, které neměly jiter, z dálky nám hodily světla jak echa staleté touhy;</i> <i>Дни, у которых не было утр, издалека нам бросили светила как эха столетней тоски;</i>	<i>Дни, что утр не имели, бросали нам издали светы,</i> <i>Как отзвук, как эхо столетних томлений,</i>	<i>Дни, лишённые утра, свет нам дарили, как эхо тоски столетней;</i>
<i>šílili jsme šilenstvím lásky, jež byla modlitbou k Nejvyššímu.</i>	<i>Безумились мы</i> <i>безумьем любви, что</i>	<i>в нас бушевало</i> <i>безумье любви – этой</i>

мы безумствовали безумством любви, которая была молитвой к Всевышнему.	молитвой была к наивысшему,	молитвы к Всевышнему.
<i>Ze rtů našich sladkost její se tryskla a přese hořely posvátnou žízni.</i> Из губ наших сладость ее брызгала, но все равно горели священной жаждой.	<i>Из уст наших сладкий струился тот сок. А сами сгорали святою мы жаждой,</i>	<i>Сладость ее из наших уст низвергалась, но мы изнывали от жажды Священной.</i>
Zraky naše ji pily z bratrských zraků a pohledům bratří ji dávaly pítí Зрачки наши пили ее из братских зрачков и взглядам братьев ее давали пить	<i>Зрачки наши пили ее из братских зрачков И братским взглядам давали испить той любви,</i>	<i>Влагу ее наши взоры пили из братских взоров, взоров братьев других пить ее позволяли,</i>
<i>a v rozechvění neznámé blízkosti krví nám zvonila hudbami tajemství.</i> и в трепете незнакомой близости крови нам звенела любовь музыкой таинства	<i>И в неведомой, полной волнений, близости крови Нам звонила она музыкой таинств</i>	<i>и кровью мы ощущали близость неведомой тайны прекрасных гармоний</i>

Сравнительный анализ оригинального и переводных текстов показывает совпадение на эмоциональном и содержательном уровне. Центральное место в строфе занимает сложная перцептивная метафора, характеризующая «безумство всепоглащающей любви»: *Zraky naše ji pily z bratrských zraků a pohledům bratří ji dávaly pítí* (Зрачки наши пили ее из братских зрачков и взглядам братьев ее давали пить). Чешское существительное *zrak* может быть переведено на русский язык как «зрение», «зрачок», «глаз», «взгляд», в связи с чем можно говорить практически о дословном переводе данной метафоры и К. Бальмонтом, и О. Малевичем (изменен лишь порядок слов). Сочетание глагола физического восприятия *пít* / *глотать* со словами *ухо*, *глаза*, *взгляд*, *взор* характерно для русской поэзии Серебряного века (*И взглянул, как в первые раза / Не глядят. / Черные глаза глотнули взгляд* [10. С. 86]). В чешской

поэзии данная метафора также является распространенной (*A proto rád u tvojich pohou sedám, / bych z očí tvých moh / vznět a sílu pítí... / И поэтому у ног твоих люблю сидеть, / чтобы я мог из твоих глаз / тревогу и силу пить...*[11. S. 52]). Ее значимость подчеркивается за счет повтора, что формирует не только эмоциональную тональность стихотворения, но и актуализирует идею единения братьев по вере.

К. Бальмонт сохраняет в переводе оригинальное словосочетание, построенное на повторении основ и передающее эмоциональную тональность строфы: *šílili jsme šílenstvím lásky* (мы безумствовали безумством любви) / *безумились мы безумьем любви*. С одной стороны, это свидетельствует о возможности точной передачи образа в русском переводе, с другой – о «вписанности» переводного стихотворения в контекст творчества русского поэта-символиста [б. С. 187–189].

В оригинальном тексте и в переводе К. Бальмонта наблюдается «взаимопроникновение» зрительных и слуховых образов *světla jak echa / светы как отзвук*. Принципиальным видится сохранение в переводе описания восприятия любви, репрезентирующего философские взгляды чешского поэта: *zvonila hudbami tajemství / звонила музыкой таинств*. В переводе О. Малевича идея неведомой тайны сохраняется, но ее звуковая характеристика, важная для оригинального текста, исчезает (нет глагола *звенеть* и существительного *музыка*).

В третьей строфе представлено несколько перцептивных (в том числе синестетических) метафор, характерных для поэтического творчества О. Бржезины.

<i>O. Březina</i> <i>Bratrství věřících</i>	<i>К. Бальмонт</i> <i>«Братство верящих»</i>	<i>О. Малевич</i> <i>«Братство верующих»</i>
3. <i>Sny naše se spojily v jediné snění a šuměly tisící stromů jednoho hvozdu,</i> <i>Сны наши соединились в одну мечту и шумели тысячами деревьев одной рощи,</i>	<i>Сны наши слитно спаялись в одно сновиденье, И шумели деревья единого леса, дрожащем ветвей отдавая</i>	<i>Наши мечты воплотились в единую грезу и шумели листовою, подобно деревьям единого дремучего леса,</i>

<p><i>když třesením větví podávají si poselství jednoho větru z neznámých moří.</i> когда трясением ветвей передают друг другу послание одного ветра из незнакомых морей.</p>	<p>Посольства единого ветра от неземных дальних морей.</p>	<p>что ветви колеблемы ветром – посланцем никому неизвестных морей.</p>
<p><i>Na našich loukách ležela vůně všech květů, sladěná v jeden složitý akord.</i> На наших лугах лежало благоухание всех цветов, сложенных в один сложный аккорд,</p>	<p>На наших лугах – всех цветов благовонья лежали, Ладом в единый сливались созвук.</p>	<p>По лугам нашим растекался запах цветов разноликих, звучащий единым аккордом,</p>
<p><i>a světla našich duší, nalitá v jediný plápol, oděla barvami neviditelné</i> и свет наших душ, слитый в единое пылание, одел цветом невидимое</p>	<p>Душ наших светлы, в пылание слившись единое, Красками рдели невиданными,</p>	<p>И огни наших душ в пламя невидимых радуг слились,</p>
<p><i>a hlasem všech našich spojených vůlí nám v zázračné zahrady rozkvetly síly.</i> и голосом всех наших соединенных волей в чудотворном саду расцвели силы</p>	<p>А голос всех наших спящих волей Расцветил нам в волшебных садах небывалые силы</p>	<p>А голоса наших волей в цветенье волшебных садов превратились</p>

Синестетическая метафора (запах – звук) переведена К. Бальмонтом очень близко к оригинальному тексту: *ležela vůně všech květů, sladěná v jeden složitý akord*, / *всех цветов благовонья лежали, ладом в единый слившись созвук*. В оригинальном тексте аккорд характеризуется как *сложный (složitý)*, что соответствует философско-поэтической концепции О. Бржезины. В переводе прилагательное отсутствует, но появляется деепричастие *сливаются*, повторяющееся далее в варианте *слившись*.

В переводе О. Малевича подчеркивается «процессуальность» (*запах растекался*) и синестетическая природа явления (*запах звучащий*). Сохраняется лексема *akord (аккорд)*, имеющая в русском

и чешском языках одно и то же значение («сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты, воспринимаемое как звуковое единство» [7. Т. 1. С. 29]). Таким образом, актуализация и усиление на языковом уровне идеи «единения» сохраняется в двух вариантах перевода: *в единый слившись созвук / звучавший единым аккордом.*

Необходимо отметить, что несовпадение используемых автором и переводчиками синтаксических конструкций чаще всего имеет не художественную, а грамматическую основу (связанную с соответствующими различиями в русском и чешском языках), но в заключительном высказывании третьей строфы изменение позиции субъекта приводит к двум разным (в том числе и по смыслу) вариантам перевода.

В оригинальном тексте грамматическими субъектами являются *světla (свет)* и *síly (силы)*. В двух русских переводах грамматическим субъектом становится *голос* (звуковая перцепция), но степень его активности разная. У К. Бальмонта предикат представлен глаголом активного действия *расцветить*, который реализует значения «придать цветную окраску», «оживить, приукрасить» [7. Т. 3. С. 680]. В переводе О. Малевича предикат выражен глаголом с семантикой изменения состояния *превратиться* («обратиться во что-л. иное, перейти в другое состояние, принять совершенно иной вид» [Там же. С. 360]), который реализует свой художественный потенциал в контексте: *голоса воль превратились в цветенье садов.* Можно предположить, что перевод К. Бальмонта, несмотря на изменение функциональной нагрузки основных компонентов высказывания, стилистически близок к оригиналу: *a hlasem... rozkvety síly (голосом... расцветели силы) / голос... расцветил силы.*

В четвертой строфе посредством языковых средств с перцептивной семантикой (зрительное и тактильное восприятие) реализуется идея «единения», представленная в двух вариантах перевода.

О. Březina <i>Bratrství věřících</i>	К. Бальмонт <i>«Братство верящих»</i>	О. Малевич <i>«Братство верующих»</i>
<p>4. <i>I trhali jsme svá opojení, jak zrna na jediném, mystickém hrozni,</i> <i>И собирали мы свои опьянения, как зерна на единой, мистической грозди,</i></p> <p><i>jež dotknutím pukala výtryskem jednoho vína:</i> <i>которая прикосновением лопнула брызгом единого вина:</i></p> <p><i>jablka jednoho stromu, jež rozříznuta společnou, naší, krví se zardí,</i> <i>яблоки единого дерева, которые разрезаны единой нашей кровью покраснеют,</i></p> <p><i>polibky jediné noci, v nichž duše zpívají o smrti a budoucích žitích,</i> <i>поцелуи единственной ночи, в которых души поют о смерти и будущих жизнях,</i></p> <p><i>v jediném rozplání retů, na věky netopných rozkoši jednoho blesku.</i> <i>в едином пылании губ, на веки петосных роскоши одного блеска</i></p>	<p><i>Мы срываем свое упоение, как гроздь единой священной лозы,</i></p> <p><i>Из наших касаний выбрызгивал сок, Золотилось единое наше вино,</i></p> <p><i>Яблоки в чаше единственной яблони</i> <i>Общею нашей багрянелись кровью,</i></p> <p><i>Поцелуи единственной ночи, в них души о смерти поют,</i> <i>И о будущих жизнях,</i></p> <p><i>В едином пылании губ, на века воспаленных</i> <i>Роскошным недугом единого блеска</i></p>	<p><i>И пьянеющие зерна мы срывали с виноградных мистических гроздьев,</i></p> <p><i>От любого касанья готовых взорваться единым гейзером винным,</i></p> <p><i>И плоды одной яблони, стоило их разрезать, обагрялись общею кровью,</i></p> <p><i>И в одном поцелуе наши души сливались ночами и пели о смерти, о будущей жизни,</i></p> <p><i>и наши губы наслаждались болью как вспышкой молнии</i></p>

В оригинальном тексте наблюдается многократный повтор прилагательного с семантикой «единый» / «единственный»: *jediném hrozni, jednoho vína, jablka jednoho stromu, polibky jediné noci; v jediném rozplání retů, jednoho blesku*. К. Бальмонт не пропускает ни одного повтора и практически дословно переводит все словосочетания. В переводе О. Малевича можно увидеть три пропуска, но образ представлен целостно: *в одном поцелуе наши души*

сливались. Усилению идеи «единения» на языковом уровне способствует использование предиката *сливались* (*слиться* – «соединиться в один поток», «соединиться с кем-либо, чем-либо» [7. Т. 4. С. 138]).

Образ мистической (виноградной) грозди, имеющий тактильное основание, в переводах представлен по-разному: (реальность / потенциальность действия): *dotknutím rukou (прикосновеньем лопнула) / из касаний выбрызгивал сок / от любого касанья готовых взорваться*. Образ яблони (яблока), имеющий в основе зрительную семантику, в переводах и К. Бальмонта, и О. Малевича репрезентирован в рамках русской поэтической традиции (обагриться – «окраситься в багряный, кроваво-красный цвет [Там же. Т. 2. С. 518]): *krví se zardí (кровью покраснеют) / багрянились кровью / обагряться кровью*.

В переводе К. Бальмонта сохраняется перцептивная метафора *пылание губ*, усиленная художественным определением *воспаленных роскошным недугом*, включающим оксюморон. В переводе О. Малевича образность создается иными лексическими средствами: оксюморон *наслаждались болью* усиливается сравнительным оборотом с визуальной семантикой *как вспышкой молний*.

Идея «единения» проходит через все стихотворение и ее усиление в последней строфе вновь отсылает читателя к названию стихотворения: *bratrství (братство – «содружество, единение» [7. Т. 1. С. 112–113])*. Как уже было отмечено, «единение» является одним из ключевых положений мистико-философской концепции Отокара Бржезины. В эссе *Jediné dílo* («Единое творение»), которое открывает сборник *Skryté dějiny, 1903–1908 časopisecky, 1970 vydání knižně* («Сокрытая история»), чешский поэт-символист пишет: «Человек творит лишь в состоянии милости, в клочущем буйстве рождающейся веры. Но кто опишет словами богатство этой веры? Слова лопаются подобно коре кипящего жизнью дерева, отламываются и опадают, а новые возникают под ними – по правилам одного закона, под лучами одного солнца [3. С. 315].

Таким образом, проведенный лингвостилистический анализ подтверждает мысль о неразрывной связи поэтического творчества

Отокара Бржезины с его философскими воззрениями. Стихотворение *Bratrství věřících* является поэтической репрезентацией ключевых философских идей чешского поэта-символиста. Исследование языковых средств выражения перцептивной семантики расширяет представления о концептуальной и эмоциональной составляющей рассматриваемого художественного произведения.

Сопоставление оригинального и переводных текстов позволяет сделать вывод о том, что на семантическом уровне в переводах наблюдаются «усиление» / «ослабление» перцептивной составляющей и изменение «ведущего» модуса восприятия в каждой отдельно взятой строфе. На стилистическом уровне имеет место сохранение в процессе поэтического перевода ряда перцептивных метафор и синестетических сочетаний, формирующих эмоциональную тональность стихотворения. Практически дословный перевод имеющихся в оригинальном тексте повторов (например, с общей семантикой «единый») свидетельствует о стремлении переводчиков сохранить отраженное в оригинале понимание жизни и смерти чешским поэтом.

Можно предположить, что К. Бальмонт в большей мере «внедряет» в перевод мистико-философскую идею истинной веры в высшее послание человеческой жизни. Его вариант перевода (который может быть рассмотрен и в контексте творчества самого русского поэта-символиста) основан на метафорическом представлении (отражении) реальности с использованием перцептивных образов, ассоциирующихся со скрытым мистическим содержанием. Перевод О. Малевича в ряде строф приближается к дословному воспроизведению стихотворения О. Бржезины, но, возможно, в нем не всегда просматривается скрытое метафорическое изображение реальности, переданной чешским поэтом в символических перцептивных образах.

Наиболее показательной в этом отношении является строка: *jež rozpaluje blankyty duši žářem všech srpňů / царства души оно зажигает пыланием жатвенных месяцев, / распяляет лазурь наших душ жаром всех августов*. В переводе О. Малевича лексема *srpň* имеет дословный перевод как название летнего месяца (*август*) в

ассоциативной связи со значением тепла и света, при этом очевидная внутренняя связь с уборкой плодов как символа духовной жатвы, выраженная в чешском слове *srpen* (*srp* – *sepn*), не репрезентирована. Словосочетание, представленное с переводе К. Бальмонта, сохраняет связь с мотивирующей основой в чешском языке и актуализирует взаимосвязь поэтического творчества и философских трудов О. Бржезины (см. эссе *Nebezpečí sklizně* («Опасности жатвы»), вошедшее в сборник *Hudba pramenů, 1903* («Музыка родников»)).

Литература

1. Бем А. Отокар Бржезина (Выразитель гения чешского народа) // Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 5–34.
2. Цвейг С. Отокар Бржезина // Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 43–438.
3. Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. 504 с.
4. Каменская В., Малевич О. Отокар Бржезина и Россия // Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 449–489.
5. Březina O. Básnické spisy. Praha : Melantrich, 1933. 273 s.
6. Корячанкова С., Крюкова Л., Жизниченко А. Поэтическая картина мира, сквозь призму категории перцептивности. Врно, 2016. 236 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
8. Šalda F.X. Otokar Březina. Kritické projevy 1908–1909. Soubor díla F.X. Šaldy, sv. 16. Praha, 1953. S. 52.
9. Březina O. Básnické spisy. Praha: Československý spisovatel, 1975. 252 s.
10. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. М. : Правда, 1991. 688 с.
11. Vrchlický J. Sonety samotáře. Praha, 1959. 487 s.

The Poetic Realization of Perceptual Images in the Poem “The Brotherhood of Believers” by O. Březina (A Case Study of the Original and Translated Texts)

Tekst. Kníha. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 5–22

DOI: 10.17223/23062061/21/1

Larisa B. Kryukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Simona Korycankova, Masaryk University (Brno, Czech Republic). E-mail: korycankova@ped.muni.cz

Keywords: poetic text, metaphor, perceptual image, translation, Symbolism.

The article is devoted to the linguistic and stylistic analysis of the poem “The Brotherhood of Believers” in the context of the poetic and philosophical works of the Czech Symbolist poet Otokar Březina. It focuses on how the key perceptual images are conveyed through the linguistic means of expression in the original text and its Russian translations and deals with the linguistic transformations that are caused by the author’s individual worldview and poetic tradition. One of the tasks associated with the modern research in the field of text theory and its philological analysis is to compare the original text with the two versions of its Russian translations done by K. Balmont and O. Malevich. The first part of the article describes the connection between Březina’s poetic works and his philosophical views, such as his understanding of the true faith, the interdependence between life and death and the contraposition of what is here and beyond. Based on the material of the poems and essays included into different book collections, it is shown that, in Březina’s opinion, the true meaning of life is realized through the consolidation of the souls of brothers, i.e. companions or preachers of the true mystical faith that should lead the humanity to what lies beyond. The poet portrays the supernatural worlds with the help of complex metaphors, chains of abstract images with accented perceptual semantics and possible sensory associations. The comparative analysis, that is presented in the second (main) part of the article, has revealed that, at the semantic level, the Russian translations demonstrate either a “strengthening” or “weakening” of the perceptual component and a change of the “key” perceptual mode in each stanza. At the stylistic level, the poetic translations retain certain perceptual metaphors and synesthetic combinations that form the emotional tone of the poem. The translators tend to preserve the original understanding of life and death, which results in almost literal translations of the repetitions with the semantics of “unity”. Balmont’s translation is based on the metaphorical reflection of reality and contains perceptual images associated with the hidden mystical meaning of the original text. Malevich’s translation almost literally reproduces Březina’s poem in a number of stanzas, while the hidden metaphorical representation of reality, which was expressed by the Czech poet through the key perceptual images, is not always explicit. The results of the analysis indicate that studying the perceptual picture of the world, presented in the original text of the poem and in its translations, improves the knowledge of the conceptual and emotional component of “The Brotherhood of Believers”. The poem presents a mystical and philosophical understanding of the true faith that unites the poetic and philosophical works of Březina.

References

1. Boehm, A. (2012) Otokar Březina (Vyrazitel’ geniya cheshskogo naroda) [Otokar Březina: The champion of the Czech people genius]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov. pp. 5–34.

2. Zweig, S. (2012) Otokar Březina [Otokar Březina]. In: Březina, O. *Stroители khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov. pp. 43–438.
3. Březina, O. (2012) *Stroiteli khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov.
4. Kamenskaya, V. & Malevich, O. (2012) Otokar Březina i Rossiya [Otokar Březina and Russia]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov. pp. 449–489.
5. Březina, O. (1933) *Básnické spisy*. Prague: Melantrich.
6. Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. (2016) *Poeticheskaya kartina mira, skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic picture of the world, through the prism of perceptivity]. Brno: Muni Press: Masarykova univ.
7. Evgenieva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
8. Šalda, F.X. (1953) *Otokar Březina. Kritické projevy 1908–1909*. Prague: [s.n.]. pp. 52.
9. Březina, O. (1975) *Básnické spisy*. Prague: Československý spisovatel.
10. Tsvetaeva, M. (1991) *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems]. Moscow: Pravda.
11. Vrchlický, J. (1959) *Sonety samotáře*. Prague: Básnické dílo Jaroslava Vrchlického.

А.Е. Козлов

«ОТРЫВКИ ИЗ ВОЗВРАЩЕННЫХ ПИСЕМ» Н.Д. АХШАРУМОВА В ЗЕРКАЛЕ АВТОРСКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

Аннотация. Представлено исследование ранее не издававшейся повести критика и писателя XIX в. Н.Д. Ахшарумова. Повесть ориентирована на эпистолярный жанр и раскрывает историю взаимоотношений молодой провинциалки и имени того писателя Н.Д. Совпадение ряда деталей – имени и отчества, адреса, профессиональной идентификации – позволяет соотнести адресата писем с их автором – Ахшарумовым. В статье сделана гипотеза, согласно которой писатель создает произведение, подводя предварительные итоги своей литературной деятельности. Не удовлетворенный положением дел, он создает «улучшенный вариант» своей биографии, запечатленный в жизни и репутации Н.Д. В приложении к статье впервые приводится текст повести.

Ключевые слова: Н.Д. Ахшарумов, вторичность и альтернативность, текстология, авторское самосознание.

В литературной работе писателей-беллетристов значительную роль играют не только опубликованные ими тексты, зачастую «забраванные» и осужденные на забвение современной им критикой, но и многочисленные черновые записи и наброски. Парадоксальным образом, то, что составляет неотъемлемую часть при изучении признанных классиков, в случае изучения беллетристики зачастую признается несущественным; этими черновиками пренебрегают, тем самым лишаясь возможности познакомиться с литературным бытом писателей второго и третьего литературного ряда. Тем не менее этот материал имеет значительную ценность, позволяя не только составить представление о личности писателя-беллетриста, но и о напряженной внутренней работе – точнее, о его самосознании.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научно-го проекта «Создание международного научно-информационного портала “Автограф. XX век”», № 19-18-00353.

К подобным фигурам, привлекающим наше внимание своими многочисленными неопубликованными текстами, относится критик и беллетрист Н.Д. Ахшарумов. Его литературная карьера и репутация сегодня хорошо изучены [1, 2], и на основании этого можно составить представление о нем как о «внепартийном» беллетристе, чуждавшемся собственно литературных кругов. Первый биограф писателя называет его «...убежденным врагом партийности и исключительности», «убежденным идеалистом-эстетиком», «служителем именно чистого искусства» [3. С. III]. С.А. Венгеров в специальном дополнении к своему критико-библиографическому словарю пишет об Ахшарумове как «литераторе *pur sang*, которому интересы истины всего дороже, которому чуждо мелкое самолюбие, для которого слова “красота” и “идеал” не звук пустой, не взятая напрокат вывеска» [4. С. 1008].

Показательны и немногочисленные высказывания писателя о себе и своем творчестве. Так, в автобиографии-анкете, составленной по запросу Венгерова, Ахшарумов пояснял собственный взгляд на себя и свое творчество: «Скучно писать, да и некогда наводить справки о многом, что позабыто» [12]. Его произведения, зачастую декларативно-вторичные (повесть «Двойник» и роман «Чужое имя»), зачастую маргинально-экспериментальные (повести «Граждане леса» и «Натурщица») [5], являясь, с одной стороны, типичной продукцией беллетристики XIX в., с другой – неприемлемым для современников экспериментом, свидетельствуют о напряженных эстетических поисках. И действительно, обращение к архивным материалам, подтверждает существование многочисленных этюдов, набросков, программ, в которых писатель ищет новые основания для литературы и искусства («Теория слова», «О представительном смысле вещей» и пр.) [6].

Среди этих неизданных конспектов и планов выделяется рукопись под названием «Отрывки из возвращенных писем» [13]. В картотеке рукописного отдела ИРЛИ рукопись имеет помету «копии», на титульном листе указано имя возможного адресанта – написанная рукой автора и трижды зачеркнутая фамилия «Хвощинская». Н.Д. Хвощинская, похожая на Ахшарумова своей нелюдимостью и своеобразной исключенностью из писательского круга («Разве есть жизнь у псевдонима?») [7, 8], действительно была корреспонденткой Ахшарумова в поздние годы своей жизни; тем не менее, в настоящий момент мы не располагаем этими письмами и не можем сказать с уверенностью, сохранились

ли они. В любом случае в этой коммуникации Хвощинская должна была выступать в роли старшего: Крестовский – псевдоним, явился в печати еще в конце 1840-х гг., в то время как литературная деятельность Ахшарумова (Чернова) началась только в 1850-е гг. Это замечание следует учитывать при дальнейшей аргументации.

В настоящей статье мы выскажем предположение, состоящее в том, что «Отрывки из возвращенных писем» не представляют собой копии действительных писем, а являются черновиком еще одного произведения, которое автор, по личным соображениям, не счел нужным печатать при жизни. Таким образом, мы рассмотрим найденный текст как художественное произведение, исходя из организующих его фабульных схем, адресации и возможной прагматики.

История, представленная серией условных писем-глав, довольно тривиальна: молодая девушка, по-видимому, недавно окончившая пансион, в проникновенных письмах близко знакомому литератору рассказывает о своей жизни в провинции. Как и в рождественских рассказах, одно из первых писем датировано 25 декабря. Особо примечательного среди этих рассказов нет – это несколько картин, описывающих жизнь в семейной усадьбе, застолье, в котором участвуют провинциальные чиновники, короткое путешествие по уезду. Автор писем, не лишенный интуитивного литературного таланта, не имеет никакого отношения к литературе – поэтому знакомство с беллетристом, имеющим известность в столичных кругах, при этом много старше ее, существенно ей льстит. На протяжении короткой истории провинциалка пишет письма, полные любви и нежности, постоянно мечтая о своем возвращении в Петербург. Повесть обрывается на том месте, где преданная Вам... сообщает о своем тяжелом недуге и предупреждает своего адресата, что не может вернуться из Любежева, так как этому мешает половодье.

Несмотря на свою тривиальность, эта история своеобразно входит в круг так называемых «провинциальных сюжетов». В частности, близкие, почти семейные отношения незамужней девушки и пожилого литератора задают этой теме ненормативный и рискованный ракурс, предполагая за сюжетными лакунами и обмолвками в письмах девушки историю тайной, практически запретной любви (заметим, что лакунарность сюжета поддерживается на уровне пунктуации многочисленными многоточиями и экспрессивными вопросительными знаками, например: ...?... / ...?...?...). История этих отношений должна

быть скрыта от общества, что неоднократно подчеркивается в письмах провинциалки.

Характерной выглядит датировка повести. Рукой автора проставлено: 28 Декабря 52 г. Этот год зачеркнут, и вместо него тем же почерком указано: 81 год. Данное исправление кажется нам довольно существенным, поскольку задает некоторый стилиевой ориентир, связанный с повестью «нового сентиментализма» 1850-х гг. В этом жанре и стиле особенно много писали в «Отечественных записках» – том же журнале, где Ахшарумов долгое время был переводчиком и критиком, – сестры Хвошинские. Более того, Н.Д. Хвошинской в «Отечественных записках», наряду с трилогией «Провинция в старые годы», была опубликована повесть «Из связки писем, брошенной в огонь» (1857), фабула которой во многом идентична: институтка рассказывает подруге о своем неожиданном и головокружительном романе с женатым мужчиной. Название произведения Хвошинской маркирует коммуникативную неудачу – письма уничтожены, хотя обстоятельства этого в тексте не прояснены: их могла сжечь как автор писем, так и адресат корреспонденции. Предположительно, Ахшарумов мог помнить это произведение или ориентироваться на сходные фабулы, с чем связано написание фамилии на фронтисписе рукописи.

Тем не менее набросок подвергался авторской правке, благодаря которой время действия изменилось и было перенесено в 1881 г. Этот перенос не случаен, поскольку на наш взгляд им определяется, изменение точки зрения на себя и свою личность. Действительно, в 1852 г. Ахшарумов только начинал литературную карьеру, его немногочисленные произведения выходят в этот момент под псевдонимом *Чернов*, переводы (что характерно для толстых журналов) – без указания имени переводчика. Первые произведения не принесли тогда еще молодому писателю литературной славы и известности. В 1880-е гг., будучи много старше (и, по собственному признанию, старее), он предстает известным в узких кругах литератором, а в иллюстрированных еженедельниках и энциклопедиях появляются статьи, позволяющие составить краткий очерк личности Ахшарумова.

Из писем в рукописи следует, что адресата зовут Н.Д., он является довольно известным литератором, автором сказок; указан даже адрес, совпадающий с адресом проживания Ахшарумова в 1880-е гг.: Сергиевская улица в Санкт-Петербурге. В тексте даны развернутые оценки

Н.Д. как личности и писателя. Во-первых, автор писем использует устойчивые номинации «хороший, дорогой мой» и «большой миленький». По тону писем очевидно, что связь пансионерки и Н.Д. настолько крепкая, что для нее он важнее ее многочисленных родственников: «Дорогой Вы мой, золотой, несравненный, по душе, по сердцу, никого роднее и дороже нет на свете, как бы хотелось все это скорее сказать». Эта любовь-страсть лишает автора писем воли и чувства собственного достоинства: «...по первому Вашему ласковому слову, готова была пешком прийти в Петербург и трудиться, трудиться, сколько сил хватит». Во-вторых, описывая провинциальное застолье в духе социально-обличительного направления, автор писем называет себя «самой верной поклонницей одного из писателей и просветителей». К слову сказать, Ахшарумов не участвовал в многочисленных дискуссиях об устройстве земских школ и вообще сторонился каких-либо социальных проектов. В-третьих, книги Н.Д. составляют здесь важную часть детского чтения. Ссылаясь на мнение одного из детей сестры, автор писем говорит о том, что сказки буквально «вскружили ему голову». Ахшарумов действительно был известен своими произведениями для детей, впервые изданными с серьезным предисловием «О педагогическом значении сказки». Так, в очерке деятельности беллетриста П.В. Быков писал: «Н.Д. Ахшарумов был писателем, имя которого вступившие ныне в самостоятельную жизнь поколения научились уважать еще с детства по его исполненным поэзии и неподдельной прелести сказкам» [9]. Тем не менее гораздо большей популярностью на момент создания писем пользовались сказки другого беллетриста – В.П. Авенариуса [10].

Адресат писем – литератор Н.Д. – обладает двумя чертами, которых лишен их фактический автор – *зрелостью*, а не старостью, *известностью*, а не безызвестностью. Обращение к личным документам и эпистолярному писателю позволяет сделать вывод о том, что общим мотивом реальных писем Ахшарумова 1880-х гг. становятся жалобы на безденежье и слабое здоровье. Наряду с главным своим интересом – печатью новых произведений – Ахшарумов ведет интенсивные переговоры об издании собрания сочинений собственных произведений, однако все попытки заканчиваются неудачей (первое собрание сочинений писателя вышло после его смерти в 1894 г.). Среди корреспондентов Ахшарумова, за исключением Хвоцинской, практически нет сохранившихся

писем женщинам. Даже самый близкий его корреспондент – С.А. Никитенко, устройством финансовых дел которой Ахшарумов особенно занимался в конце 1870-х гг. после смерти А.В. Никитенко, всегда держала в коммуникации значительную дистанцию.

Таким образом, неопубликованная переписка, найденная среди бумаг Н.Д. Ахшарумова, являясь фикциональным текстом, свидетельствует о характерных сдвигах в авторском самосознании. Стареющий беллетрист, свыше 30 лет подвизавшийся на поприще русской литературы, подводит в ней своеобразные итоги своей литературной деятельности. В этой рефлексии и возникает проекция «улучшенного Н.Д.», чей реальный или естественный капитал (определяемый его здоровьем и симпатиями молодой девушки) существенно возрастает вместе с символическим (роль просветителя, гуманиста, настоящего детского писателя) [11]. Ни одна из этих ролей не была сыграна Ахшарумовым в полной мере, ни один сценарий не воплотился в его прижизненной и посмертной литературной репутации.

В связи с этим выскажем предположение, что перед нами, в сущности, *письма одиночества*. Не располагая возможностью доверительно поговорить о себе, Ахшарумов использует возможности фикционального текста. Жизнь Н.Д. становится здесь образующим сюжетом (Я глазами Другого, точнее, другой), а запретная любовь – лейтмотивом произведения*.

В отличие от других текстов писателя, его «переписка» не могла быть опубликована при жизни. Если большинство его текстов – парадоксальные новеллы, посвященные отношениям фикциональных автора и героя, исключающие возможность однозначной трактовки, в рассмотренном случае намеченная проекция могла быть понятной не только узкому кругу знакомых писателя, но и всем читателям.

Таким образом, не имеющая сколько-нибудь выдающихся особенностей в своей поэтике повесть интересна для нас как диалог-монолог писателя-беллетриста с самим собой и своеобразное зеркало, отражающее его страсти и желания.

Литература

---

* Кроме того, имеет смысл обратить внимание на совпадение инициалов Н.Д. Хвоцинской и Н.Д. Ахшарумова.

1. Ахшарумов Н.Д. Литературная критика и эстетика / под ред. Н.В. Володиной и др. Череповец : Череповец. гос. ун-т, 2019. 426 с.
2. Майорова О.Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Русские писатели. 1800–1917 : биографический словарь. М., 1989. С. 131–132.
3. Сорокин Вл. Биографический очерк // Сочинения Н.Д. Ахшарумова. Библиотека Север. СПб. : Изд-во Е. Евдокимова, 1894. Т. 1. С. III–XXI.
4. Венгеров С.А. Ахшарумов Николай Дмитриевич // Критико-библиографический словарь. Т. 1: Приложение. СПб., 1898. С. 1003–1008.
5. Тюпа В.И. Между архаикой и авангардом // Классика и современность. М. : Изд-во МГУ, 1991. С. 109–120.
6. Козлов А.Е. Стихийная семиотика Н.Д. Ахшарумова // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 5–11.
7. Строганова Е.Н. По поводу неудобного псевдонима: Надежда Хвоцинская, она же В. Крестовский // Долг и любовь: Сборник филологических работ в честь 65-летия профессора М.В. Михайловой. Статьи. Рецензии. Эссе. Публикации. Тверь, 2011. С. 202–219.
8. Sities R. The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930. New Jersey : Princeton University Press, 1997. 512 p.
9. Быков П.В. Н.Д. Ахшарумов // Нива. 1880. № 33. С. 653.
10. Образцовые сказки русских писателей / сост. В.П. Авенариус. СПб., 1882. 240 с.
11. Bourdieu P. Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field. Stanford University Press, 1996. 408 p. (In English).
12. ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 243 (Письмо Н.Д. Ахшарумова С.А. Венгерову).
13. ИРЛИ. Ф. 155. Р II. Оп. 1. Ед. хр. 13. [1883, Январь. 12 л.].

An Unknown Story by N.D. Akhsharumov in the Aspect of Author's Self-Consciousness

Tekst. Kniga. Knigozhdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 23–40

DOI: 10.17223/23062061/21/2

Alexey E. Kozlov, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Keywords: Akhsharumov, secondary and alternative, genetic criticism, author's self-consciousness.

The article analyses the previously unpublished story written by the critic and writer Nikolai Dmitrievich Akhsharumov in the the 1880s. The story is written in the epistolary genre and reveals the history of the relationship between a young provincial girl and an eminent writer N.D. Coincidences in a number of details (name and patronymic, address, professional identification) allow correlating the addressee of the letters with their author, Akhsharumov. A hypothesis is presented that the writer creates the story to sum up the preliminary results of his literary activity. Not satisfied with the

actual state of affairs, he creates an “improved version” of his biography, captured in the life and reputation of N.D. The text provides detailed assessments of N.D. as a person and a writer. Firstly, the author of the letters uses regular nominations “my good dear” and “big sweet”. This love-passion (“You are my dear, golden, incomparable, in my soul, in my heart, no one is closer and dearer in the world; I wish I could say it all as soon as possible”) deprives the author of the letters of will and self-esteem: “. . . At a warm word of yours, I was ready to come to Petersburg on foot and work, work for as long as I can.” Secondly, describing a provincial feast in the spirit of a socially denunciatory trend, the author of the letters calls herself “the most loyal fan of one of the famous writers and enlighteners.” As a sidenote, Akhsharumov did not participate in numerous discussions about the social projects of the 1860s–1870s. Thirdly, the books of N.D. are an important part of children’s reading. Referring to the opinion of one of her sister’s children, the author of the letters says that the tales literally “mesmerized him”. Akhsharumov was really known for his works for children, first published with a serious preface “On the Pedagogical Significance of the Fantastic Tale”. However, at the time, tales by another fiction writer, V.P. Avenarius, were more popular. Thus, the unpublished correspondence found in the papers of Akhsharumov, being a fictional text, testifies to characteristic shifts in the author’s self-consciousness. The aging fiction writer, who has worked in the field of Russian literature for more than 30 years, sums up the peculiar results of his literary activity. In this reflection, there arises a projection of an “improved N.D.”, whose real or “natural: capital (determined by his health and the sympathies of the young girl) increases significantly along with the “symbolic” one (the role of educator, humanist and real children’s writer). Naturally, Akhsharumov never played any of these roles in his real life. Thus, the story that does not have any outstanding features in its poetics is interesting for us as a dialogue or monologue between Writer-1 and Writer-2 (fictional influential writer), and as a kind of a mirror reflecting his passions and desires. The text of the story is attached to the article. The story, found in Akhsharumov’s personal papers (which mainly consist of draft notes, abstracts and drafts of research articles), is published for the first time.

References

1. Akhsharumov, N.D. (2019) *Literaturnaya kritika i estetika* [Literary criticism and aesthetics]. Cherepovets: Cherepovets State University.
2. Mayorova, O.E. (1989) Akhsharumov Nikolay Dmitrievich [Akhsharumov Nikolay Dmitrievich]. In: Nikolaev, P.A. (ed.) *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers. 1800–1917: A Biographical Dictionary]. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. pp. 131–132.
3. Sorokin, V.I. (1894) Biograficheskiy ocherk [A Biographical Sketch]. In: Akhsharumov, N.D. *Sochineniya N.D. Akhsharumova* [Collected Works]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. III–XXI.
4. Vengerov, S.A. (1898) *Kritiko-bibliograficheskiy slovar'* [A Critical and Bibliographic Dictionary]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 1003–1008.

5. Tyupa, V.I (1991) Mezhdru arkhaikey i avangardom [Between the Archaic and the Avant-garde]. In: Nikolaev, P.A. & Khalizev, V.E. (eds) *Klassika i sovremennost'* [Classic and Modernity]. Moscow: Moscow State University. pp. 109–120.

6. Kozlov, A.E. (2019) Spontaneous Semiotics of Nikolay Akhsharumov. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 1. pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.25205/2307-1737-2019-1-231-242

7. Stroganova, E.N. (2011) Po povodu neudobnogo psevdonima: Nadezhda Khvoshchinskaya, ona zhe V. Krestovskiy [Regarding the uncomfortable pseudonym: Nadezhda Khvoshchinskaya as V. Krestovsky]. In: *Dolg i lyubov'* [Duty and Love]. Tver: [s.n.], pp. 202–219.

8. Sities, R. (1997) *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930*. New Jersey: Princeton University Press.

9. Bykov, P.V. (1880) N.D. Akhsharumov [N.D. Akhsharumov]. *Niva*. 33. pp. 653.

10. Avenarius, V.P. (ed.) (1882) *Obraztsovye skazki russkikh pisateley* [Classic Tales of Russian Writers]. St. Petersburg: A. Welling.

11. Bourdieu, P. (1996) *Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford University Press.

12. The Institute of Russian Literature (The Pushkin House). Fund 377. List 7. File 243 [Akhsharumov's letters to S.A. Vengerov].

13. The Institute of Russian Literature (The Pushkin House). (1883) Fund 155. II. List 1. File 13.

Приложение

Николай Дмитриевич Ахшарумов
Отрывки из возвращенных писем*28-е декабря ~~52~~ 81 г.

Хороший, дорогой мой, это будет второе письмо, что я пишу к Вам – первое я писала из Москвы, – вся дорога была невыносима. Москва мне стоила более 3-х рублей, и мне удалось выбраться из нее только в 6 часов вечера, такая толпа народу, что взять билет не было возможности; даже и в вокзал для 3-го класса нельзя было попасть, не говоря уже о кассе – крик, шум, давка, просто ужас. Должна была я, только по счастью, проехать во 2 классе и потом бежать ночью по снегу, менять на 3-й класс, – вагона не подали к платформе, вся дорога была переполнена разного рода неприятными приключениями, но как только добралась до Парголова, наняла лошадей и против всякого ожидания дешево. Быстрый бег тройки, звон колокольчика, теплая приятная погода, лунная ночь – все так успокоительно подействовало на мою душу, что все раздражавшее угасло, и мне вдруг захотелось, чтобы моя тройка понесла сани скорее, быстрее опять в Петербург, помириться, приласкаться к миленькому, дорогому, к которому и теперь моя единственная ~~просьба~~ убедительная просьба забыть все, что было дурного и помнить только хорошее. Голубчик, огромное расстояние верст разделяет нас теперь, будем же друзьями и будем сохранять мир и тишину, насколько это возможно, я же люблю все также миленького, дорогого и никогда не забуду...

Пишите, скорее, прошу Вас, если бы Вы отправили ответ на мое письмо, как я просила при свидании, то сегодня я бы уже должна была получить Ваше письмо; почту приносят всякое воскресенье. До семьи я добралась только в ночь на 25 декабря, в 2 часа. Посылаю маленькую записочку к А., пошлите ее, пожалуйста, по городской почте (Адрес). Пишите же, голубчик, милый, поскорее, успокойте хоть немного преданную Вам Вашу...

---

* [13]. Черновой автограф публикуется с учетом современных норм орфографии и пунктуации, при этом сохранены такие авторские знаки и указания, как: (??), (...?..?), (*адрес*), (*село*). Написание криптонимов унифицировано: А*, С*, Г*.

5-го января

Хороший, дорогой, самое главное впечатление – это было огорчение, что я не получила от Вас писем, в особенности под Новый год. Мне очень хотелось знать, как, где и с кем Вы его встречаете и помните ли обо мне. Весь вечер я чуть не плакала, едва-едва удерживала слезы из приличия. С завтрашнего дня буду писать вроде дневника, теперь тороплюсь, пользуюсь случаем, чтобы написать несколько строк. Сестра преждевременно разрешилась дома без акушера, сегодня крестины, ребят куча. Пишите скорее, не забывайте всегда Вам преданную...

Пришлите марки. В С... нельзя достать за деньги. Пришлите просто в письме...

11-го января

Я тогда так торопилась, что не успела Вас поздравить с Новым годом, милый, хороший, но я все-таки не думаю, чтобы Вы рассердились на меня за это, ведь я очень торопилась, это было 4-го, в тот день крестили маленького Васю, и я послала письмо с женой начальника станции, которая была на крестинах и очень-очень заторопилась ехать. Дневника мне никак не удастся писать, потому что нет отдельной комнаты; все спят в детской и даже вместе со мной на кровати, слева Катя, фаворитка матери и очень избалованная девочка из всех детей, но также, как и все дети, ласковая и добрая девочка; вообще я детей думала найти гораздо капризнее, чем они есть... Покуда я написала одну страничку, дети меня осматривали раз шесть, а сестра сердится, если начнешь их отстранять от себя; а так хочется поговорить с Вами, что даже зло берет на них. Катя сидит около меня и болтает, как сорока, сбивая на каждом слове, – ей только 3 года: красивенькая девочка, а надоедает в настоящую минуту страшно. А еще от Женьки еле отвязалась – ему только 1,5 года: ничего не говорит, а все понимает, то бумажку ему отдай, то чернила, то перо, – лезет на руки, а потом большие пришли, никуда от них не спрячешься; да они и обвиняют, ласкают, – и так проходит целый день. Мише 5 лет, он очень похож на нашего отца и характером, и поступками напоминает мне мое детство. Читает, пишет, шалит больше всех и понятливее и умнее

всех, что признают даже отец с матерью. Володя походит на своего отца и смиреннее всех, но зато и настойчивее; ему 7 лет; в настоящее время он и Саша спят со мной в комнате, я переселяюсь наверх, где прежде сестра лежала больная. После ужина соберешься писать к Вам, а они поднимут возню; не спят, пока горит свеча, – разозлишься, да так и бросишь писать. Еще одно неудобство: что комодов и шкафов – пропасть, да нет к ним ни одного ключа, все что хотелось бы Вам высказать, сразу не напишешь, а оставить до другого дня, так большим в руки попадет, так может выйти история и неприятность. Но как бы ни сложились обстоятельства, впрочем, знайте, что дороже и милее Вас никого нет. Подтверждаю это честным словом и призываю Бога в свидетели. Так хотелось бы поскорее крепко, крепко обнять моего большого-миленького, об котором не забываю ни на одну минуту, даже ночью смотрю на часы и представляю, что мой большой-миленький делает.

Приступаю опять к детям. Саше вскружили голову Ваши сказки, он просил передать Вам поклон, много об Вас расспрашивал и решил сам сделаться писателем; – целые вечера все сидит и пишет; описывает то, что даже не испытал: как ходил на охоту, как проводил время в Орле, где он никогда не был, но куда предполагают отдать его в военную гимназию. Ему 9 лет, он красивее всех детей и самый старший у сестры. Вообще, она художница по части портретов, выпускает их на свет в виде своих ребят – каждый ребенок походит на кого-нибудь из родных. Саша, как две капли воды, похож на моего отца, – Катя на нашу мать, Женя – на нее, то есть на мать (меня зовет тоже мамой). Наконец, Вася, который явился, как сюрприз, на Новый год, – я тут же назвала его Васей, а он и в самом деле стал им, и на кого будет похож, еще неизвестно.

Еще, как сумею, расскажу Вам взгляды здешнего общества; судите сами, что это за люди. На днях собрались кое-кто из соседей, и вот, за светским обедом, за рюмкой хорошей домашней наливки, пошли разные толки и рассуждения. Один из них, мировой судья, сказал, что, пока он исполняет эту обязанность, в его участке не будет ни одной школы, что учение и просвещение хоронит людей и делает мерзавцев, а русскому мужику только и надо, что соху в руки, да палку в спину. Другой же, по фамилии С..., вполне согласился с этим мнением, да еще прибавил, что он, своими руками, если бы была его воля, высек

бы всех литераторов и писателей, которые не просвещают, а развращают людей (он был первый раз у зятя, и ему, конечно, и в голову не приходило, что здесь присутствует самая верная и искренняя поклонница одного из писателей и просветителей). Зять же мой перебил дальнейшее рассуждение и объявил, что мужик может и учиться, но, выучившись, должен опять взяться за соху и отнюдь не выходить из той среды, в которой родился. Продолжения же вспыхнувших прений у меня не хватило терпения дослушать, я воспользовалась случаем, что Женя подошел ко мне, взяла его на руки и вышла, не дожидаясь конца обеда. Клянусь Богом, я не прибавила ни одного слова.

12-го января

Остальные мои впечатления я Вам расскажу после, теперь же и так боюсь, надоем я Вам разными подробностями, да и не совсем удобно; врать Вам я не умею и не могу, а писать правду, нет времени. Жду с нетерпением Вашего письма. Сестра поправилась и мне очень хочется взглянуть на племянницу, дочь брата, и я думаю на днях покинуть Любежево. Если Вы будете отвечать только на это письмо, то можете прямо на мое имя (адрес) до востребования. Письмо я буду ждать, если Вас не затруднит, поскорее, если бы Вы знали, как дороги мне Ваши письма. За медленностью же ответа, письма Ваши могут попасть в другие руки, и если они будут любопытные, могут и распечатать; а я все буду ждать, да так и останусь при одном ожидании. В каждом письме я буду сообщать свой адрес, потому что еще я намерена побывать в Е..., дорога ничего не будет стоить, дадут лошадей, а там есть куда деться...

Дорогой Вы мой, золотой, несравненный, по душе, по сердцу, никого роднее и дороже нет на свете, как бы хотелось все это скорее сказать Вам не на бумаге. Всякий час я вспоминаю и думаю, что Вы в это время должны делать. Эти дни я так тоскую по Вас, что сил нет. Сегодня я проснулась в 4 часа, почему-то мне казалось, что Вы не спите в это время, и мне казалось, что Вы сегодня обедали у Н.* , напишите мне правду: часто Вы у них бываете? У Вас есть несколько развлечений и привязанностей, кроме меня, для меня же Вы незаме-

---

* Вероятно, «у Никитенко». – А.К.

нимы, и я все-таки ценю всю Вашу заботу и хлопоты обо мне и никогда не забуду, мой родной, мой миленький, не сердитесь, что я так Вас называю...?... Ни перо мое, ни бумага не помогут высказать Вам, как сильно во мне желание загладить все неприятности, которые были в последнее время между нами. Всегда Ваша...

17-го января

Сегодня я получила Ваше письмо и сейчас же отвечаю Вам, но когда оно попадет к Вам в руки, ручаться не могу. Вам я отвечаю со станции С*. 10 верст, и все это время погода отвратительная, или вода по колено, или голый лед, так что и кованые лошади падают и ломают ноги; вдобавок такая буря дня три подряд, что сбивала с ног человека; думали, что крышу сорвет с дома. А главное, что не в моей воле распоряжаться и посылать людей, куда и когда мне вздумается, и весь мужской персонаж занят работами; деревня в трех верстах от усадьбы; не имея же материальных средств к жизни, поневоле всегда и везде приходится зависеть от тех людей, с которыми живешь. Голубчик, дорогой Н.Д., хватит Вам меня огорчать и сердиться на меня за то, что не от меня зависит (?). При всем моем желании писать Вам тотчас по получении Вашего письма, я действительно никаким образом не могу этого сделать. Вы же совсем другое дело (...?...?): ящик в Сергиевской, марка в коробке, горничная (...?...?) обязана исполнять все Ваши поручения; следовательно, все зависит от Вас одного. Не сердитесь, хороший мой, что я все это Вам высказываю, я так была счастлива, получив Ваше первое письмо, что всякую минуту, по первому Вашему ласковому слову, готова была пешком прийти в Петербург и трудиться, трудиться, сколько сил хватит, – и так скучала последние три дня, что не имею возможности послать написанное Вам письмо, что даже не садилась за обед и не спала 3 ночи. Клянусь Богом, не преувеличиваю ни одного слова. Наконец, увидя Федора (кучера), возвращавшегося со станции с письмами, я в одном платье бросаюсь к каретному сараю, сопровождаемая ворчанием и криком («А что, только от матери родной можно ждать так нетерпеливо писем, и еще которую не видела лет 10»); но не ее ворчание остановило меня, а вода, которая стояла у крыльца по колено, и я послала горничную Аннушку, не имея терпения дожидаться, когда Федор принесет сам.

Распечатавши желанное, дорогое письмо, я решила не покидать Л* еще на некоторое время. Милый, хороший, дорогой, отчего такой быстрый переход от доброго радушного к такому ледяному тону письма? Чем я заслужила это? (я так торопилась писать то письмо; Женя был на коленях, две барыни (!) около меня перебивали меня всякую секунду, я даже не помню, что писала). Должны же Вы знать, что дороже Вас никого у меня нет, я говорю искренно. Почему Вы не хотите говорить о себе? Вы знаете, что этим лишаете меня всего на свете. Или с Вами в это короткое время случился какой-нибудь переворот в жизни? В последнем Вашем письме Вы точно радуетесь, что меня нет в Петербурге и что Ваша жизнь идет как-то ...?... и я точно лишняя ...?... Напишите, прошу Вас...?...

20 января

Теперь сообщу подробно ход дел в Л*. Имение большое, дом красивый, не испортил бы и Сергиевской, 15. Комнаты отделаны отлично (если еще не отделяются); живут только в десяти больших, но совсем не освежают; форточки не открывают никогда, весной и летом тоже, из боязни простудить детей; воздух спертый, всякий день у меня так болит голова, точно я выпила бутылку вина. Гулять невозможно; буря всякий день, хотя снегу совсем нет, а лед или вода. Детей во время хорошей погоды мне едва-едва удастся вытащить на воздух, и то со ссорой; вследствие этого они часто больны. Прислуги при доме две горничных, мамка и нянька Вера, которая играет большую роль в доме, сестра моя на нее чуть не молится. Далее верно определить ничего не могу; кучер, повар-баба, спасибо, кухня через сени, а то можно было бы задохнуться; – народу много, и всякому дело есть, потому что народу много. В людской еще человек 20 народу, иных даже и не знаю, исключая трех скотниц и кухарки. <нрзб.> Страсть к приобретению собственности еще более развилась, так что все имение, доставшееся сестре от родителей, продано и куплено вновь на его имя, еще к ним в Л. две деревни; деньги все убиты на поправку построек в Л. и на хозяйство, которое было расстроено, так что теперь пришлось и самим им заняться, и много-много еще хороших подвигов сотворено им, всего не напишешь.

Сами можете судить, какое я расположение могу питать к подобному человеку. Сестра брата желчна, раздражительна, властолюбива до грубости; ревнует к Вам, как только я за письма, она надуется, ворчит, а сама не хочет ничем улучшить мое положение. Зять же наоборот радуется, если я стремлюсь в Петербург и не остаюсь на его шее. Преподобней сестры А., по-моему, нет, и передо мной другая женщина, а может быть, и сама-то я стала смотреть поспокойнее, более хладнокровно отношусь к ее подружкам, а прежде я бы тоже любила ее и судила пристрастно. Дети только меня утешают немного; все они ласковы, один перед другим стараются угодить что-нибудь, и как только помяну про Петербург, орут во всю мочь, что не пустят меня. Письма я Вам пишу, как обычно, урывками. Опять повторю вопрос и убедительно прошу объяснить мне, по какой причине Вы не хотите ничего писать про себя?.....(?)... Хороший Вы мой, дорогой, несравненный, пишите поскорее, прошу Вас, я не буду покойна, пока не получу от Вас письмо, хоть какое бы ни было. Сердитесь Вы на меня, так и пишите, все-таки лучше знать, что Вы здоровы и ведете жизнь приятную. Так много я люблю Вас, я готова молиться за Вас, когда не получаю писем...?... За марки очень благодарна; у меня теперь их изобилие. А.О.Л. прислала из Т*, по моей просьбе, 10 штук. Пишите, скорее, прошу Вас, и не забывайте всегда искренне преданную Вам...

15 февраля

Хороший Вы мой, дорогой Н.Д., не сердитесь Вы на меня, если я что написала лишнее, что Вас огорчило. Если и написала, то основываясь на Вашем письме, а потом на нежелании меня видеть. Скажу также откровенно, что все это очень и очень огорчило меня, да и здесь все неприятности. Ваша правда (?), что сердце – мой враг, да еще какой силы! Здоровье мое сперва было хорошо, а теперь опять, уже давно, без порошков дышать не могу, а она только и ответила, что «толстая – вынесешь», и я решилась твердо тогда больше не посещать ее, она, видимо, тяготится мною. Свет не без добрых людей, как-нибудь проживу и без нее, а оставаться у нее больше не могу, не могу, не хочу, да и невозможно. На днях я покидаю Л* совсем, и если у Вас найдется хоть одно доброе слово для меня, то напишите в Москву, в

Почтаamt, до востребования, я буду ждать с нетерпением. Не писала же долго, потому что не знала, куда дать адрес. Все это время я все ездила, прощаясь, была опять на заводи, впрочем, только день, была в Е*. В Г* была в приходе Михаила Архангела, на могиле отца, и матери, и брата. В А* же больше не собираюсь быть. Еще главная причина моего молчания была та, что я была огорчена и взволнована, боялась опять, как бы, хотя нечаянно, необдуманно не написать того, чем могла бы Вас огорчить.

Хороший Вы мой, дорогой, люблю Вас больше жизни, все мое счастье было бы с Вами прожить, хотя бы эта жизнь и была наполнена разными лишениями. Верю Вам вполне, но не могу не высказать глубокого-глубокого огорчения, что всякой женщине, находящейся в Вашей квартире, даете право над собою.

Нельзя к Вам более податься, нельзя слова сказать, чтобы не нажить себе неприятности. Что же касается Ваших писем, то Вы всегда их писали как бы к 10-летней девочке, ничего серьезного, ничего положительного; я давно огорчалась, но не смела высказать... ? ...

Середа

Еще раз прошу у Вас прощения, дорогой Вы мой, если я Вас чем-нибудь огорчила, но, право, у меня нет желания Вас огорчить и проч.

Хороший, дорогой, безупречный Н.Д., я так соскучилась, так хотелось бы Вас видеть, хотя бы издалека, посмотреть, как Вы гуляете по Сергиевской, хоть бы на Петербург издали посмотреть. Справедлива пословица: человек предполагает, а Бог располагает; по моему расчету я давно должна была бы быть уже в Петербурге; ровно две недели назад я уже хотела покинуть Любежево, а между тем еще живу здесь. Накануне дня отъезда вдруг заболела точь-в-точь как осенью, колело мои бока и живот. Растирали спиртом и вызывали врачей, сестра, наконец, и та поверила, что я больна. Через три дня поправилась и решила непременно выехать из Любежева в воскресенье на прошлой неделе. В субботу Н.Л. поехал к мировому судьбе и чуть было не утонул в реке: насилиу вытащили народом, и мне опять поневоле пришлось остаться в Л*. Место здесь гористое, на 4 верстах 5 гор, воды в лощинах по горло, переправы никакой, дороги тоже – ни на санях, ни на колесах. Все крошечные речушки при Л* поднялись от

самого берега, которые все-таки довольно круты, лед взломало и разбросало по берегам грудями. Еще в Н. (село) река, через которую обычно во время разлива переправы нет, и объехать негде. Вот потому сижу у моря и жду погоды. При первой возможности буду в Петербурге... соскучилась я об Вас. Не сердитесь, что не писала долго, всякий час, всякую минуту собираюсь ехать; все уложено. Тороплюсь писать, думая выехать на Суходол верхом.

Не помните ничего дурного, пожалуйста, пишите в Москву, надеюсь скорее написать из Суходола. Пожалуйста, не забудьте, дорогой, об себе подробно и не забудьте преданную Вам всем существом.

УДК 801.7

DOI: 10.17223/23062061/21/3

И.В. Купреева, О.К. Страшкова

«КРОМЕШНЫЙ» ГЕРОЙ В «КРОМЕШНОМ МИРЕ» РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ДРАМЫ*

***Аннотация.** Рассматривается художественное целое «новой новой драмы» как одного из самых противоречивых феноменов современного литературного постмодернизма. Анализируется функционирование хронотопа «кромешного мира» в текстах знаковых представителей русского драматургического постмодерна: О. и В. Пресняковых, И. Вырыпаева, Е. Греминой, В. Сигарева и др. Демонстрируется, как создаваемый драматургами антимир, представляющий собой десемантизированный конгломерат объектов, с одной стороны, выступает гротескным воплощением общества консюмеризма, лишенного каких-либо ценностных установок, с другой – отражает философский поиск новых жизненных ориентиров.*

Ключевые слова: *постмодернизм, депрессивный характер искусства, «новая новая драма», кромешный мир, бифуркация, гипернатурализм, аксиологическое понятие «насилие», десемантизация реальности, герой-трикстер.*

Художественный феномен «новая новая драма» в современном литературном процессе России выступает одним из самых противоречивых и резонансных эстетических явлений. В самом определении формирующегося формосодержательного феномена указывается на преемственную связь с «новой драмой» Серебряного века. Однако современные эстетические и этические реалии актуализировали нехарактерные для предшествующей культурной эпохи мотивы насилия, конфликт / неконфликт «кромешного героя» с «кромешным миром». Эта отличительная особенность современной «новой новой драмы» является здесь предметом нашего исследования.

Нарочитая эпатажность образного ряда и разветвленные сети телесной метафоры, острая социальная и метафизическая конфликтность, трансгрессивные соединения гетерогенных структур

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-34-00034 «Истоки жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX–XXI вв.».

ных и смысловых элементов, размытость жанровых границ – это и многое другое определяют своеобразие «новой новой драмы» и сложность ее научного осмысления. Одновременно в творчестве современных драматургов – Е. Греминой, И. Вырыпаева, В. Сигарева, Ю. Клавдиева, В. Калитвянского, С. Кирова, братьев Пресняковых и др. – можно выделить общую, четко обозначившуюся магистральную линию. Она направлена на осмысление постперестроечных культурных и социальных реалий. «Новую новую драму» можно рассматривать как своеобразный художественный анализ сознания и духовной конституции нового человека формата консюмеризма с помощью, в том числе, средств и приемов постмодернистской поэтики. В произведениях современных «новодраматургов» часто прослеживается сознательная установка на агрессивное эстетическое экспериментирование как с формой и содержанием. В связи с чем «новая новая драма» рубежа XX–XXI вв. однозначно воспринимается и отечественными (см.: [1–7]), и зарубежными исследователями (см.: [8, 9]) в качестве культурного поля последовательного обновления эстетических принципов и приемов искусства в целом.

Обозначенные тенденции современной драматургии указывают на некоторые типологические схождения с эстетическими новациями модернистской «новой драмы» рубежа XIX–XX вв. Эпоха, названная «серебряным веком русской поэзии», отличалась формированием новой философии, поиском принципиально новых идеалов человека, иных принципов существования человечества, когда жизнь сливалась с искусством, а искусство с жизнью. Идея символистов о житнетворческой миссии искусства актуализировала концепцию театрокрации: театр был призван стать идеальной, синтезированной моделью нового искусства, отвечающего требованиям изменяющейся действительности во всех аспектах ее проявления (метафизическом и теургическом, социальном, личностном) [10. С. 7–117]. Гибкая «трафаретность» исторического и эстетического опыта, закономерно связанных общими тенденциями поиска новых форм для выражения нового содержания эпох перелома (рубежа XIX–XX и рубежа XX–XXI вв.), трагическая заост-

ренность, значимость этических проблем в контексте общественного бурления представляются знаковым показателем драматургического текста с точки зрения современных теорий социосинергетического знания и изучения феномена социальной бифуркации. Этот феномен указывает на типологическую связь двух порубежных эпох, отличающихся качественным изменением общественной системы, когда происходят социальные перевороты, революция, когда «действие объективных законов опосредуется сознанием людей», когда, по утверждению Ю.М. Лотмана, «происходит взрыв или вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства культуры, которая содержит в себе потенциальные возможности будущих путей развития, но в момент бифуркационного взрыва определяется случайностью» (см.: [11]). Исследователь О.А. Музыка доказывает первостепенную роль ценностных составляющих на этапах разрушения предшествующего устойчивого общественного состояния и становления последующей социальной реальности, ей представляются характерными следующие черты периодов социальной бифуркации: «Дезорганизация взаимодействия субъектов социальных отношений, ценностная напряженность, противоречия, конфликты, обуславливающие направленность будущего развития общества, в котором определяются возможности реализации ценностных оснований действующих в обществе субъектов» [12]. Также акцентируется внимание на главенствующей роли ценностных установок при осмыслении бифуркационных изломов.

Именно бифуркационные потрясения инспирировали духовные и нравственные «изломы» героя нового времени. Общечеловеческие ценности персонажей «новой новой драмы» находятся вне традиционных христианских представлений о добре и зле*, вне устойчивых понятий гуманизма и этики. Инструментом утверждения этой новой аксиологии становится насилие как многократно

---

* Неслучайным представляется тот факт, что одним из самых востребованных метанарративов, подвергаемых диалогическому переосмыслению и деконструкции, выступает текст Священного Писания в творчестве драматургов И. Вырыпаева, О. и В. Пресняковых, режиссера К. Серебrenникова.

повторяемый отзвук-эхо художественного мира новодраматургов рубежа XX–XXI вв. Образы, знаки-символы и мотивы насилия, деструкция художественного целого, экзальтированное проявление разрушительного, биологически-звериного начала в персонажах современной постмодернистской драмы создают определенную художественную парадигму кошмара, где насилие как основа и драматического действия, и жизненной стратегии героя становится агрессивным художественным приемом воздействия на реципиента: «Автор уже считает необходимым пробивать читателю под дых», «бьет не по голове, а под дых, обращается не к рефлексии, не к вкусу и даже не к совести, а исключительно к инстинкту», «музыка выходит такая несколько животная, и мелодия не особенно чиста» – предельно однозначно характеризует Д. Быков идеостиль титульного представителя «новой новой драмы» И. Вырыпаева [13].

Анализ художественных текстов «новой новой драмы», представленной образцами драмы-притчи, метажанровыми образованиями, позволяет говорить о воплощении в них многоликого хронотопа «кромешного мира», или антимира*, с соответствующим этому пространству-времени кромешным героем, служащим глобальным символом-обобщением специфики современной цивилизации потребления. Семантика антимира, согласно академику Д.С. Лихачеву, слагается путем последовательной замены сущности ее противоположностью: истины – ложью, верха – низом, света – тьмой, нормы – антинормой, своего – чужим, правого – левым, лица – изнанкой. Определяющими характерологическими чертами «кромешного мира» является неупорядоченность и спутанность отношений, иллюзорность «мира изнанки», что призваны подчеркнуть всевозможные и многочисленные «обнажения» и «непристойности» [15. С. 47]. Однако, как указывают исследователи современной литературы Н. Лейдерман и М. Липовецкий,

---

* Актуальность поэтики антимира для авторов-постмодернистов достаточно высока, зачастую их произведения характеризуются абсолютным замещением нормы антинормой или гипертрофированно саркастическим пародированием мира реальности (см., например, исследование Г.И. Лушниковой, Е.Р. Чемезовой [14]).

мифологические образы, просвечивающие сквозь искаженный, изнаночный мир постмодернистского текста и отсылающие к древним архаическим ритуалам, «все же указывают на наличие некой устойчивой тверди, некой версии вечности даже посреди “кромешного” мира» [16. С. 562]. На статус подобной твердыни в «новой новой драме» (как в классическом натурализме) претендует природа, точнее, природно-биологическое начало в человеке и человеческих отношениях. Подчеркнем, что концепция «кромешного мира» выстраивается Лихачевым при изучении демократической сатиры XVII в., противопоставленной сакрализованной официальной культуре Древней Руси, имевшей строго выдержанный серьезный характер. Древнерусская сатира, наполненная «кромешной» образностью, по сути, представляет смеховой мир, сопоставимый с карнавальной реальностью европейской народной культуры Средневековья, описанной М.М. Бахтиным (см.: [17]). Иными словами, «кромешный мир» наполнен амбивалентными смыслами, в которых смерть и разрушение неразрывно сопряжены с обновлением и рождением, а формирование разнообразных моделей «кромешного» художественного пространства-времени в современной драматургии имеет целью не только гротескное фиксирование реальности и карикатурное изображение пороков современности, но связано с поиском утраченных ценностных кодов.

Так, В. Калитвянский, используя постмодернистские средства российского соц-арта, в образе уполномоченного НКВД Ковтун (пьеса «Возчик») многосторонне характеризует антигероя как порождение тоталитарных эпох, когда гарантом социальной стабильности выступает система надзора, принуждения и насилия*. Так, товарищ Ковтун, приехав в вверенный ей район, насаждает философию насилия:

«Ковтун. А сколько у Вас в подвале арестованных?»

Петренко. Один. То есть... теперь – ни одного.

Ковтун. Один? (Качает головой). Да работнички. Ладно, разберемся» [19].

---

* О насильственных механизмах социального регулирования более подробно: В. Беньямин «К критике насилия» [18].

Насилие в ее понимании является типовым образцом существования во времени, определившим лик человечества современной эпохи, и выступает «гигиеной мира» (как сказано Ф. Маринетти, в манифестации итальянского футуризма). Оно, насилие, лежит в основе социального строительства и обеспечения благополучного будущего:

«Ковтун. Я гляжу, вы здесь увязли в текучке, перспективы не видите.

Секретарь. Почему же мы не видим?..

Ковтун. У вас в НКВД всего один арестованный сидел...

Секретарь. Почему один? Было больше. Сколько мы, Семенов, разоблачили врагов за год?

Семенов (глядя в бумажку, которую ему подкладывает Петренко).

Выявлено и разоблачено сто семь явных и скрытых врагов.

Ковтун. Сто семь за год? Надо сто за месяц!» [19].

С одной стороны, детализированно натуралистический, с другой – овеянный ореолом демонизма, образ Ковтун вырастает у Калитвянского в символ разгулявшихся хаотических сил, легализующих разрушение, высвобождающих-одобряющих животное в человеке, делающих агрессию и насилие обыденностью. Сотрудники НКВД имеют непреодолимую страсть к моральной и физической расправе над Другим; они и есть воплощение новой, постмодернистской «этики любви». Приведение в исполнение приговора «высшей меры наказания» вызывает в их душах садистическое наслаждение и священный трепет: *«Семенов. Подносит чернильницу и ручку. Ковтун берет ручку и подписывает. Семенов (со сдержанным нетерпением). Разрешите, товарищ Ковтун, исполнить приговор трудового народа» [Там же].*

И если историософское обращение В. Калитвянского к советскому прошлому, создание агрессивными приемами постмодернизма еще одного фантазмагоричного варианта «альтернативной истории» имеет целью осмысление и мотивацию жесткостей постсоветской действительности, то деструкция в поэтике И. Вырыпаева достигает высшей степени выражения. Она начинает носить самодостаточный – самоценный характер, семантически заявляю-

щий лишь о самом себе. В пьесе «Июль», представляющей историю безумного убийцы-каннибала, животная ипостась человека является своеобразным конвенциональным знаком времени с ослабленными связями философского плана содержания и чрезмерно экспрессивным, травестийно гротескным планом выражения. Напомним лишь одну сцену, в которой герой выражает раздражение по поводу постоянно звучащего шума транспорта, вызывающего в его подсознании болезненные видения-желания: «...на третий день, как в той самой пословице, словно из нее самой и вышла, явилась ко мне... собака, но вести себя стала точь в точь, как та лиса из сказки, и сначала пристроила ко мне свой хвост на мойколени, а потом и вся целиком забралась на печь, прямо к лицу моему прижалась своим лишайным боком, и давай дышать, как будто ее надувают прямо сейчас мотоциклетным насосом... я нашел что-то такое у себя внутри, где-то там, в области сердца и спины, что-то такое, что снова, вдруг, во мне возродило, жажду, еще пожить, а значит и чувство голода, да такого голода, что я как лежал на спине, так, не вставая и задушил псину прямо у себя на груди, а задушив ее, я прямо так не вставая взял да и съел почти добрую ее половину, начал с головы, а закончил на половине туши. И потом еще я почти пол дня лежал в луже собачьей крови...» [20]. Проснувшаяся в герое агрессивная жажда жизни и акцентированная автором тишина / умиротворение после удовлетворения этой жажды выявляют некую органичность и животную ипостась совершенного убийцей действия. Расщепление-расчленение живой плоти в «Июле» отсылает к языческой архаике, ритуалам с человеческими, детскими жертвоприношениями, вовлекает в амбивалентный круговорот смертей / возрождений (см.: [21]).

Стремление к осмыслению нового, только «родившегося», героя, стоящего на пороге цивилизации, находящегося в аксиологическом «зазоре» и еще не подразумевающего, в силу своего архаического уровня развития, о существовании понятия личности и индивидуальности, обращает современных новодраматургов к детской теме, изображению подросткового и юношеского мира. Художественную аналитику растерянного, не имеющего духовно-

личностной возможности обретения собственного Я юного героя, сравниваемого с эмбрионом, зародышем человека, мы находим в драматургии предшественников «новой новой драмы» – Н. Коляды (пьеса «Канотье»), Л. Улицкой (пьеса «Русское варенье»).

Судьба героев-подростков, юношей и девушек определяет сюжет пьес В. Сигарева «Пластилин», «Божьи коровки возвращаются на небо»; при этом молодежь здесь насильственно лишена детства и оказывается жертвой тотальной социальной агрессии среды: идеалы и романтические представления персонажей подвергаются болезненно-му разрушению, тела – надругательству. Таков Максим, герой нашумевшего «Пластилина», мальчик с доброй душой, ставший бессмысленной жертвой беспросветного изнаночного мира, где только смерть позволяет реабилитировать детство, а ребенку чувствовать себя ребенком. Важное место в пьесе занимает несколько раз повторяемый эпизод видения Максимом (мучающимся сильнейшей головной болью и, по-видимому, смертельно больным) умершего товарища:

«Снова ночь. Снова темно. Снова Максим лежит в постели. Снова держится за голову. Снова скулит, сжав зубы.

Вдруг вздрагивает. Прислушивается. Опять вздрагивает.

Выбирается из постели, идет к окну. Отдергивает штору. Смотрит вниз.

В калитке детского сада стоит тот же самый мальчик. Он что-то говорит, но его не слышно. Видно только, как он шевелит губами.

Максим. Я потом. Спира...

Губы мальчика двигаются. Он отходит в глубину детского сада.

Максим. Я потом.

Мальчик машет головой. Говорит. Пятится.

Максим. Я потом...

Темнота поглощает мальчика.

Максим задергивает штору. Достает из-под кровати коробку с пластилином. Лепит» [22. С. 451].

Этот мистико-метафизический разлом в общей картине натуралистического действия-повествования «Пластилина»^{*} может иметь

---

^{*} Прием метафизических срывов предельно натуралистической «обытовленной» действительности был заложен еще Н. Гоголем и виртуозно освоен Н. Колядой в

несколько семантических трактовок. Видение Максима – это и страшное предзнаменование физической смерти мальчика, и знак духовного небытия окружающего его мира, сигнализирующий об иллюзорности, изнаночности всего сущего в этой действительности. Для нас наиболее показательным в данном мистическом эпизоде является вербализация атрибутов детства, до того отсутствовавших в тексте пьесы: игрушки, качели, детский сад и пр. То есть не жизнь и включенность в эту реальность, а именно смерть и исключение из реальности наделяются автором положительной ценностной коннотацией, служат символической девальвацией, указателем возвращения подлинной сущности ноуменам / феноменам, а также вариантом освобождения страдающего / причиняющего страдание персонажа.

В пьесе Ю. Клавдиева «Собиратель пуль», являющейся своеобразным диалогическим продолжением «Пластилина» (соотнесенность фабулы, конфликта, организации действия), герой-подросток уже не пытается проецировать вовне, подобно Максиму, идеалы добра и справедливости. Он оказывается полностью поглощенным теневым миром и является одним из наиболее страшных его воплощений. Автор играет на диссонансе безвинного-безгреховного детства и его уничтожения – «антиповедение» маленького героя, которому насилие начинает доставлять удовлетворение и пределом мечтаний которого служит принадлежность к выдуманному им клану «собирателей пуль»: «ОН. (*Перебивает*). Раньше здесь был пустырь. Вон там был деревообрабатывающий комбинат. Во время перестройки финансирование было прекращено, и комбинат опустел. Здесь стали собираться подростки, такие, которых во всех школах принято называть лохами... Они слушали рок, не простой рок – они слушали группы леворадикального и сатанистского толка. Читали тут книги вслух. Такой, знаете, клуб по интересам – последний в этой стране. Они убивали кошек и мазались их кровью. Ели сырое мясо. Писали стихи. Трахались пря-

---

ряде его пьес, например, «Полонез Огинского», «Откуда-куда-зачем», его школу и представляет В. Сигарев.

мо на полу, среди ржавых станков и гниющих бревен. Трахаться, писать стихи и убивать – все, что нам... им было нужно от жизни. Понимаете?» [23. С. 485].

Зловещий образ детства представлен и в творчестве Олега и Владимира Пресняковых. Их герой руководствуется исключительно биологическими инстинктами и стремлением доминировать в агрессивной социальной среде, при этом авторское уподобление персонажа животному становится навязчивым мотивом художественного мира драматургов. Здесь люди – хищники, более того, – «недолюди». Портрет мнимой свидетельницы на мнимой свадьбе в пьесе Пресняковых «Европа – Азия»^{*} более походит на разлагающийся труп животного, нежели на изображение человека: «Ее платье, когда-то нарядное, поблекло, село прямо на ней и стало походить на облезлое оперение какой-нибудь Серой Шейки, забывшей убраться в теплые края, а лицо и голова “свидетельницы” стали похожи на сливное отверстие ванны, которое пробивали вантузом и оттуда вылезли волосы, зубы, один зрачок и еще кое-что, о чем лучше не говорить» [24]. В этом свадебном карнавализованном пространстве изнаночного мира, где возможное появление новой жизни оказывается циничной иллюзией, дети, словно мелкие стервятники, питающиеся падалью, в их глазах зажигается искра живого чувства в одном-единственном случае, когда они видят деньги: «Тут же из кустов, растущих поодаль, выходят трое маленьких заморышей “кочевой” национальности – это две девочки и мальчик, оборванные и грязные. Завидев людей, они останавливаются, а их карие глаза, до того как будто покрытые мертвенно-тусклой пеленой безразличия, вспыхивают как фары ревущего внедорожника, выскочившего в ночи из-за поворота. Удерживая в глазах этот режущий свет, дети принимают попросайничать, исполняя популярную русскую эстрадную песню» [Там же]. В своем художественном целом антимир драматургии братьев Пресняковых –

---

^{*} Заметим, что драматургами достаточно последовательно проводится тема обряда, связанного с карнавальской культурой. Также представляется символическим, что свадебный обряд, выступающий подготовительным этапом рождения нового, оказывается клоунадой, разыгрываемой с целью получения милостыни.

это тотальный «кромешный мир», лишенный амбивалентной составляющей – смехового начала как перспективной возможности обновления. М. Бахтин, сопоставляя гротеск периода Средневековья и Нового времени, указывал на нарастание тенденций энтропии и ослабление возрождающей силы смеховой культуры при хронологическом приближении к современности, ярчайшим свидетелем этой гипотезы и выступает «новая новая драма» (см.: [17]).

Драматурги XXI в. гротескное пространство лишают восходящей энергии и абсолютизируют низовые смыслы; смех, абсурд, буффонада выступают механизмами развенчания, разрушения и небытия. Художественная стратегия Пресняковых – это консервация человека и человеческого в топосе абсолютного низа – инварианта, показателями которого могут служить земля, материнская утроба, ад. Распространенным мотивом творчества авторов выступает сознательный, обоснованный отказ от деторождения, убийство будущего ребенка как символическое уничтожение собственной жизни и уход в небытие. В пьесе «Перед потопом» женщина, объясняя мужчине* совершение аборта, мотивирует свои действия любовью и жалостью к потенциально возможной новой жизни, что находится в полном соответствии с этикой гипертрофированных самоволия и необузданного желания, характерной для консюмеристского общества: *«Женщина (поднимается, подходит к мужчине, обнимает его за плечи)... я знаю точно... только за себя... я могу жить вместе с тобой... я готова жить вместе с тобой... но за ребенка я испугалась... я слишком любила его, чтобы разрешить ему жить... Где? В этом мире?... Лучше так, пока он ничего не понимает, и я его не знаю... лучше так... я не могу взять ответственность за чью-то жизнь... мне страшно...»* [25]. Впервые в современной драматургии тема-идея невозможности появления ребенка, новой светлой жизни в условиях «кромешного» существования

---

* Персонажи лишены имен, индивидуального облика и неповторимых характеристик внутреннего мира, представляют безликие обобщенные образы, «вписывающиеся» в художественный метод гипернатурализма.

завучала в пьесах представителя «новой волны» Н. Коляды, в частности, в трагифарсе, сегодня уже культовом благодаря постановкам «Современника», «Мурлин Мурло», выступающего в рассматриваемом дискурсе прототекстом. Главная героиня действия, мечтающая иметь ребенка, в порыве обиды, отчаяния и жалости к самой себе произносит: «*Ольга. (тихо)* Если у меня будет ребенок – я его задушу... Сама задушу... Возьму и задушу пальчиками... Задушу, задушу...» [26]. Однако в драме Коляды эта тема оказывается неизменно сопряженной с сентименталистской тональностью сострадания к каждому своему персонажу, что в целом выступает камертоном мерцающей поэтики автора, выстраивающейся на пресечении приемов модернизма-постмодернизма, натурализма и сентиментализма (см.: [6, 27]). Мерцающие начала натурализма и сентиментализма в пьесах Коляды и намечают возможности выхода-разрушения «кромешной» реальности. Последовательные в своих художественных принципах постмодернисты Пресняковы холодно и отстраненно рисуют или принципиально бесплодный мир (сознательный отказ – убийство ребенка), или мир детей-хищников, травестийно уподобленных животным, или же детей болезненных, с патологиями развития. Если у других новодраматургов ребенок или подросток поневоле оказываются заложниками кромешного пространства и страдают от существования в антими́ре, то у Пресняковых разрушается сам архетип «дителя» и комплекс смыслов, связанных с детством (совершенный, безгрешный, идеальный, чистый). Ребенок в их произведениях выступает в качестве раздражающего фактора, помехи, усеченной несовершенной плоти, а материнская забота предстает бессмысленным подвигом самоотречения, пустой тратой сил и энергии:

«1-я женщина: ...Все вокруг кормят их детским питанием, волшебной химией, кормят их чем угодно, только не грудью!»

2-я женщина: Или вообще не рожают!

1-я женщина: Или вообще не рожают! А я родила, кормила его грудью целый год, и что толку, – он все равно оказался глухонемым!» [28].

В антими́ре «новой новой драмы» рубежа XX–XXI вв. не жизнь и любовь, но насилие, разрушение и смерть, вплоть до самоуни-

чтожения, обретают смысл Абсолюта. Ощущение бессмысленности существования, пустоты всего атрибутируемого с человеком и человеческим достигает максимального усиления в сравнении с идеологией предшествующих эпох. Принципиально патологический характер современной культуры отмечал Х. Зендльмайр, связывая эпатажную болезненность человека новой эпохи, называемой автором эпохой «автономного человека», с ее спецификой – травматической утратой духовного, божественного ориентира, т.е. развитием абсолютно автономного мировосприятия, отделенного от религиозных авторитетов и этических максим, лишённого бытийственной устойчивости, что нашло емкое выражение в общеизвестной идее Ф. Ницше о смерти Бога (см.: [29]). Эта гипотеза находится в нелинейном соотношении с исследованиями В. Руднева, рассматривающего взаимообусловленность языка и культуры сознанием и психикой ее реципиента (см.: [30]). Он рассматривает и искусство XX–XXI вв. как глубоко травматическое (после потрясений Первой мировой войны и осознанием фарфоровой хрупкости человеческой жизни), депрессивное, определяемое непоправимой утратой объекта любви*, в качестве которого может выступить близкий родственник, дорогой друг, благополучное существование и, в своем глобальном пределе, – божественное, метафизическое начало. Особенностью депрессивного художественного фокуса является последовательная десемантизация реальности: сознание субъекта лишает смысла каждое сколько-нибудь значимое событие, явление, феномен, что вызвано глобальным отказом от жизни (начиная с отрицания необходимости социальной реализации и общения в границах социума, продолжая бегством от познания и преобразования действительности, завершая отказом от продолжения рода). В. Руднев следующим образом характеризует феномен депрессивной десемантизации: «Для того чтобы уметь воспринимать мир как исполненный смысла и прочитывать его

---

* Первой значимой работой о депрессии как нарциссическом неврозе, определенном травматической утратой объекта любви, выступает статья З. Фрейда «Скорбь и меланхолия» [31].

послания, надо обладать чувствами. Одной интеллектуальной способности недостаточно. При депрессии изменения происходят именно в сфере чувств, эмоций – и мир десемiotизируется, теряет смысл, превращается в бессмысленный конгломерат. По-видимому, для каждого человека осмысленность мира в очень большой степени обусловлена присутствием самой главной вещи и самого главного смысла – объекта любви. Когда этот объект утеривается, смысл и с ним весь мир разрушается» [30. С. 228–229]. Этим можно объяснить изображение жизни в качестве полой формы или симулякризованности «кромешного» существования в постмодернизме в качестве факта художественно-философского отражения депрессии – духовного недуга культуры и человека, в нее включенного.

«Новая новая драма» представляет антиреальность, с одной стороны, десемiotизированную, с другой стороны, наполненную положительными коннотациями в сюжетах, связанных со смертью и разрушением. Жизнь совершенно лишена смысла в сознании героев «кромешного мира». Так, у персонажа «Санитарной нормы» С. Кирова Мирона, много раз испытывавшего свои силы и судьбу в русской рулетке, лишь игра с собственной смертью способна вызвать взволнованный стук сердца и какое-то подобие-карикатуру радости. Парадоксальным (и закономерным одновременно) образом в изнаночном мире «новой новой драмы» именно смерть (не романтизированная или наполненная мистически-возвеличивающим началом как в модернизме, но физиологическая, тривиализованная) дает герою ощущение собственной жизни, подлинности существования:

«*Мирон*. Не напрягайся, Олежка. Я все равно уже не живой. Человек живет, пока хочет чего-нибудь. А я только мучаюсь. Я когда малой был, думал, проживу, узнаю, открою тайну, которую все взрослые прячут от детей. Самое главное, ради чего все это? Зачем эта жизнь? Вот уже сорок лет живу, и представляешь – не узнал. Оказалось, нет никакой тайны и открывать нечего. Одна скука... *Пауза*. А Бог все-таки не дурак. Самое лучшее, что он для нас придумал – это смерть. Это брат красиво» [32].

Однако в потенциале своего Я антигерой-трикстер имеет не только теневое и разрушительное, но и возможность возрождения, полного обновления своей природы до абсолютно идеального, положительного мироощущения. Насилие и деструкция в его мире имеют амбивалентное обоснование, связанное с разрушением старого для обретения принципиально нового, созидания иных ценностных координат или же с возрождением традиционных аксиологем, уничтоженных или поставленных под сомнение катастрофической историей XX столетия. Вновь обретение ценностных координат, будь то поиск принципиально новой этики или реконструкции христианских ценностей, намечает перспективу разрушение «кромешного» пространства / времени и обретения кромешным героем внутреннего благополучия – устойчивости. В метафизическом смысле происходит замещение объекта утраченной любви и восстановление смыслового каркаса реальности. «В этом смысле депрессия закономерно толкуется как временная смерть, а ее завершение – как возвращение к жизни, сопровождаемое смехом, то есть как воскресение» [30. С. 227].

Так, в художественных текстах новейшей отечественной драматургии наряду с уже привычным и обыденным антигероем возникает исправляющийся отрицательный герой, идущий по пути восхождения-воскрешения, вновь ощущающий ценность своего человеческого достоинства и жизни, обретающий любовь и счастье. Таков, например, ссыльнокаторжный Степан в пьесе Елены Греминой «Сахалинская жена». Драматург создает философскую пьесу, в которой каждый образ и каждая деталь приобретают двойное символическое значение – в плане бытовой повседневности и в координатах вечности. Остров Сахалин здесь предстает экзистенциальным тупиком, эквивалентом ада, где каждый отягчен собственным грехом и его вечным искуплением в бесконечном, ином бытии:

«Иван: А вот накажут тебя.

Марина: Дальше Сахалина русские не пошлют... А мы уже на Сахалине.

Иван: А вот посадят тебя на том свете на сковородку. Зачем, скажут, ты, Марина, трех мужей уморила?

Марина (быстро): не трех, а двух.

Иван: На сковородку посадят на том свете!

Марина: тот свет это где?

Иван: Это там.

Марина: дальше Сахалина русские не пошлют.

Иван: Надоело мне все как. Как же мне все надоело! Там, в Дугинской, в кандалной тюрьме, одного к тачке приковали. Куда тачка, туда и он, за ногу приковали. Так мне кажется, что тачка моя всегда за мной тащится. Куда я, туда и она... Куда она, туда и я» [33. С. 127].

Все герои пьесы кольцевым моделированием действия (непрерывный возврат ситуаций, искушающих персонажей) словно обречены на перспективу многократного повторения собственного греха в будущем, а следовательно, и на многократный повтор загубленной грехопадением судьбы:

«Марина: Без греха нельзя. Потому как Сахалин.

Доктор: Этакий звук...То ли звук лопнувшей струны... А это просто один неумелый каторжник стучит по оковам другого» [Там же. С. 133].

«Звук лопнувшей струны» – общеизвестный символ неблагополучия в чеховской поэтике, интертекстуально расширяет ткань пьесы Е. Греминой и усиливает впечатление постоянного возврата действия к уже совершенным когда-то событиям, глубокой и зловещей детерминированности каждого поступка персонажей.

Ивана, Марину, Унтера, Степана, Доктора, Ольгу можно сравнить с героем античной трагедии, априорно несущим груз трагической вины, только существующим в условиях кромешного мира, в котором, казалось бы, нет места искуплению. Однако рождение положительного героя и искупление, переживаемое всеми персонажами пьесы, неожиданно происходит, и совершается оно силой духовного напряжения и всепрощающей любви, на которую, как выясняется, способен каждый грешник. Степан, уличив в неверности вторую супругу (изменившая первая жена была им убита),

прощает изменницу и предавшего его друга. И в этом акте любви и всепрощения чудесным образом преображаются судьбы всех героев «Сахалинской жены», обретающих счастье. Как только совершается духовное преображение Степана, оглашается символическая весть о прорастании древнейшей злаковой культуры на неплодоносящей сахалинской земле, над выращиванием которой многие годы безрезультатно трудился герой:

«Туман рассеивается, светлеет. Шатаясь, как сомнамбула, идет Марина с корзиной рыбы. Роняет рыбу на ходу. Потом отшвыривает корзину входит в дом.

Степан. Заходи, Маринушка... Да что с тобой случилось?

Марина. Взошло... просо...

Степан. Отчего ж не взойти, если все по науке.

Марина. Просо взошло. Никогда такого не было» [33. С. 162].

В обозначенной мизансцене фигурируют два традиционных христианских символа: рыба как аллегорическое изображение монограммы имени Христа; злаки как общеизвестный евхаристический символ, хлеб Святого Причастия, указывающий на человеческую природу Христа, толкование которого восходит к Евангелию от Иоанна («Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»).

Финальная сцена пьесы воссоздает картину, близкую безоблачной идиллии сентиментализма (что также символично и может быть интерпретировано в качестве антидепрессивного восстановления утраченной литературной традиции):

«Все та же изба. Но есть перемены: стоит детская колыбелочка, да не одна, а целых три. Дети агукают, плачут, поют. По дому ходят две пушистые кошки. Марина качает колыбельки. Нарядная Ольга читает вслух письмо Степану.

Ольга. ...рад до самой смерти, что все у вас хорошо. А про ваш урожай, Степан Андреич, даже в газетах писали. Мне показывали замечку товарищи. Ибо у меня новые теперь товарищи, мы вместе крепко думаем, как новую жизнь построить, где все по справедливости.

Отречемся от старого мира, одним словом. Простите меня за все, а ваш бывший Ванька-Ключник до смерти вас не забудет. И прошу передать Ольге Александровне, что...» [33. С. 165–166].

Однако здесь опять слышатся грозные предзнаменования возможности грехопадения в будущем: номинация «товарищи» и озвученная идея сотворения нового идеального мира по законам справедливости отсылают читателя к советской идеологии, заменившей религию; упоминание в самом конце письма Ольги чужой жены, уже однажды искусившей Степана, также указывает на возможность повторения.

Е. Гремина виртуозно использует авторские, интертекстуальные и христианские символы, создавая многомерную смысловую картину истории падения, искупления и возрождения человека (с перспективой вечного, кругового повтора). Введение в текстуальную ткань «Сахалинской жены» христианской символики позволяет драматургу вписать неоднозначного героя современности – теневого архетипа трикстера – в координаты вечности, осмыслить этап постмодернистского аксиологического крушения / поиска в теологическом свете грехопадения, за которым неминуемо последуют воскрешение и преображение человеческой природы.

Структурно-смысловым завершением основного текста пьесы Гремминой служит Приложение, составленное из песен каторжан: «Летавши по воле орел молодой» и «Тюремная скопческая», в содержательном единстве которых с предельной отчетливостью предстает путь спасения человека в Боге. Завершением первой песни, рисующей акт кровавого преступления, выступает строка: «В Сибири жить можно, там люди живут». «Тюремная скопческая» разворачивает сложную дихотомию добра и зла в человеческой душе, разрешить которую может духовный выбор – труд человека в каждый отдельный момент жизни. Песня отражает земной путь Спасителя и дарует надежду на спасение всем без исключения, невзирая на тяжесть совершенного греха. Жизнеутверждающим аккордом звучат последние слова пьесы: «Любовь Божию святую / Об ней надо дорожить» [33. С. 167].

Сложный, порожденный эпохой самоорганизующегося хаоса мировоззренческо-эстетический комплекс «новой новой драмы» моделируется особым художественным методом. Обращение к вневременным темам и социальным проблемам, зазор между идеальным и реальным, иносказание, мотивы богоискательства и мистицизма, интертекстуальность или притчевость являют собой наиболее распространенные эстетические стратегии модернистов XX в., однако современными авторам они реализуются провокационно, через жесткие бытовые реалии, телесную метафору и аллегорию, часто через мотивы и сюжетные схемы насилия, апелляцию к абсолютно телесному низу, «чернушно-кромешную» эстетику. Если говорить о терминологическом определении художественного метода «новой новой драмы», то поэтику символизма, мистицизма «новой драмы» сменяет поэтика «гипернатурализма» или «метафизического натурализма», создающая «кромешную» реальность со спутанными или зачастую отсутствующими ориентирами существования для ее героя-трикстера, в сознании которого абсолютно все в этом антимире лишено смысла. «Кромешная» реальность развивается в парадигме последней версии постмодернизма – постмодерн-традиционализма (о концепции последнего (см.: [6, 34–36]).

Образной характеристикой эстетических средств художественного метода «новой новой драмы» как последовательной десемантизации может служить размышление героя пьесы С. Кирова «Санитарная норма»: «*Мирон*. ...Или вот окно. Утром встанешь, в окно помотришь и муторно так становиться. Смотреть там за окном, конечно, не на что, всегда одно и то же, люди скучные ходят, собаки, кусты пыльные. А если еще и грязь на стекле, совсем дерьмовая картина выходит. (*Разливает водку*)» [32]. Однако натуралистическая «физиономия» новейшей отечественной драматургии выступает метафорическим социально-философским размышлением о современной цивилизации, культуре, человеке. Часто натуралистическая образность вырастает до экзистенциально-метафизической символики, в отталкивающих бытовых картинах читается средневековая аллегория, напоминающая полотна Босха.

Так, в уже упомянутой пьесе С. Кирова тривиальная санитарная норма – экзистенциальный тупик и выражение бессмысленности существования. Смерть обесценивает ценность жизни, стирает индивидуальные различия, унифицирует человеческую личность и стирает память. При этом она лишается мистических смыслов, приобретает сугубо бытовое измерение, концентрируется на клочке земли, а единственным, имеющим значение после смерти человека становится соблюдение санитарных требований:

«Мирон. Ты на новом кладбище бывал?»

Олег (нервно). Слушай! Сколько можно? Давай тему сменим... Там бродяг хоронят.

Мирон (улыбается). Ишь ты как сказал, с презрением. Думаешь, тебя по-другому закопают?

Олег. Всяко.

Мирон. А вот и нет. Это пока мы поверху бегаем – мы разные, кто почище, кто пожирнее, кто весело живет, а кто скучно. Вроде меня. А как время придет, зарывают всех одинаково, два метра земли сверху и все. Санитарная норма. Порядок такой. Слышал?» [32].

В этой реплике героя еще раз актуализируется некий метафизический неонатурализм, отличающий постмодернистское мировоззрение, из пьесы в пьесу воспроизводящее образ кромешного мира изнанки.

Кромешный мир и карнавальные реальности в своей архетипике (см.: [15, 17]) обладают глубоко амбивалентным значением, лишь иногда утрачиваемым в абсолютно кромешных пространствах, как происходит в драматургии братьев Пресняковых. Изнаночный антимир – мир смерти – неизменно связан с возрождением, что определено его смеховым, гротескным началом. Тем самым, откровенное изображение изнанки жизни, выведение на авансцену маргинальных героев в их биолого-телесной ипостаси драматургами «новой новой драмы» требуют объемной интерпретации. Обращение художественного вектора постмодернизма к литературной традиции натурализма, реализма, сентиментализма и появление художественного феномена «неонатурализма» или «ги-

пернатурализма» обуславливают «переключение» процесса абстрагирования телесной образности на буквальное, физиологическое восприятие тела, что становится мостом к обретению человеком его идентичности, способом возвращения субъектно-объектных отношений в область искусства, наполнения его утраченными гуманистическими ценностями. Тем самым, можно констатировать существование «кромешного мира», в который погружен кромешный герой, в текстах «новой новой драмы» современности в нескольких своих вариантах-ипостасях: это и абсолютно депрессивное бытие, обесмысленный конгломерат объектов, т.е. тотальная кромешная реальность, единственной закономерностью которой является многоликий акт насилия, но это и мир, наполненный ощущением грядущего чуда искупления, персонаж которого ищет и находит в акте любви путь исправления своей роковой судьбы.

Литература

1. Липовецкий М.Н. Театр насилия в обществе спектакля: философские фарсы Владимира и Олега Пресняковых // Новое литературное обозрение. 2005. № 73 (3). С. 244–278.
2. Липовецкий М.Н. Перформансы насилия: «новая драма» и границы литературоведения // Новое литературное обозрение. 2008. № 89. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/li12.html> (дата обращения: 30.06.2018).
3. Липовецкий М.Н., Боймерс Б. Перформансы насилия: Литературные и театральные эксперименты «новой драмы». М. : Новое литературное обозрение, 2012. 376 с.
4. Макаров А.В. «Новая драма»: поиск литературоведческой оптики для описания метатеатральных экспериментов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 85–89.
5. Забалуев В.Г., Зензинов А.Б. Новая драма: практика свободы // Новый мир. 2008. № 4. URL: http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2008/4/za14.html (дата обращения: 10.03.2018).
6. Дубровина И.В. Функционирование сентименталистских кодов в поэтике современной драмы (на материале драматургии Н. Коляды) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 261 с.
7. Купреева И.В. Рецепция чеховской традиции российской драматургией конца XX – начала XXI века // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 227–235.

8. Castagno P.C. *New playwriting strategies: Language and media in the 21st century*, second edition. London, 2012. 258 с.
9. Wang S. On publication of contemporary russian drama in China // *Foreign Literature Studies*. 2016. № 38 (2). P. 121–132.
10. Страшкова О.К. «Новая драма» как артефакт серебряного века. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2006. 567 с.
11. Лотман Ю.М. Семьосфера. СПб. : Искусство, 2000. URL: <https://www.twirpx.com/file/1838320/> (дата обращения: 08.03.2017).
12. Музыка О.А. Бифуркации в природе и обществе: естественнонаучный и социосинергетический аспект // *Современные наукоемкие технологии*. 2011. № 1. URL: <https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=26640> (дата обращения: 22.12.2017).
13. Быков Д.Л. На пустом месте 2007–2012. СПб. : Лимбус Пресс, 2016. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=129553&p=1> (дата обращения: 18.05.2017).
14. Лушникова Г.И., Чemezова Е.Р. Поэзия антимира в прозе Ч. Паланика // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 405. С. 30–37.
15. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньырко Н.В. *Смех в Древней Руси*. Л. : Наука, 1984. 295 с.
16. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. *Современная русская литература: 1950–1990-е гг. : учеб. пособие для вузов : в 2 т. М. : Академия, 2002. Т. 2. 685 с.*
17. Бахтин М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. 2-е изд. М. : Художественная литература, 1990. 543 с.
18. W. Benjamin. *Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze*. Suhrkamp Verlag, 1965. P. 29–66.
19. Калитвянский В.И. Возчик. URL: www.proza.ru/2009/01/25/652 (дата обращения: 10.05.2018).
20. Вырыпаев И.А. Июль. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=30251&p=1> (дата обращения: 03.02.2018).
21. Пропп В.Я. *Сказка. Эпос. Песня / ред. В.Ф. Шевченко*. М. : Лабиринт, 2001. 368 с.
22. Сигарев В.В. *Пластилин // Новая драма: [пьесы и статьи]*. СПб. : Сеанс; Амфора, 2008. С. 425–485.
23. Клавдиев Ю.М. *Собиратель пуль // Новая драма: [пьесы и статьи]*. СПб. : Сеанс; Амфора, 2008. С. 245–287.
24. Пресняков В.М., Пресняков О.М. Европа – Азия. URL: https://bookz.ru/authors/brat_a-presnakovi/evropa-a_649/1-evropa-a_649.html (дата обращения: 20.02.2018).
25. Пресняков В.М., Пресняков О.М. *Перед потоком*. URL: www.e-reading.club/book.php?book=98327 (дата обращения: 21.02.2018).
26. Коляда Н.В. *Мурлин Мурло*. URL: kolyada.ur.ru/murlin_murlo (дата обращения: 10.04.2017).
27. Лейдерман Н.Л. *Драматургия Николая Коляды: Критический очерк*. Калининград : Калан, 1997. 160 с.

28. Пресняков В.М., Пресняков О.М. Плохие постельные истории. URL: modernlib.net/books/presnyakov_vladimir/plohie_postelnie_istorii/read/ (дата обращения: 19.03.2018).

29. Зедльмайр Х. Утрата середины. Революция современного искусства. Смерть света. М. : Территория будущего, 2008. 638 с.

30. Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия. М. : Территория будущего, 2007. 527 с.

31. Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. М., 1994. URL: freudproject.ru/?p=796 (дата обращения: 11.04.2017).

32. Киров С. Санитарная норма. URL: www.theatre-library.ru/authors/k/kirov_semen (дата обращения: 23.05.2018).

33. Гремина Е.А. Сахалинская жена // Новая драма: [пьесы и статьи]. СПб. : Сеанс ; Амфора, 2008. С. 121–171.

34. Эпштейн М.Н. Прото-, или Конец постмодернизма // Знамя. 1996. № 3. С. 196–210.

35. Липовецкий М.Н. ПМС (постмодернизм сегодня) // Знамя. 2002. № 5. С. 200–212.

36. Липовецкий М.Н. Паралогии: трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре, 1920–2000-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 840 с.

A “Pitch-Dark” Character in a “Pitch-Dark” World of Russian Postmodern Drama

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 41–66

DOI: 10.17223/23062061/21/3

Irina V. Kupreeva, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: 88888888_87@mail.ru

Olga K. Strashkova, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation). E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

Keywords: postmodern, depressive character of art, “new new drama”, pitch-dark world, bifurcation, axiological notion “violence”, desemiotization of reality, trickster character.

The focus of the artistic analysis is on the poetics of the “new new drama” – a phenomenon of Russian literary postmodern and an emerging form-content unity that is the most aesthetically flexible and experimentally audacious in transgression of genre borders, sense and structure elements and, in the first place, axiological grounds and metaphysical principles. Plays by modern authors (E. Gremina, I. Vyrypayev, V. Sigarev, Yu. Klavdiev, V. Kalitvianskiy, S. Kirov, the brothers Presnyakov, and others) reveal the dominating intentionality: a pursuit to find a genre form that provides reflection of the post-perestroika cultural-social reality, peculiarities of the consciousness and spiritual life of contemporaries, people of an essentially new formation whose motivation turned out to be beyond the traditional ideas of the good and the evil dichotomy. The

above-mentioned predetermines the topicality and novelty of the study. The text analysis of the plays *The Sakhalin Wife* by E. Gremina, *The Carter* by V. Kalitvyanskiy, *A Sanitary Standard* by S. Kirov, *July* by I. Vyripayev, *Plasticine* by V. Sigarev, *Bullet Collector* by Yu. Klavdiev, *Europe-Asia, Pub, Bad Bed Stories* by the brothers Presnyakov proves that the reality the playwrights depict and its hero-inmate dwell in a nightmare and antiworld paradigm: a desemanticized conglomerate of objects symbolizing the consumer society in a grotesque way; the only meaningful constituents of this society are violence and death. The aesthetic pillars, typical features and basic semes of the “pitch-dark world” are as follows: life as a hollow form or a simulated being; depressive space and time; an irretrievable loss of the “object of love”; absolutization of death, as a value category as well; antihero or trickster who is beyond traditional views on spirituality, morality and virtue. The variations of characters range from madman-cannibals to ordinary family tyrants; a special type is a child as an antonym to the archetype of a pure and sinless infant. Complete destruction gives the subject/object of the “pitch-dark world” a chance to regain the lost meanings of existence; things and phenomena can reclaim authenticity (it appears to be symbolic when teenage characters acquire childhood attributes only in a metaphysical other-worldly space). The death actualized in character’s consciousness both as an existential fear-nightmare and an existential way out destroys the viciousness, purposelessness and boredom of the simulated life-inversion. The “pitch-dark world” of modern drama still preserves ambivalent meanings typical of this cultural archetype (defined in works by M. Bakhtin, D. Likhachev, A. Panchenko, N. Ponyrko, Yu. Mann): absolute death does not eliminate the hope for revival and the miracle of redemption, rectification of the ill fate, while total destruction and negation are connected with the pursuit of new life guidelines.

References

1. Lipovetsky, M.N. (2005) *Teatr nasiliya v obshchestve spektaklya: filosofskie farsy Vladimira i Olega Presnyakovykh* [Theater of violence in the performance society: Philosophical farces of Vladimir and Oleg Presnyakov]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 73(3). pp. 244–278.
2. Lipovetsky, M.N. (2008a) *Performansy nasiliya: “novaya drama” i granitsy literaturovedeniya* [Violence performances: “a new drama” and the boundaries of literary criticism]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 89. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/li12.html> (Accessed: 30th June 2018).
3. Lipovetsky, M.N. & Boimers, B. (2012) *Performansy nasiliya: Literaturnye i teatral'nye eksperimenty “novoy dramy”* [Performances of violence: Literary and theatrical experiments of the “new drama”]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.
4. Makarov, A.V. (2012) “New drama”: Search for literary optics for meta-theatrical experiments description. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 6. pp. 85–89. (In Russian).
5. Zabaluev, V.G. & Zenzinov, A.B. (2008) *Novaya drama: praktika svobody* [New Drama: The Practice of Freedom]. *Novyy mir*. 4. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novy_mi/2008/4/za14.html (Accessed: 10th March 2018).

6. Dubrovina, I.V. (2014) *Funktsionirovanie sentimentalistskikh kodov v poetike sovremennoy dramy (na materiale dramaturgii N. Kolyady)* [Sentimentalist codes in the modern drama poetics (a case study of N. Kolyada's dramaturgy)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
7. Kupreeva, I.V. (2016) Reception of Chekhov's tradition by Russian drama in the late 20th – early 21st centuries. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Studies*. 4. pp. 227–235. (In Russian).
8. Castagno, P.C. (2012) *New Playwriting Strategies: Language and Media in the 21st Century*. 2nd ed. London: Routledge.
9. Wang, S. (2016) On publication of contemporary russian drama in China. *Foreign Literature Studies*. 38(2). pp. 121–132.
10. Strashkova, O.K. (2006) “Novaya drama” kak artefakt serebryanogo veka [“New Drama” as an Artifact of the Silver Age]. Stavropol: Stavropol State University.
11. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo.
12. Muzyka, O.A. (2011) Bifurkatsii v prirode i obshchestve: estestvennonauchnyy i sotsiosinergeticheskiy aspekt [Bifurcations in nature and society: the natural science and socio-synergetic aspect]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii – Modern High Technologies*. 1. [Online] Available from: <https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=26640> (Accessed: 22nd December 2017).
13. Bykov, D.L. (2016) *Na pustom meste 2007–2012* [From scratch 2007–2012]. St. Petersburg: Limbus Press. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=129553&p=1> (Accessed: 18th May 2017).
14. Lushnikova, G.I. & Chemezova, E.R. (2016) Poetics of the anti-world in prose by Ch. Palahniuk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 405. pp. 30–37. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/405/4
15. Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. & Ponyrko, N.V. (1984) *Smekh v Drevney Rusi* [Laughter in Old Rus]. Leningrad: Nauka.
16. Leiderman, N.L. & Lipovetsky, M.N. (2002) *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gg.* [Contemporary Russian literature: 1950–1990s]. Vol. 2. Moscow: Akademiya.
17. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
18. Benjamin, W. (1965) *Zur Kritik der Gewalt und andere Aufsätze*. Suhrkamp Verlag. pp. 29–66.
19. Kalitvyansky, V.I. (n.d.) *Vozchik* [Carter]. [Online] Available from: www.proza.ru/2009/01/25/652 (Accessed: 10th May 2018).
20. Vyrypaev, I.A. (n.d.) *Iyul'* [July]. [Online] Available from: <https://www.litmir.me/br/?b=30251&p=1> (Accessed: 3rd February 2018).
21. Propp, V.Ya. (2001) *Skazka. Epos. Pesnya* [Fairy tale. Epos. Song]. Moscow: Labirint.
22. Sigarev, V.V. (2008) Plastilin [Plasticine]. In: Korshakova, O. (ed.) *Novaya drama. P'esy i stat'i* [New drama: Plays and Papers]. St. Petersburg: Seans; Amfora. pp. 425–485.

23. Klavdiev, Yu.M. (2008) Sobiratel' pul' [Bullet Collector]. In: Korshakova, O. (ed.) *Novaya drama. P'esy i stat'i* [New drama: Plays and Papers]. St. Petersburg: Seans; Amfora. pp. 245–287.
24. Presnyakov, V.M. & Presnyakov, O.M. (n.d.) *Evropa – Aziya* [Europe – Asia]. [Online] Available from: https://bookz.ru/authors/brat_a-presnakovi/evropa-a_649/1-evropa-a_649.html (Accessed: 20th February 2018).
25. Presnyakov, V.M. & Presnyakov, O.M. (n.d.) *Pered potopom* [Before the Flood]. [Online] Available from: www.e-reading.club/book.php?book=98327 (Accessed: 21st February 2018).
26. Kolyada, N.V. (n.d.) *Murlin Murlo* [Murlene Murlo]. [Online] Available from: kolyada.ur.ru/murlin_murlo (Accessed: 10th April 2017).
27. Leiderman, N.L. (1997) *Dramaturgiya Nikolaya Kolyady: Kriticheskiy ocherk* [Nicholay Kolyada's Dramaturgy: A Critical Essay]. Kamensk-Uralsky: Kalan.
28. Presnyakov, V.M. & Presnyakov, O.M. (n.d.) *Plokhie postel'nye istorii* [Bad bedding stories]. [Online] Available from: modernlib.net/books/presnyakov_vladimir/plokhie_postelnye_istorii/read/ (Accessed: 19th March 2018).
29. Sadlmayr, H. (2008) *Utrata serediny. Revolyutsiya sovremennogo iskusstva. Smer' sveta* [Loss of the middle. The revolution of modern art. Death of the light]. Translated from German. Moscow: Territoriya budushchego.
30. Rudnev, V.P. (2007) *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya* [Philosophy of Language and Semiotics of Madness]. Moscow: Territoriya budushchego.
31. Freud, S. (1994) *Khudozhnik i fantazirovanie* [Artist and fantasy]. Translated from German. Moscow: Respublika. [Online] Available from: freudproject.ru/?p=796 (Accessed: 11th April 2017).
32. Kirov, S. (n.d.) *Sanitarnaya norma* [Sanitary norm]. [Online] Available from: www.theatre-library.ru/authors/k/kirov_semen (Accessed: 23rd May 2018).
33. Gremina, E.A. (2008) *Sakhalinskaya zhena* [Sakhalin wife]. In: Korshakova, O. (ed.) *Novaya drama. P'esy i stat'i* [New drama: Plays and Papers]. St. Petersburg: Seans; Amfora. pp. 121–171.
34. Epstein, M.N. (1996) Proto-, ili Konets postmodernizma [Proto-, or The End of Postmodernism]. *Znamya*. 3. pp. 196–210.
35. Lipovetsky, M.N. (2002) PMS (postmodernizm segodnya) [PMS (postmodernism today)]. *Znamya*. 5. pp. 200–212.
36. Lipovetsky, M.N. (2008b) *Paralogii: transformatsiya (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture, 1920–2000-ih godov* [Paralogies: Transformation of (post)modernist discourse in Russian culture, 1920–2000s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 002.2(571.16)“19/20”
DOI: 10.17223/23062061/21/4

И.А. Айзикова

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О СИБИРИ В КНИЖНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Г.К. ТЮМЕНЦЕВА *

Аннотация. Статья продолжает цикл публикаций, посвященных разделу художественной литературы из личной библиотеки томского bibliофила Г.К. Тюменцева. Анализ показал, что у Тюменцева, безусловно, было не случайное собрание изданий художественной литературы, оно подбиралось в соответствии с определенными принципами и личными пристрастиями. Рассмотренную в данной статье группу составляют литературно-художественные произведения о Сибири.

Ключевые слова: сибирский bibliофил, личная библиотека, Г.К. Тюменцев, издания, художественная литература о Сибири.

Нам уже приходилось писать о собрании художественной литературы, русской и зарубежной, входящем в состав личной библиотеки Г.К. Тюменцева, известного томского краеведа, педагога, типичного представителя сибирской интеллигенции конца XIX – начала XX в., вошедшего в историю Сибири, Томска, Томского университета и как книголюб и bibliофил, собравший большую книжную коллекцию и передавший ее в конце 1910 – середине 1920-х гг. в Научную библиотеку Томского университета [1, 2]. В предлагаемой статье обратимся к литературно-художественным изданиям, посвященным сибирской тематике, владельцем которых был томский собиратель, любитель и знаток книг. Это книжные издания и публикации в периодике XIX в.

---

* Статья написана в рамках научного проекта 8.1.02.2019, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Наиболее ранним произведением по времени выхода из печати в библиотеке Тюменцева является книга «Письма о Восточной Сибири» А.И. Мартоса [3], участника войны 1812 г., члена «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», с 1822 по 1827 г. находившегося на службе в Енисейском губернском правлении. В конце 1823 – начале 1824 г. он совершил поездку из Красноярска в Кяхту и Маймачен. Его «Письма...», содержащие подробное описание этой поездки, были опубликованы в 1827 г. в Университетской типографии Москвы. Сочинение написано в характерной для прозы 1820–1830-х гг. форме путевых заметок. Его содержание определяют свойственные жанру путешествия темы этнографического, географического, социально-исторического плана. Книга очень скоро стала весьма популярной. Известно, например, что уже осенью 1827 г. ее выписала в Читинский острог А.Г. Муравьева. Сегодня издание, безусловно, является раритетным памятником книжной истории. В экземпляре, принадлежащем Г.К. Тюменцеву, на нескольких страницах, на нижнем или верхнем поле, имеется подпись: А. Барков, Барков.

«Рассказы сибиряка» В.И. Соколовского [4], опубликованные в 1833 г. в московской типографии Лазаревых Института восточных языков, представляет собой не менее редкое и уже в силу этого ценное издание (книга отмечена владельческим штампом Г.К. Тюменцева, без помет). Автор этого сборника, вышедшего с посвящением «Прелестной брюнетке» и с эпитафией из А. Вельтмана («Я ль виноват, что тебя, черноокою, / Больше, чем душу, люблю»), – поэт, окончивший Московский кадетский корпус, а после служивший в канцелярии Томского губернского правления и в 1832 г. вышедший в отставку и возвратившийся в Москву, где он знакомится с Н. Полевым и М. Погодиным, П. Вяземским и В. Одоевским, сближается с А. Полежаевым, Н. Огаревым и А. Герценом. «Рассказы сибиряка», написанные стихами и прозой, относятся к раннему творчеству беллетриста и обращены к массовому читателю. В книгу вошло 5 рассказов и послесловие, в которых предпринята попытка соединить шутовское, «легкое» и серьезное чтение.

Сборник строится на «болтовне» автора-повествователя с воображаемой возлюбленной. Сибирская тема в рассказах сводится к следующему. Неожиданно вспомнив о своем «хорошем приятеле», забайкальском ламе, который «помнил наизусть шагямунианское писание», о том, что он сверял свои записи о буддизме с рассказом ламы и понял, что «в ней ни дать ни взять то же самое», повествователь начинает перемежать признания Катеньке в любви с изложением буддистских идей.

На «Рассказы сибиряка» отозвался Н.А. Полевой, отмечавший в них, кроме подражательности, именно «воспевание шутивным слогом предметов важных» [5].

Обращает на себя внимание и наличие в книжной коллекции Тюменцева сочинений талантливого беллетриста Д.И. Стахеева, судьба которого также была связана с Сибирью. Происходя из купеческой семьи, в подростковом возрасте он был отправлен в Сибирь по торговым делам. Позднее, в 1863 г. он уехал на Амур заниматься выращиванием зерновых культур. По возвращении в Петербург он работал редактором таких изданий, как «Нива», «Русский мир», «Русский вестник». Стахееву принадлежит ряд путевых очерков, романов и повестей. В библиотеке сибирского библиофила хранятся два сборника рассказов: «На память многим. Рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре Д.И. Стахеева», изданные автором в Санкт-Петербурге в 1867 г. в типографии Рюмина и комп. (гр. Кушелева-Безбородко) [6], и «Глухие места. Рассказы Д.И. Стахеева», изданные А.И. Щербаковым в Санкт-Петербурге в 1868 г., отпечатанные в типографии А. Моригеровского [7].

В предисловии к первой книге автор сам называет главную тему сборника: купеческая жизнь в разных уездных городах России, «темная сторона этого быта, семейный деспотизм». Цель своих сочинений беллетрист видит в представлении читателям «общей картины», «группировке» «в одно целое различных явлений» [6. С. I], что отражает общую тенденцию русской литературы к циклизации, к эпическому повествованию. Из 11 рассказов, размещенных в книге, раздвигающих, по мнению исследователя, «гра-

ницы «физиологического очерка» новыми темами, разнообразием способов изображения действительности», в частности, «российской провинции 1850-х гг.», провинциального купечества [8. С. 5]*, только один написан на сибирском материале – «На большой сибирской дороге. Зимние сцены».

Тема рассказа, герои, авторская позиция и даже хронотоп типологически сходны с другими рассказами цикла. Так, образ сибиряка не наделяется какими-то специфическими чертами, будучи рассмотрен в духе народнической беллетристики как тип «провинциальных жителей, не оторвавшихся от народных традиций» [8. С. 11]. Типизация достигается традиционными художественными средствами: портретная и речевая характеристика, изображение героя в повседневных, правдоподобных ситуациях. Сам принцип правдоподобности типизирует и героя, и сюжет, и повествование, и пространственно-временную организацию рассказа. Детали описания разных героев, разных ситуаций, разных уездных городов повторяются, подчеркивая схожесть характерологии, сюжетостроения, всех хронотопов цикла. Главной приметой последнего во всех рассказах, в том числе и в «сибирском», является статичность.

Типизированы и описания природы: подчиненные выражению авторской мысли, пейзажи оказываются социально окрашенными. Все они, включая и природные описания в рассказе «На большой сибирской дороге», фиксируют непогоду, показывают противостояние человека и природы. Все и все унылы, выражая эмоциональное состояние автора-повествователя. Акцентируя внимания читателей на принадлежность рассказчика миру, о котором идет речь в произведении, автор и это использует как способ реализации принципа достоверности нарратива, из рассказа в рассказ фиксируя при этом дистанцию между рассказчиком и автором-повествователем. Рассматриваемое издание отмечено владельческим штампом, помет не имеет.

Во втором издании Стахеева, также помеченном личным штампом Тюменцева, имеются читательские пометы. В оглавлении кре-

---

* См. также: [9, 10].

стиком (х) из 16 рассказов сборника отмечены 10: «Лесопромышленники», «Легкая благотворительность», «В глухом лесу», «Город Крутогорск», «На пути с Амура», «Темное дело», «Курьезная покупка», «Сельский книготорговец», «Страшный случай», «Один из многих». Из них только в «Лесопромышленниках» указано, что местом действия рассказа является Сибирь. Все характеристики, данные выше сборнику «На память многим», в полной мере могут быть отнесены к сборнику «Глухие места».

Из книг Г.К. Тюменцева, опубликованных в 1880–1890-е гг., прежде всего, отметим «Очерки и рассказы» В.Г. Короленко, писателя, прошедшего через сибирскую ссылку, бывавшего в Томске. Его «Очерки и рассказы» были изданы редакцией журнала «Русская мысль» в 1887 г. в московской типо-литографии И.Н. Кушнера и К° [11]. В сборник вошли произведения, написанные по сибирским мотивам: «Сон Макара», «В ночь под светлый праздник», «В подследственном отделении», «Соколинец», «Очерки сибирского туриста», а также созданные непосредственно в годы якутской ссылки («В дурном обществе») и сразу по возвращении из нее («Лес шумит», «Старый звонарь»). Книга не содержит читательских помет, но сам факт ее наличия в коллекции Г.К. Тюменцева весьма показателен.

Представляется неслучайным присутствие в библиотеке Тюменцева и сборника «Якутские рассказы» В.Л. Серошевского [12], прошедшего в якутской ссылке 12 лет, во время которой и были написаны рассказы о местных жителях, собраны материалы этнографического плана. Сборник из коллекции Тюменцева, изданный в Санкт-Петербурге О.Н. Поповой в 1898 г. вторым изданием, в составе серии «Рассказы о разных странах и народах», открывается предисловием от автора, в котором читаем следующее: «Интерес, который возбуждает в настоящее время Сибирь и особенно далекие ее окраины, побудил меня собрать в одно эти рассказы, касающиеся Якутской области... В конце я приложил три самые законченные из записанных мною якутских преданий, без всякого изменения, как образцы рассказов о самих себеописуемых мною людей» [12, нумерация страниц отсутствует]. В Предисловии ко

второму изданию» автор представляет героев своих сочинений: «мирное, способное племя якутов, где кочуют благородные, великодушные тунгусы и воинственные, гордые чукчи» [12. С. 1].

В сборник вошли четыре рассказа: «Осень», первый по времени написания, «Украденный парень», «Хайлак» и «В жертву богам». В них органично соединяются документальное и художественное начала: описание климата, прежде всего, якутской зимы, природного мира, социального устройства жизни местного населения, хозяйства, одежды, устоев семейной жизни и других сочетается с интересными, экзотичными сюжетами, взятыми из реальной жизни якутов, русских ссыльных, с которыми Серошевский прожил более 10 лет. В сборник вошли также три предания: «Разбойник Маньчары», «Покорение Колымского края» и «Великаны Ледовитого океана». Издание очень хорошо иллюстрировано, главным образом фотографиями. В рассказе «Осень» находим несколько исправлений опечаток, других читательских отметок нет.

Характерен интерес томского библиофила к изданию «Повести и рассказы» Г.А. Мачтета, также отбывавшего наказание в сибирской ссылке. В книгу, опубликованную в 1887 г. в московской типо-литографии И.Н. Кушнерева и К° [13], наряду с романом «И один в поле воин», вошел цикл «Рассказы из сибирской жизни». Это было первое книжное издание рассказов, опубликованных ранее в журналах «Наблюдатель», «Отечественные записки». Все произведения написаны в рамках эстетики и поэтики народнической беллетристики. Помет и в этой книге нет, хотя и здесь весьма красноречиво само наличие издания в библиотеке томского книголюба.

В коллекции Тюменцева широко представлено творчество еще одного представителя народнической беллетристики, томича Н.И. Наумова, одного из крупнейших представителей сибирского литературного процесса. Остановимся на этом подробнее. Так, Тюменцев владел отдельным изданием повести «Паутина» (авторское жанровое определение – «Рассказ: Из жизни приискового люда в Сибири»), выпущенным в Петербурге в 1888 г. типографией М.М. Стасюлевича [14]. Оно вплетено в конволют № 104 [15. Кон-

волют 104. № 118363. Л. 327–445]*, в состав которого, кроме него, вошли издание «народной комедии из сибирской жизни в 3-х действиях» В.М. Михеева «По хорошей веревочке (По хорошей дорожке)», подготовленное типографией И.Д. Сытина в 1889 г., отчеты Томского благотворительного общества за 1888 г., Владивостокской городской управы за 1884 г., «очерки из быта самоедов» «Ильдиа» Л. Симоновой (издание журнала «Родник», выпущено петербургской типографией газеты «Новости», 1886). Помет ни в одном издании конволюта нет. Фрагменты журнальной публикации этой же повести Наумова [16. 1880. № 1. С. 117–144; № 2. С. 193–230; № 7. С. 83–122], с подзаголовком «Сцены», вшиты в конволюты № 48 [15. Конволют 48. № 118307. Л. 115–147(об.)] и 109 [Там же. Конволют 109. № 118368. Л. 255–274(об.)], пометы в них также отсутствуют.

Еще одна повесть Наумова «Деревенский торгаш (предпраздничные сцены)», также в журнальной публикации [16. 1871. № 4. С. 89–111], с посвящением Е.А. Петровой, тоже без помет, входит в состав конволюта № 10 [15. Конволют 10. № 118269. Л. 237–247]. Кроме сочинения Наумова, в него вшиты «Память праведного (Иннокентия) с Похвалами»; «Речь перед началом молебствия, при открытии Миссионерского общества, произнесенная инспектором С. Петербургской Д.<уховной> Академии Архимандритом Владимиром, назначенным в должность начальника Алтайской духовной миссии 21 ноября 1865 г.»; «Путешествие по Томской губернии великого князя Владимира Александровича»; исторический очерк «Камчатские школы с 1745 по 1783 год» (приложение к № 26 «Сибирской газеты» за 1882 г.), перепечатка из «Русского вестника» фрагмента автобиографических заметок К. Золотилова «Сибирская тайга», очерки Н. Кострова, «Арестантские дети» К. Никифорова – публикация из «Особого приложения» к газете «Сибирь», фрагмент очерков Н. Шелгунова «Сибирь по большой

---

* Феномен конволютов в библиотеке Г.К. Тюменцева требует отдельного осмысления, мы не останавливаемся на нем подробно, освещая лишь один из аспектов проблемы, связанный с контекстом размещения владельцем интересующих нас изданий в авторском сборнике.

дороге», опубликованный в «Русском слове», «Исправительное значение русской ссылки» Н.М. Ядринцева и др.

Пометы в этом конволюте находим только в очерке «Сибирский холод» из названного выше цикла Шелгунова. В нем отчеркнут на полях вертикальной линией и отмечен галочкой фрагмент, посвященный суровому сибирскому климату и своеобразным отношениям сибиряков с природой. «В этой стране, жалкой по своему географическому положению, стране резких переходов от крайностей жара к морозам, ледящим ртуть, стране жалкой растительности, борьба с природой не легка», и сибиряк вовсе не стремится одолеть природу, «он только подчинялся ей» [15. Л. 226 об.]. Таким же образом отмечены отрывки о влиянии ветров на сибирский климат, о южном склоне Алтайского хребта, которое представляет «небольшое пространство земли, защищенное от холодных северных ветров» и пользуется «южным теплом», положив основу мифа о том, что в Сибири растут арбузы и яблоки, о ее «удивительной» флоре и фауне. Отмечены отрывок о малом числе произрастающих в Сибири растений, по сравнению со странами, «находящимися с нею под одной долготой», и авторское заключение, где говорится о том, что «может, наступит время, когда недостаток земли научит человека растить хлеб и лес на камнях, но пока еще наступит для Сибири время подобных знаний, пройдут столетия; а в эти столетия обнажение каменистых и высоких мест будет идти все тем же путем и увеличит немало и площадь бесплодных пространств Сибири» [Там же. Л. 225–225 об., 226].

В библиотеку томского книголюба вошел и сборник рассказов Н.И. Наумова «В тихом омуте», с подзаголовком «Рассказы из быта сибирских крестьян». Книга издана книжным магазином В.А. Цвылева, отпечатана в петербургской типографии А.М. Хана в 1881 г. [17]. В сборник вошли рассказы и очерки, первоначально печатавшиеся автором в столичных журналах.

В книге много читательских помет. Во-первых, в оглавлении галочкой отмечены все рассказы и очерки: «Умалишенный» (заглавие подчеркнуто еще двумя горизонтальными черточками), «Кающийся», «Куда ни кинь – все клин», «Яшник», «Паутина»,

«Как аукнется, так и откликнется», «Погорельцы». Во-вторых, пометы карандашом находим в рассказах «Умалишенный», «Куда ни кинь – все клин», очерках «Кающийся», «Яшник», в «сценах» «Паутины».

Пометы в текстах можно разделить на три группы. Первую составляют подчеркивания местных географических названий, указаний на их статус, длину расстояния, количество времени, требующегося для переезда из одного пункта в другой. Все это – детали, придающие достоверность повествованию. Так, в «психологическом этюде» «Умалишенный» подчеркнуто следующее: *крестьянин села Крутые Лога* (на поле напротив сделана запись: «Томск»); *мирошкинский сельский староста*; *купцов по доставке товаров из Ирбита в Ирбит; в Панютиной деревне живет*. Последние три подчеркивания на полях отмечены горизонтальной черточкой. В очерке «Кающийся» подчеркивания *сынوك Семена Артемьевича из Клинков; в Томске обучался; у нас на Алтае; был в деревеньке Смуровой* также отмечены и на полях горизонтальной короткой линией. Подобные пометы находим в рассказах «Куда ни кинь – все клин» (мост *почти на сорок верст; в губернский город Т...ь; село Абацкое*), в очерке «Яшник» (*жители деревеньки Турбы; по дороге к Березову*), в «Паутине» (*на езду в город... месяца полтора*; на полях, напротив сокращенного названия местности *подъезжал к селу Т...ь* даны варианты расшифровки сокращения: *Тогоул, Тикуль*).

Вторую группу помет составляют подчеркивания народного словоупотребления: *поцупашь, знашь* («Куда ни кинь – все клин»), *делаешь, разбираешь, знам, ближай всего, десять рублей, ходателев много, не можем, не взядиши, антирес, завсегда, с кеих еще пор, в такой задвенной сторонушке* («Паутина»), *пушишай, тоись таперя, крешшоному люду, чаво* («Погорельцы»).

Наконец, большую группу помет составляют выделения скобками монологов, диалогов героев и целых сцен из повести «Паутина». Так, например, выделены фрагменты разговора рассказчика с купцом Кузьмой Терентьевичем о том, как он «выказывает уважение» приисковым «работничкам», угождая им всем, чем можно во время разгула, чтобы вытянуть из них все заработанные на прииске деньги. При этом Кузьма Терентьевич, лукавая, доказывает,

что он делает это из человеколюбия, высокого «христианского долга», из доброго отношения к приисковым, давая им возможность «хоть денек-другой пожить власть, по своей воле, господином своего достатка». По его словам, он «спасает» село, которое не уважаемые «работнички» могут разнести по бревну: «Ведь это оголтелый человек-то, он и свою-то жизнь ниже гроша ценит, а чужая-то ему и того дешевле» [17. С. 175]. Отмечен и фрагмент диалога рассказчика с волостным головой Клокачевым, в котором последний говорит о том, как на спаивании приисковых сделал свой капитал отец Кузьмы Терентьевича, первым открывший в их крае кабак. Отчеркнуто вертикальной линией на полях и отмечено маленькой горизонтальной черточкой заключение рассказчика: «Несмотря на то, что я уже давно покинул Сибирь, а эти сцены и теперь еще живо проносятся передо мной, порождая во мне глубокую грусть и боль за положение рабочего люда, забитого и униженного, но достойного лучшей участи» [Там же. С. 197]. Далее отчеркнута скобками большая сцена в лавке Семена Петровича Костылева, устроившего «распродажу» испорченного товара. Кульминацией сцены является попытка рабочего найти справедливость и вернуть деньги, отданные Костылеву за плохой товар, которая заканчивается арестом всех участников спора. Далее отмечена сцена в постоялой избе Марка Антоновича Лубнова, «гости» которого уже потратили все деньги, но не съезжают, довольствуясь плохой едой и грубым обращением с ними. Примеры выделенных сцен можно продолжить. Все они касаются острых проблем жизни рабочих сибирских золотых приисков – начиная от социальных и кончая нравственными.

Тюменцевская коллекция сочинений Д.Н. Мамина-Сибиряка, не имея читательских помет, интересна тем, что она, так же как и сочинения Н.И. Наумова, распределена владельцем по конволютам. Так, в конволют № 62 вшиты две публикации: «Дешевка (Из летних экскурсий по Уралу)» и «Последняя веточка. Из старообрядческих мотивов» [15. Конволют 62. № 118321. Л. 368 (об.)–375 (об.), 376–390]. От руки надписаны колонтитулы: в первом издании – *Книжки «Недели»*, во втором – *Книжки «Недели» 1885 г.*

№ 7, что указывает на источник, из которого Тюменцевым были изъятые данные публикации для вpletения в свой конволют [18. № 1. С. 1–15; № 7. С. 1–29]. Им является литературный журнал «Книжки “Недели”», выходивший ежемесячно как приложение к петербургской газете «Неделя», занимавшей либерально-народнические позиции. Содержание журнала составляла отечественная художественная литература, в нем печатались Л.Н. Толстой, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, Г.И. Успенский и др.

В обоих произведениях, привлечших внимание Тюменцева, картины «сибирский», «уральский» жизни, при всей их конкретности и реалистичности, своей тематикой отражают общие для пореформенной России проблемы. Так, первый рассказ, продолжая темы очерков «С Урала», поднимает вопрос о пьянстве, обостряемый ситуацией повсеместного голода. Мотив «дешевки» – дешевой водки, предлагаемой местным жителям главным «водочным королем», народным «благодетелем», желающим монополизировать алкогольный рынок, переплетается с мотивом восторга местных «магнатов», испытываемого ими от того, как развернул свое дело «водочный король» Закржицкий. Центральным событием рассказа оказывается разгул целой деревни, угощающей «дешевкой» – сцена «пития всем миром».

Второе произведение входит в цикл «Сибирские рассказы». В нем изображается проникновение современных социальных бед (власть денег прежде всего) в такой закрытый, консервативный мир, как жизнь старообрядцев. Интересен контекст конволюта, в котором по воле владельца, оказались рассматриваемые публикации Мамина-Сибиряка. Конволют открывается майским выпуском 1791 г. первого сибирского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Кроме того, в него вошли «роман-хроника из времен завоевания туркестанского края» Н.Д. Ильина «В новом краю», также извлеченный из «Книжек “Недели”», два стихотворения С.Я. Надсона – «Жизнь» и «Страничка прошлого», стихотворение П.И. Вейнберга «Я лесом прохожу...».

В конволют № 52 вшит «очерк из уральской жизни» Д.Н. Мамина-Сибиряка «Старатели» [15. № 118311. Л. 249–301 (об.)] – это

оттиск первой его публикации в журнале «Русская мысль» за 1883 г. [19. Кн. 1. С. 231–267; Кн. 2. С. 100–166]. Впоследствии рассказ вошел в сборник «В глуши» (1898) под названием «В горах». В произведении поднимается еще одна большая тема Сибири – золотодобыча. Его героями являются золотоискатели, занимающиеся тяжелым трудом в ситуации полного произвола местной администрации, отражающего общероссийскую государственную систему. Рассказ отличается остротой социальной проблематики и авторской позиции.

Кроме данного очерка Мамина-Сибиряка, в конволют вшиты «Сибирские рассказы», цикл, составленный и изданный Н.С. Щукиным, о котором речь пойдет ниже, «Записки о Сибири» Благовещенского (И.Г. Пыжов) (перепечатка из № 7 газеты «Сибирь» за 1883 г., в которую публикация попала из сентябрьского номера «Вестника Европы» за 1882 г.) и др.

Наконец, в составе конволюта № 44 находится еще одна журнальная публикация Д.Н. Мамина-Сибиряка «Все мы хлеб едим (Из жизни на Урале)» [15. Конволют 44. № 118303. Л. 239–266 об.], изъятая из № 5 журнала «Дело» за 1882 г. [16. 1882. № 5. С. 1–56]. Тема произведения – жизнь пореформенной сибирской деревни – вновь отличается злободневностью и сформулирована самим автором во многом в противовес народническим взглядам: «Той идеальной деревни, описание которой мы когда-то читали у наших любимых беллетристов, не было и помину: современная деревня представляет арену ожесточенной борьбы, на которой сталкиваются самые противоположные элементы, стремления и инстинкты. Перестройка... деревни, с семейным патриархатом во главе и с общинным устройством в основании, совершается на наших глазах, так что можно проследить во всей последовательности это брожение взбаламученных рядом реформ элементов, рождение новых комбинаций и постепенное наслаивание новых форм жизни. Нынешняя деревня – это химическая лаборатория, в которой идет самая горячая, спешная работа» [15. Конволют 44. № 118303. Л. 253].

Продолжая разговор об изданиях интересующей нас тематики, вшитых Тюменцевым в конволюты, выделим издание «Сибирские

рассказы», подготовленное Н.С. Щукиным-младшим, племянником известного писателя 1830-х гг. (автора «Посельщика» и «Ангарских порогов»). Оно вплетено, как указывалось выше, в конволют № 52. Это один из первых сибирских литературных сборников, напечатанных в Сибири*. Являясь не только издателем, но и составителем этого сборника, Щукин включил в него сочинения сибирских писателей-шестидесятников, публиковавшихся, как правило, под псевдонимами: «Практическая девушка (очерк сибирских нравов)» за подписью «Синдбад»; «Сибирячка (рассказ из путевых впечатлений)» И.В. Омуревского, «Борода и кринолин» А. Приканского, «Влюбленный заседатель (неправдоподобное, но истинное происшествие)» Я. Аргонавтова, его же «сибирская легенда» «Привидение на заимке».

«Сибирские рассказы» были отпечатаны в иркутской типографии штаба войск в 1862 г. Книга открывается предисловием «От издателя», в котором выражается благодарность «сибирской публике» за материальную поддержку выпуска сборника, «билеты на значительное число экземпляров этой книги были раскуплены в Иркутске и других сибирских городах за несколько месяцев до выхода в свет “Сибирских рассказов”» [20. С. 14]. Пометы в издании «Сибирские рассказы» из коллекции Тюменцева отсутствуют.

Томские издания на сибирскую тему, как правило, представляют собой издания сибирской массовой литературы. Одно из них – малоформатная книжечка объемом в 58 с., в бумажном переплете, опубликованная в 1898 г. в типографии Н.Я. Беляева. Ее содержание составляет повесть «Переписчица», которой автор, Павлович, дает жанрово-тематический подзаголовок: «Маленький роман из железнодорожного мира Сибири» [21]. Место и время действия, между тем, в повести не конкретизированы, «железнодорожный мир Сибири» до конца повествования остается «эмблемой», никак не раскрывающей ни содержание, ни форму произведения. Не отличаясь высокой художественной ценностью, сочинение ориенти-

---

* Разговор о сибирских сборниках в библиотеке Г.К. Тюменцева здесь опускаем, так как эта тема должна быть исследована специально.

ровано на непритязательные вкусы массового читателя. Здесь поднимаются весьма злободневные и вечные темы, связанные с положением женщины в обществе, с проблемами семьи, любви, предательства, однако их воплощение в «маленьком романе» сведено к стереотипному сюжету (эмансипированная героиня, молодая переписчица одного из отделов Управления Среднесибирской железной дороги Александра Сергеевна Дитмар пренебрегает искренними чувствами любви своего коллеги Михаила Павловича Раздольского и, демонстрируя свою свободу, вступает в отношения с женатым мужчиной, аллегорией пошлости, техником Брюхатовым) и его предсказуемому финалу (Брюхатов бросает Александру Сергеевну, Раздольский кончает жизнь самоубийством). Герои повести, их поступки, поведение весьма красноречиво и полно характеризуются (задаются) их «говорящими» фамилиями.

Образцы массового издания сибирской беллетристики являют собой и перепечатка из «Сибирского вестника» рассказа преподавателя музыки из Иркутска В.С. Шевича «Похождения бывшего титулярного советника Тушканчикова» (опубликован в типографии «Северного вестника» в 1889 г.) [22], и анонимный (текст подписан в конце: И.Л.) «рассказ из сибирской жизни» «Жертвы», отпечатанный в виде «корректирных оттисков для автора» из «Сибирского вестника» в типографии М.Ф. Картамышева в 1891 г. [23]. Героями последнего являются сибирские золотодобытчики, работающие на прииске в тайге, что создает все условия для введения в повествование детективного сюжета, столь востребованного массовым читателем.

В библиотеке Г.К. Тюменцева находим и еще одну детективную повесть, обращенную к широким читательским кругам и удовлетворению их запросов – «Темное дело» Я. Васкеля (1890) [24]. Отметим заглавие произведения: точно с таким же на момент выхода из печати повести Васкеля в потоке русской беллетристики уже встречались детективные рассказы Е.В. Львовой и Н.М. Седельникова, а чуть позже, в 1892 г. появился детективный роман Н.О. Ракшанина с близким названием – «Страшное дело». Свою повесть Васкель снабдил подзаголовком «(Из рассказа сибирского

стряпчего)», в соответствии с которым повествование в ней ведется от имени государственного служащего, уроженца Новороссии, по окончании университета вызванного одним из сибирских генерал-губернаторов на службу в Сибирь. Наполненная многими картинами сибирского быта, пейзажными зарисовками сибирской природы, повесть строится на занимательном описании расследования убийства купца Мамина в Скачинске, проводимого героем-рассказчиком. Включение в систему героев жены Мамина, коренной сибирячки, и ее любовника, ссыльного Воскресенского, которые и совершили преступление, позволяет ввести в повествование, не лишенное мелодраматизма, темы сибирской ссылки, каторги, нелегкой судьбы сибирской женщины.

Известный социолог культуры и литературы А.И. Рейтблат, включивший повесть Я. Васкеля в свой указатель русского дореволюционного детектива, тем самым вводит ее в историю данного «низового» жанра русской словесности, который до сих пор, по его словам, остается «белым пятном на картах существующих историй русской литературы» [25. С. 77]. Исследователь делает несколько важных замечаний по поводу объектов своих библиографических разысканий. Во-первых, он отмечает «популярность подобных книг у читателей своего и нашего времени» и подтверждает это, в частности, тем, что «многие издания выкрадены из библиотек» [Там же]. Во-вторых, А.И. Рейтблат пишет о «пренебрежительном отношении» к подобно-го рода сочинениям и изданиям не только литературоведов, но и работников библиотек, «не прилагавших особых усилий по их сохранению и докомплектованию». «В результате, – подчеркивает ученый, – на многих каталожных карточках стоят пометы “утрачено”, “списано по акту” и, как выяснилось, целый ряд детективных книг отсутствует в наиболее полных наших книжных собраниях – в Российской государственной библиотеке в Москве и Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге. Не исключено, что они вообще не сохранились и, тем самым, вычеркнуты из истории отечественной культуры» [25. С. 77–78].

Сказанное исследователем о значении русских дореволюционных детективов для отечественной истории и социологии литера-

туры и культуры, думается, можно распространить и на всю массовую литературу и ее издания, образцы которой, пусть и без читательских помет, сохранились в библиотеке сибирского книголюба Г.К. Тюменцева, характеризую и литературный, и издательский процессы Сибири конца XIX в., и сибирского читателя в аспекте социологических и психологических проблем чтения.

Наконец, выделим еще одно принадлежавшее Тюменцеву, редчайшее сегодня, издание «исторического романа из эпохи завоевания Сибири» «От плахи – к почести» Е. Николаевой, вышедшее в трех частях в 1890 г. из петербургской типографии Е. Евдокимова [26]. Несмотря на отсутствие в этой книге читательских помет, ее наличие в книжном собрании Тюменцева привлекает внимание по нескольким поводам. Во-первых, произведение входит в круг интереса ее владельца к художественному историческому повествованию, что подтверждает наличие в его библиотеке сочинений В. Скотта, Ф. Шиллера, Н.М. Карамзина, И.И. Лажечникова, Н.А. Полевого, А.А. Бестужева-Марлинского (см. об этом.: [1, 2]). Во-вторых, книга подтверждает интерес Тюменцева к истории заселения Сибири, к роли в покорении края Ермака и пермских купцов Строгановых. Начиная с Карамзина принято было считать, что Ермак был женат на одной из внучек Аники Строганова. Именно этот, считающийся сегодня весьма сомнительным факт был положен в основу романа Е. Николаевой, написанного во многом по законам массовой литературы.

Таким образом, не претендуя на полный обзор литературно-художественных произведений о Сибири в книжном собрании Г.К. Тюменцева, мы выявили его глубокий и продолжительный интерес к художественной литературе на данную тему и некоторые его принципы отбора такого рода изданий в свою коллекцию. Во-первых, томский книголюб представляет в своей библиотеке широкий хронологический диапазон художественной словесности о Сибири: это издания 1820–1890-х гг. Интересно, что в библиотеке томского собирателя оказались первопубликации многих трудов, изъятые из столичных журналов и вшитые в конволюты. Во-вторых, внимание Тюменцева привлекают литературно-художественные произведения о Сибири в книжном собрании Г.К. Тюменцева, характеризующие и литературный, и издательский процессы Сибири конца XIX в., и сибирского читателя в аспекте социологических и психологических проблем чтения.

жественные издания, подготовленные и в столичных, и в сибирских, в том числе томских типографиях, что, вероятно, также влияло на выбор книги для коллекции. Характерно и то, что Тюменцев собирает книги о Сибири авторов, чья жизнь так или иначе была связана с этим краем. Для некоторых из них Сибирь была малой родиной, для других – местом государственной службы, для третьих – местом отбывания наказания ссылкой. Что же касается круга тем и проблем собранных Тюменцевым литературно-художественных изданий о Сибири, то палитра их очень широка – от завоевания Сибири до острейших социальных, нравственно-этических проблем современности региона и населяющих его народов. Обращают на себя внимание и интерес Тюменцева к творчеству писателей-народников, и во многом связанные с этим жанрово-стилевые пристрастия библиофила: его внимание к малым и средним эпическим жанрам и массовой литературе, нарастающее к концу XIX в., что вполне совпадает с веяниями времени в русской культуре и литературе. Характеризуя личные интересы Тюменцева, его коллекция литературно-художественных изданий о Сибири, вместе с тем, отражает сибирский литературный и издательский процессы, их диалог с развитием общерусской литературы и издательского дела, а также культуру чтения сибиряка второй половины XIX в.

Литература

1. Айзикова И.А. *Художественная литература в книжной коллекции Г.К. Тюменцева (статья первая)* // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1 (10). С. 86–116.
2. Айзикова И.А. *Художественная литература в книжной коллекции Г.К. Тюменцева (статья вторая)* // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2 (11). С. 68–95.
3. Маргос А.И. *Письма о Восточной Сибири, Алексея Маргоса*. М. : В Университетской типографии, 1827. 291 с.
4. Соколовский В.И. *Рассказы сибиряка*. М. : Типография Лазаревых Института восточных языков, 1833. 132 с.
5. *Московский телеграф*. 1833. № 16. С. 434.
6. Стахеев Д.И. *На память многим. Рассказы из жизни в России, Сибири и на Амуре* Д.И. Стахеева. СПб. : Типография Рюмина и комп., 1867. 303 с.
7. Стахеев Д.И. *Глухие места. Рассказы* Д.И. Стахеева. СПб. : Типография А. Моригеровского, 1868. 326 с.

8. Данилова О.Л. Типология раннего творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина и Д.И. Стахеева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 18 с.
9. Валеев Н.М. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя. Казань : АН Татарстана, 1995. 176 с.
10. Грахова С.И. К восприятию темы купечества в раннем творчестве Д.И. Стахеева // Вторые Стахеевские чтения : материалы междунар. науч. конф. Елабуга, 2003. С. 59–63.
11. Короленко В.Г. Очерки и рассказы. М. : Типо-литография И.Н. Кушнерева и К°, 1887. 401 с.
12. Серошевский В.Л. Якугские рассказы. СПб. : Издание О.Н. Поповой, 1898. 112 с.
13. Мачтет Г.А. Повести и рассказы. М. : Типо-литографии И.Н. Кушнерева и К°, 1887. 393 с.
14. Наумов Н.И. Паутина. Рассказ из жизни приискового люда в Сибири. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1888. 233 с.
15. НБ ТГУ. Фонд рукописей и архивных документов. Библиотека Г.К. Тюменцева.
16. Дело.
17. Наумов Н.И. В тихом омуте. Рассказы из быта сибирских крестьян. СПб. : Кн. маг. Цвылева, 1881. 430 с.
18. Книжки «Недели». 1885.
19. Русская мысль. 1883.
20. Литературная Сибирь. Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири / сост.: В.П. Трушкин, В.Г. Волкова. Иркутск : Восточно-Сибирское книж. изд-во, 1986. 304 с.
21. Павлович. Переписчица. Томск : Типография Н.Я. Беляева, 1898. 58 с.
22. Шевич В.С. Похождения бывшего титулярного советника Гушканчикова. Томск : Типография «Сибирского вестника», 1889. 86 с.
23. Жертвы. Рассказ из сибирской жизни. Томск : Типография М.Ф. Картамышева, 1891. 165 с.
24. Васкель Я. Темное дело. Повесть (Из рассказов сибирского стряпчего). Томск : Типография М.Ф. Картамышева, 1890. 85 с.
25. Рейтблат А.И. Материалы к библиографии русского дореволюционного детектива // De visis. Историко-литературный и библиографический журнал. 1994. № 3/4 (15). С. 77–81.
26. Николаева Е. От плахи к почести. Исторический роман. Из эпохи завоевания Сибири : в 3 ч. СПб. : Типография Е. Евдокимова, 1890. 677 с.

Fiction About Siberia in the Book Collection of G.K. Tyumentsev
Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 67–87
DOI: 10.17223/23062061/21/4

Irina A. Ayzikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

Keywords: Siberian bibliophile, personal library, G. K. Tyumentsev, publications, fiction about Siberia.

The article continues the series of publications devoted to editions of fiction from the personal library of the Siberian (Tomsk) bibliophile, local historian, teacher G.K. Tyumentsev. The group considered in this article consists of editions of fiction about Siberia. The aim of the article is to identify the place of these editions in the book collection of Tyumentsev, a typical representative of the Siberian intelligentsia of the late 19th – early 20th centuries, as well as his principles and personal preferences in collecting the considered part of the library. The research is interdisciplinary, bringing together literary studies, book studies and sociology of literature and culture. Books about Siberia from Tyumentsev's library, a number of which contain reader's notes, are considered through the prism of the relations of their collector to the literary and publishing process of Siberia and Central Russia, the contemporary sociocultural environment, as well as in connection with his participation in the formation of regional book culture. The study of publications of fiction about Siberia from Tyumentsev's library in the aspect of the stated problem proves his deep and long-term interest in fine literature on this topic and shows his principles of selection of such publications in his collection. Firstly, Tyumentsev presents a wide chronological range of artistic literature about Siberia: these are editions of the 1820s–1890s, among which are original publications of many editions taken from the capital's magazines and sewn into convolutes. Secondly, Tyumentsev paid attention to literary and art publications prepared in the printing houses of the capital and of Siberia, including Tomsk, which could also influence the choice of books for the collection. It is also characteristic that Tyumentsev collects books by authors whose life was somehow connected with Siberia as a small homeland (for example, N.I. Naumov, N.S. Shchukin), a place of public service (A.I. Martos, V.I. Sokolovsky, etc.) or a place of serving a sentence of exile (V.G. Korolenko, V.L. Seroshevsky, G.A. Machtet). The problem-thematic palette of the books about Siberia is very wide: from the conquest of Siberia to the acute social, moral and ethical problems of modernity of the region and its peoples. Tyumentsev was also interested in the work of the Narodnik (Populist) writers. The choice of books in terms of genre and style is also indicative: these are small and medium epic genres. Finally, the study suggests that Tyumentsev's attention to mass literature, growing by the end of the 19th century, is quite consistent with the trends of the time in Russian culture and literature. In general, describing his personal interests, Tyumentsev's collection of literary and art books on Siberia reflects the Siberian literary and publishing processes, dialogue with the developing Russian literature and publishing, and reader's interests and the culture of reading of a Siberian in the second half of the 19th century.

References

1. Ayzikova, I.A. (2016a) Fiction in the book collection of G.K. Tyumentsev (Article 1). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1(10). pp. 86–116. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/10/6

2. Ayzikova, I.A. (2016b) Fiction in the book collection of G.K. Tyumentsev (Article II). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 2(11). pp. 68–95. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/11/5
3. Martos, A.I. (1827) *Pis'ma o Vostochnoy Sibiri, Alekseya Martosa* [Letters about Eastern Siberia, Alexei Martos]. Moscow: V Universitetskoy tipografii.
4. Sokolovsky, V.I. (1833) *Rasskazy sibiryaka* [The stories of the Siberian]. Moscow: The Lazarev Institute of Oriental Languages.
5. *Moskovskiy telegraf.* (1833) 16. pp. 434.
6. Stakheev, D.I. (1867) *Na pamyat' mnogim. Rasskazy iz zhizni v Rossii, Sibiri i na Amure D.I. Stakheeva* [In memory of many. D.I. Stakheev's Stories from the Life in Russia, Siberia, and Amur]. St. Petersburg: Ryumin i komp.
7. Stakheev, D.I. (1868) *Glukhie mesta. Rasskazy D.I. Stakheeva* [Remote places. Stories by D.I. Stakheev]. St. Petersburg: A. Morigerovsky.
8. Danilova, O.L. (2005) *Tipologiya rannego tvorchestva M.E. Saltykova-Shchedrina i D.I. Stakheeva* [Typology of M.E. Saltykov-Shchedrin's and D.I. Stakheev's early creativity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
9. Valeev, N.M. (1995) *Dmitriy Stakheev. Tvorcheskiy put' pisatelya* [Dmitry Stakheev. The creative way of the writer]. Kazan: Tatartastan AS.
10. Grakhova, S.I. (2003) K vospriyatiyu temy kupechestva v rannem tvorchestve D.I. Stakheeva [Merchantry in the early work by D.I. Stakheev]. *Vtorye Stakheevskie chteniya* [The Second Stakheev Readings]. Proc. of the International Conference. Elabuga. pp. 59–63. (In Russian).
11. Korolenko, V.G. (1887) *Ocherki i rasskazy* [Essays and Stories]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.
12. Seroshevsky, V.L. (1898) *Yakutskie rasskazy* [The Yakut Stories]. St. Petersburg: O.N. Popova.
13. Machtet, G.A. (1887) *Povesti i rasskazy* [Tales and Stories]. Moscow: I.N. Kushnerev i K°.
14. Naumov, N.I. (1888) *Pautina. Rasskaz iz zhizni priiskovogo lyuda v Sibiri* [Web. A story from the life of mine people in Siberia]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
15. Toms State University Research Library. The Fund of Manuscripts and Archival Documents. G.K. Tyumentsev's Library. Convolute 104.
16. *Delo.*
17. Naumov, N.I. (1881) *V tikhom omute. Rasskazy iz byta sibirskikh krest'yan* [Still waters. Stories from the life of Siberian peasants]. St. Petersburg: Kn. mag. Tsvyleva.
18. *Knizhki "Nedeli".* (1885)
19. *Russkaya mysl'.* (1883)
20. Trushkin, V.P. & Volkova, V.G. (eds) (1986) *Literaturnaya Sibir'. Kritiko-bibliograficheskiy slovar' pisateley Vostochnoy Sibiri* [Literary Siberia. Critical-bibliographic Dictionary of East-Siberian Writers]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

-
21. Pavlovich. (1898) *Perepischitsa* [A Scribe]. Tomsk: N.Ya. Belyaev.
22. Shevich, V.S. (1889) *Pokhozhdeniya byvshego titulyarnogo sovetnika Tushkanchikova* [Adventures of the former titular adviser Tushkanchikov]. Tomsk: Sibirsky vestnika.
23. Anon. (1891) *Zherty. Rasskaz iz sibirskoy zhizni* [Victims. A Story from Siberian Life]. Tomsk: M.F. Kartamysheva.
24. Vaskel, Ya. (1890) *Temnoe delo. Povest' (Iz rasskazov sibirskogo stryapchego)* [Dark business. A Story (From the Stories of a Siberian Solicitor)]. Tomsk: M.F. Kartamysheva.
25. Reitblat, A.I. (1994) Materialy k bibliografii russkogo dorevolyutsionnogo dektiva [Materials on the bibliography of the Russian pre-revolutionary detective]. *De visu. Istoriko-literaturnyy i bibliograficheskiy zhurnal*. 3/4 (15). pp. 77–81.
26. Nikolaeva, E. (1890) *Ot plakhi k pochesti. Istoricheskiy roman. Iz epokhi zavoevaniya Sibiri. V 3 ch.* [From chopping block to honor. Historical novel. From the Era of the Siberian Conquest. In 3 parts]. St. Petersburg: E. Evdokimov.

С.Л. Куталмыш

**«САМОУЧИТЕЛЬ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА
РУССКИМ И РУССКОГО ЯЗЫКА КИРГИЗАМ»,
ИЗДАННЫЙ В 1914 г.**

Аннотация. В научном сообществе существуют различные точки зрения на то, с какого момента следует вести отсчет истории развития современного письменного казахского языка. Целью настоящей статьи является анализ книжного памятника казахского языка 1914 г., а именно «Самоучителя киргизского языка русским и русского языка киргизам», составленного муллой Ш.А. Рахметуллином. В результате анализа выявлены характерные особенности языка в области лексики, грамматики, алфавита и системы письма. Судя по анализируемому источнику, существенным было влияние грамматических норм татарского языка на литературный письменный казахский язык.

Ключевые слова: книжный памятник, казахский язык, татарский язык, османский язык, система письма, грамматология.

Введение

В наши дни мало известно об особенностях письменного казахского языка досоветского периода. Отчасти это является результатом недостаточного анализа книжных памятников казахского языка. Ученые не могут прийти к однозначному выводу о том, был или не был у казахов письменный язык до XIX в. Как отмечает А.С. Аврутина, «письменная речь является отдельной областью в культурно-языковой деятельности общества и в то же время неразрывно связана с речью устной. В то же время письмо – более позднее, искусственное явление, позднее по отношению к естественному. Несмотря на это, графемный анализ является первым шагом к звуковому осмыслению языка» [1. С. 156].

Первой книгой, написанной на казахском языке, исследователи называют сочинение «Ер Таргын», опубликованное Н.И. Ильминским в 1862 г. [2. С. 22]. Некоторые ученые, как, например, Т.Р. Кордабаев считают, что впервые книга на казахском языке была опубликована в начале XIX в., в 1807 г. в Казани под названием «Сейфил Малик» [3. С. 11].

Однако письменные источники более раннего периода пока что обнаружить не удалось. Надо заметить, что история казахского языка является достаточно молодой отраслью казахского языкознания. Она начала развиваться лишь с 60–80-х гг. XX в. Исследования в данной области принадлежат таким ученым, как С.А. Аманжолов [4], А.С. Аманжолов [5], С. Кенесбаев [6], Н.Т. Сауранбаев [7], Б. Абилхасимов [8], Р.Г. Сыздыкова [9], М. Куталмыш [10] и др. Все исследователи приходят к единодушному мнению о том, что история казахского языка началась гораздо раньше, чем в XIX в., однако дату начала развития современного письменного казахского языка точно установить пока не удалось.

В настоящей статье анализируется книжный памятник казахского языка «Самоучитель киргизского языка русским и русского языка киргизам»*, составленный татарским писателем и переводчиком муллой Шигабетдином А. Рахметуллиным и опубликованный в 1914 г. в Казани. Результаты исследования дают представление о том, каким был литературный письменный казахский язык в начале XX в. В лексике этого языка присутствует большое количество татарских слов. Судя по анализируемому источнику, существенным было влияние грамматических норм татарского языка на литературный письменный казахский язык. Используемый алфавит создавался под влиянием арабской и османской (на основе арабицы) систем письма.

Анализ языка «Самоучителя» проведен при помощи сопоставления лексики современных казахского и татарского языков, сравнения грамматических аспектов этих языков, присутствующих в тексте книги. Также в ходе исследования проведен анализ алфавита казахского языка, используемого в книге, и особенностей правил чтения.

---

* До 1925 г. казахов в России называли киргизами или киргиз-кайсаками. Это были экзотонимы, чуждые самим казахам, но широко использовавшиеся в русской научной литературе и административной практике. В тексте «Самоучителя» в варианте для русских (кириллицей) используется слово «киргизский», в варианте для казахов (арабскими буквами) – «казахский». В связи с этим интересна точка зрения казахского профессора Б. Абилхасимова: «...это русские исследователи что-то напутали. Эти народы (казахи и киргизы. – С.К.) похожи друг на друга и по языку, и по внешности. <...> Они (русские исследователи. – С.К.) не могли отличить эти народы друг от друга, поэтому всех называли киргизами» [11. С. 9].

Краткая характеристика «Самоучителя» и информация о его авторе

«Самоучитель» написан татарским просветителем, писарем Шигабетдином А. Рахметуллином. Он известен как автор нескольких словарей, учебников татарского языка, географии и математики. Свои работы исследователь подписывал по-разному; зафиксированы следующие его псевдонимы: Шигабетдин Габдельгазиз, Шигабетдин Рахметуллин Имянлебаши яки Чукры Аланлы [12. С. 311].

«Самоучитель киргизского языка русским и русского языка киргизам» был издан в 1914 г. в Казани. Рассматриваемый учебник был составлен Рахметуллиным на основе других его сочинений, прежде всего самоучителей и словаря татарского языка, а по своей структуре и содержанию он полностью повторяет более ранний «Самоучитель татарского языка русским и русского языка татарам» (1894) [13. С. 35–36]. На обложке книги указано, что перевод на казахский язык выполнен К.Г. Сиргалиным (ك.ع.صرعالين). Учебник состоит из трех частей: части, обучающей казахскому алфавиту, выраженному арабицей; части, содержащей предложения для чтения и словарь, тематически разделенный на блоки, такие как «Родственники», «Одежда», «Плоды», «Местоимения», «Звери», «Цвета», «Глаголы» и др. – всего 42 блока. Учебник написан двумя системами письма: кириллицей и арабицей. Каждое предложение и слово (в словаре) написано на казахском и русском языках. Русские варианты написаны кириллицей, а ниже дана транскрипция арабскими буквами, и наоборот: казахские предложения написаны арабскими буквами с транскрипцией на кириллице (см. рис. 1).

Алфавит и правила чтения

В самом начале учебника на 2-й странице вниманию читателя представлен казахский алфавит арабскими буквами (см. рис. 2).

Лишь несколько графем передавали гласные фонемы: ¹/a, ә/, ²/o, ö, û, ü/, ³/j, i/, ⁴/e/. Твердую или мягкую форму слова определяли согласные буквы. Так, например буквы ⁵س /s/, ⁶ت /t/, ⁷ز /z/, ⁸گ [g], ⁹ك [k] предполагали наличие мягких гласных в слове, а буквы ¹⁰ص /s/, ¹¹غ [γ], ¹²ظ /z/, ¹³ط /t/, ¹⁴ق [q] – твердых.

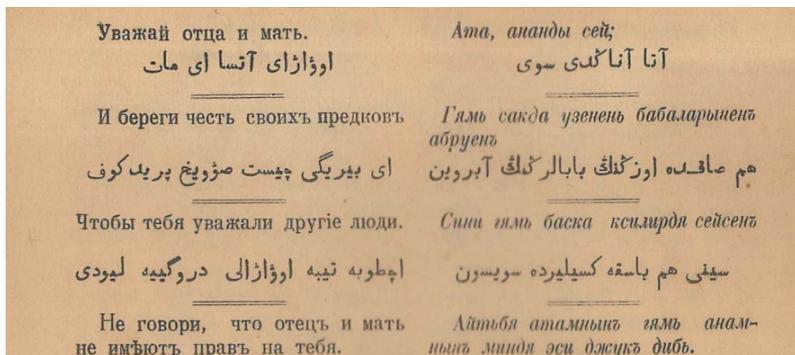

Рис. 1. Пример оформления текста в учебнике «Самоучитель киргизского языка русским и русского языка киргизам» [14. С. 8]

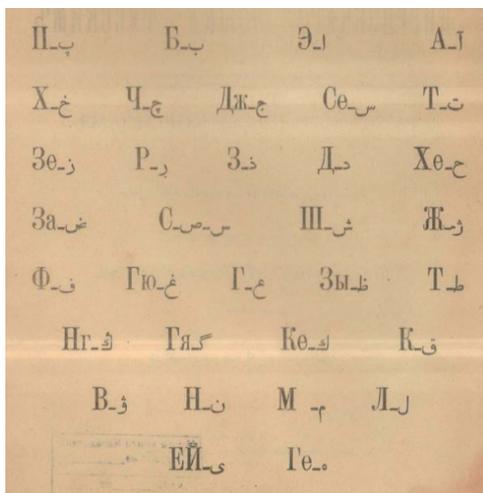

Рис. 2. Казахский алфавит, использованный в «Самоучителе» [14. С. 2]

Привлекает внимание наличие в алфавите букв *ч, ж, ф*, передающих фонемы /č/, /dž/, /f/, которых нет в современном казахском языке*. По свидетельствам ученых XIX в., этих фонем не было в казах-

* Фонемы /č/ и /f/ присутствуют в русскоязычных словах (см.: [15]), а фонема /dž/ – в южноказахстанских говорах.

ском языке [16. С. 83–84; 17. С. 8]. Согласно М. Куталмышу, исследовавшему 12 письменных памятников казахского языка XIX в., «burada listesi verilen 12 eserin dili ve imlası birbirine benzemektedir, yani Kazakça ibaresi ile Kazak Türkçesi'nde yazılmıştır; imlaları ise Çağatay, Tatar ve yer yer de Osmanlı usûlüne göre düzenlenmiştir»: «Язык и орфография 12 произведений, представленных здесь, похожи друг на друга, то есть они написаны казахским языком с использованием казахских выражений, что касается системы письма, то правила письма использованы в соответствии с таковым из чагатайского, татарского и местами османского языков» [18. С. XVII].

Сравнив представленный алфавит с османским алфавитом, можно сделать вывод о том, что за основу был взят именно османский. На это указывают следующие факты: 1) отсутствие букв پ, چ, ژ, گ, ڭ в арабском алфавите, но наличие их в османском; 2) отсутствие буквы ڭ в персидском алфавите, но наличие ее в османском [19. С. 27; 20. С. 81–82].

Таблица 1

Лексика из «Самоучителя», которая демонстрирует сходство с татарской лексикой

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Современный татарский язык	Перевод на русский язык
بو [14. С. 3]	бу	бұл	бу	это
نچك [14. С. 3]	ничекъ	қандай	ничек	какой
أجرنده [14. С. 3]	ахырнда	аяғында	ахырында	в конце
آتا [14. С. 7]	ата	эке	ата	отец
اچو [14. С. 22]	эчу	ішу	эчу	пить
طوغان اير [14. С. 35]	ирь туганъ	аға	ир туган	старший брат
بالدق [14. С. 43]	балдакъ	жүзік	балдак	кольцо
آریمچك [14. С. 44]	эремчекъ	ірімшік	эремчек	творог
كیشیر [14. С. 46]	кишрь	сәбіз	кишер	морковь
صاندوغاچ [14. С. 53]	сандугачъ	бұлбұл	сандугач	соловей

Об этих особенностях османского алфавита упоминал еще М.А. Терентьев: «Турки приняли арабскую азбуку, съ тѣми буквами,

которые прибавили персияне. Съ своей стороны турки прибавили еще глухое кяфъ (сагыръ кяфъ), употребляемое для родительного падежа и какъ наращеніе личнаго мѣстоименія для 2-го лица» [21. С. 7]. При этом назальная /ŋ/, для обозначения которой в османский алфавит был введен знак «сагыръ кяфъ», в казахских текстах обозначалась двумя буквами: نك, о чем свидетельствует П.М. Мелиоранский [17. С. 21]. Таким образом, для написания текста «Самоучителя» был использован алфавит, более напоминающий османский.

Лексический состав «Самоучителя»

Существуют татарские варианты слов. Примеры указаны в сводной табл. 1.

Т а б л и ц а 2

Список лексем из «Самоучителя», транскрипция которых демонстрирует их сходство с произношением этих лексем в татарском языке

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Современный татарский язык	Перевод на русский язык
كورسيتو [14. С. 3]	кюрсятю	көрсету	күрсәтү	показывать
سوز [14. С. 3]	сюзь	сөз	сүз	слово
اورس [14. С. 4]	урсь	орыс	урис	русский
اوز [14. С. 7]	узь	өз	үз	сам
صفتدارى [14. С. 7]	сыфатдары	сипаттары	сыйфатлары	качества
اوچون [14. С. 7]	учень	үшін	өчен	для
مينده [14. С. 8]	миндя	менде	миндә	у меня
قارشو [14. С. 9]	карши	қарсы	қаршы	напротив
اولكى [14. С. 10]	эльги	үлгі	өлге	пример
هيچ بر [14. С. 24]	гичь берь	ешбір	һичбер	ничего

Изложенный на страницах «Самоучителя» текст представлен также в транскрибированном виде (русские предложения транскрибированы арабицей, казахские – кириллицей). Слова, общие для татарского и казахского языков, записывались и, предположительно, произносились сообразно нормам татарского языка, а не казахского. Примеры приведены в табл. 2.

Графика языка, зафиксированного в «Самоучителе», отражает фонологические особенности, которые демонстрируют большее сходство с фонологической системой казахского языка, нежели татарского. Например, судя по приведенным в тексте «Самоучителя» (табл. 3) транскрипциям лексем, в анлауте функционирует фон [dž], а не [j], который характерен для татарского анлаута. При этом, замечено, что в казахском языке зачастую используется [ž], а в южноказахстанских говорах – [dž].

Однако не всегда транскрипция лексем в тексте «Самоучителя» соответствует артикуляции этого слова в татарском языке. Так, графемы *س* и *ص* в тексте «Самоучителя» демонстрируют употребление в казахском языке фонемы /s/, а не фонемы /š/, которая характерна для татарского языка. Примеры приведены в табл. 4.

Таблица 3

Список лексем из «Самоучителя», транскрипция которых демонстрирует в анлауте фон [dž]

Слово в «Самоучителе» (арабика)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Современный татарский язык	Перевод на русский язык
جالغز [14. С. 3]	джалгызь	жалғыз	ялгыз	одинокий
جي قشكه [14. С. 4]	джншка	жіңішке	нечкэ	мягкий
جولدن [14. С. 6]	джюлданъ	жолдан	юлдан	с дороги
جار اتوچى [14. С. 7]	джаратучи	жаратушы	яратучы	Творец
جوق [14. С. 8]	джукъ	жоқ	юк	нет
جكت [14. С. 37]	джегть	жігіт	егет	парень
جومرتقه [14. С. 43]	джемортка	жұмыртқа	йомырка	яйцо
جبيرمه [14. С. 59]	дджермь	жиырма	егерме	двадцать

Также в тексте «Самоучителя» присутствуют лексемы, отсутствующие в словарном составе татарского языка, но характерные для казахского. К числу таких слов относятся местоимения, имеющие разную форму и в том и в другом языке (например, «кая» (тат.) и «қайда» (каз.)), а также слова, имеющие разное происхождение (например, «икмек» (тат. – из др.-тюркского) и «нан» (каз. – из фарси)). Однако такие слова встречаются реже, чем слова из татарской лексики. Некоторые из этих слов представлены в табл. 6. Так, слова, не характерные

для татарского языка, но присутствующие в казахском, встречаются в 2,53% случаев, а слова, не характерные для казахского языка, но присутствующие в татарском, – в 4,18% случаев (при этом таких слов встречается больше среди имен существительных и прилагательных, чем среди глаголов, в числе которых они практически отсутствуют). Интересно отметить, что в лексическом составе «Самоучителя» присутствует ряд лексем, которые не характерны ни для казахского, ни для татарского языков; судя по всему, эти слова оказались задействованы в результате влияния османского языка. Примеры этих слов указаны в табл. 5.

Таблица 4

Лексика из «Самоучителя», транскрипция которой демонстрирует употребление фонемы /s/

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Современный татарский язык	Перевод на русский язык
باشنده [14. С. 3]	басында	басында	башында	в начале
كسپلير [14. С. 6]	ксилярь	кісілер	кешелер	люди
صولای [14. С. 8]	сулай	солай	шулай	так
أوغه طرس [14. С. 11]	алуга тырысь	алуға тырыс	алуға тырыш	старайся получить
اسقازان [14. С. 35]	асказани	асқазан	ашказаны	желудок

Таблица 5

Османская лексика из «Самоучителя», отсутствующая и в татарском, и в казахском языках

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Современный татарский язык	Перевод на русский язык
اويچ [14. С. 35]	увчь	білезік	чук	кисть
خدهتدير [14. С. 38]	ходмятдирь	айналысушылыык	һөнәр	ремесло
نقاشچی [14. С. 38]	някшчи	суреткер	рәссам	художник
صمير [14. С. 39]	замир	есімдік	грамм алмашлык	местоимение

Таблица 6

Казахская лексика из «Самоучителя», отсутствующая в татарском языке

Слово в «Самоучителе» (арабика)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Современный татарский язык	Перевод на русский язык
ساغان [14. С. 10]	сагань	саган	сиңа	тебе
هنر [14. С. 11]	гюнярь	өнер	сәңгәт, остальк	искусство
قايدە [14. С. 41]	кайда	қайда	кая	куда
نان [14. С. 43]	нань	нан	икмек	хлеб
بيياز [14. С. 46]	биязь	пияз	суган	лук
بورچاق [14. С. 56]	бурчакь	бүршәк	боз	град
كيمپر قوساق [14. С. 56]	кимпрь кусакь	кемпіркосак	салават күпере	радуга
ایمیس [14. С. 14]	имись	емес	түгел	не

В тексте «Самоучителя» использованы соединительный союз «и» и противительный союз «но», в большой степени нехарактерные для современного казахского языка, но сходные с таковыми в татарском языке. Примеры приведены в табл. 7.

При этом интересно отметить, что наравне с характерной для татарского языка формой союза «если» *اكر* – эгярь [14. С. 29] (каз. «егер» / тат. «әгәр») встречается несоответствующая татарскому языку, но приемлемая для казахского форма *اكرده* – эгярдя [Там же. С. 28] (каз. «егерде» / тат. –).

Вышепроизведенный анализ демонстрирует, каким значительным было влияние татарского языка на лексический состав казахского языка «Самоучителя».

Некоторые грамматические аспекты, встречающиеся в «Самоучителе»

1. Аффиксы множественного числа имен существительных.

В тексте «Самоучителя» встречаются аффиксы -дарь / -дирь, -ларь / -лирь (-лярь). Если основа корня заканчивается на гласную, то используется один из аффиксов -ларь / -лирь (*لار* / *لیر* / *لیر*) (в зависимости от твердости / мягкости слова), а если на согласную, то применяется -дарь или -дирь (*دار* / *دیر*). Примеры приведены в табл. 8.

Таблица 7

**Союзы, использованные в тексте «Самоучителя»
и не имеющие соответствия в казахском языке**

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Современный татарский язык	Перевод на русский язык
اما [14. С. 22]	эмма	бірақ	эмма	но
هم [14. С. 23]	гямь	және, һәм	һәм	и

Таблица 8

Лексика из «Самоучителя» с аффиксами множественного числа

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
كسىلەر [14. С. 6]	ксиярь	кісілер	люди
باسقهارلك [14. С. 7]	баскаларден	баскалардан	от других
صفتدارى [14. С. 7]	сыфатдары	сипаттары	качества
بايانلر [14. С. 8]	бабаларь	ата-баба	предки
بالارلك [14. С. 10]	балаларынь	балаларың	детей
الو مالدارن [14. С. 10]	малдарынь алу	малдарын алу	брать скот
ایسمدير [14. С. 13]	исемдирь	есімдер	имена
سوزدير [14. С. 14]	сюзьдирь	сөздер	слова
بولار [14. С. 15]	буларь	булдар	эти
وقتدارى [14. С. 17]	вакытдары	уакыттары	времена

В татарском языке аффиксы -дар / -дәр отсутствуют, поэтому можно сказать, что в тексте «Самоучителя» аффиксы действуют по правилам казахского языка.

2. Падежные аффиксы.

А. Аффиксы родительного падежа. В тексте «Самоучителя» встречаются два вида аффикса родительного падежа: **نڭ** и **نڭك**, в зависимости от мягкости / твердости слова они произносятся как -нень / -нынъ и -день / -дынъ. Во второй части притяжательного изафета (в зависимом слове) после гласной пишется **سى**, которое произносится как -сы / -се, а после согласной – **ى** (-ы / -и). Примеры слов представлены в табл. 9.

В современном татарском языке встречается лишь аффикс -ның / -нең, наличие аффикса на «-д» свидетельствует о влиянии казахского языка.

Т а б л и ц а 9

Лексика из «Самоучителя» в форме родительного падежа

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
كسینڭ قايغوسینه [14. С. 15]	ксинень кайгусына	кісінің қайғысына	горю человека
كسیلیردڭ ایرلگینڭ [14. С. 13]	ксилирдень ирлигинень	кісілердің ерлігінің	мужества людей
انانڭ دعاسن [14. С. 10]	ананынь дгасень	ананың дұғасын	молитву матери
خلاقڭ /.../ وقتدارى [14. С. 17]	халықдень /.../ вақытдары	халықтың уақыттары	времена народа

Б. Аффиксы дательного падежа. В тексте «Самоучителя» встречаются следующие разновидности аффиксов этого падежа: -غه (-га) – в твердых словах, -گه - كه (-гя / -кя) – в мягких словах, -ه (l) - نه – после аффиксов принадлежности. Во многом этот набор повторяет аффиксы, которые используются в современных татарском (-га / -гә; -ка / -кә) и казахском (-ға / -ге; -қа / -ке; -а / -е) языках. Примеры слов из текста «Самоучителя», содержащие аффикс дательного падежа, приведены в табл. 10.

Таблица 10

Лексика из «Самоучителя с аффиксами дательного падежа

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
كسیلیرگه [14. С. 29]	ксилирьгя	кісілерге	людям
قوناقغا [14. С. 28]	кунакга	қонаққа	гостю
اشچاولقغا [14. С. 19]	ашджаулықга	ас жаулыққа	на скатерть
اوزاقغا [14. С. 19]	аузына	аузына	в твой рот
قايغوسینه [14. С. 15]	кайгусына	қайғысына	его / ее горю
اللهمه [14. С. 9]	Аллага	Аллаға	Богу
پيغمبرگه [14. С. 9]	пигамбяргя	пайғамбарға	пророку
اتانڭ [14. С. 9]	атана	әкеңе	твоему отцу
تكهنهككه [14. С. 11]	ткяняккя	тікенді бұтасына	к колючему кусту

Таблица 11

Лексика из «Самоучителя» с аффиксами винительного падежа

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
خلقى [14. С. 32]	халыкды	халыкты	народ
قوناقدى [14. С. 32]	кунакды	қонақты	гостя
اناڭدى [14. С. 8]	ананды	ананды	твою маму
بالاران [14. С. 8]	балаларынь	балаларын	детей
مالدارن [14. С. 10]	малдарынь	малдарын	скот
علمدى [14. С. 11]	гилемди	білімді	знание
ایسمدیردى [14. С. 12]	исимдирды	есімдерді	имена
کسیلیردی [14. С. 13]	ксилирды	кісілерді	людей
تاماقدارن [14. С. 21]	тамақдарынь	тамақтарын	блюда

Таблица 12

Лексика из «Самоучителя» с аффиксами местного падежа

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
دنیا داغى [14. С. 9]	дуньядагы	дүниедегі	который в мире
قرآنده [14. С. 9]	Коръанда	Құранда	в Коране
وقتده [14. С. 9]	вакытда	уақытта	во времени
کسیلیر دڭ جیلسنده [14. С. 15]	ксилирдень джйлыснда	кішілердің жиылысында	на собрании людей
صفتده [14. С. 24]	сыфатда	сипатта	в качестве

В. Аффиксы винительного падежа. В «Самоучителе» используются аффиксы -ды / -ди (دى) и аффикс -н (ن) в 3-м лице после аффикса родительного падежа. Примеры слов приводятся в табл. 11.

Аффиксы винительного падежа, представленные в тексте «Самоучителя», практически повторяют аффиксы этого падежа в современном казахском языке за тем лишь исключением, что отсутствует аналог казахского аффикса -ти / -ты, применяемого после глухих согласных.

Г. Аффиксы местного падежа. В тексте встречается лишь один вариант аффикса, это ده (если после него есть еще аффикс, то دڭ), произносится как -да/ -дя. У имен существительных в 3-м лице после аффикса принадлежности и перед аффиксом местного падежа появляется графема ن, которая транскрибируется как /n/. Примеры слов приведены в табл. 12.

Аффикс местного падежа, встречающийся в тексте «Самоучителя», характерен и для казахского, и для татарского языков, однако опять же отсутствует особый вид аффикса, который мог бы использоваться после глухих согласных (типа -та / -те в казахском языке и -та / -тә в татарском).

Д. Аффиксы исходного падежа. В тексте «Самоучителя» встречаются следующие варианты аффиксов исходного падежа: دن(-дань) – в твердых словах; دين(-динь) – в мягких словах; نان(-нань / -нинь) – после аффиксов принадлежности. Примеры даны в табл. 13.

Таблица 13

Лексика из «Самоучителя» с аффиксами исходного падежа

Слово в «Самоучителе» (арабика)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
قوناقدن [14. С. 27]	кунакдань	қонақтан	от гостя
اللهدن [14. С. 9]	Аллагъдань	Алладан	от Бога
نولگيندين [14. С. 11]	ульгиндинь	өлiмден	от смерти
نسلدين [14. С. 11]	насельдинь	нәсілден	от поколения
اتانالان [14. С. 12]	ата ананнань	ата-анаңнан	от родителей
حيوانداردن [14. С. 13]	хайвандардань	хайуандардан	от зверей
سينين [14. С. 14]	сининь	сенен	от тебя

Таблица 14

Примеры имени действия с показателем و (-у / -ю), встречающиеся в тексте «Самоучителя»

Слово в «Самоучителе» (арабика)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
نهر بليسو) نهن گمهايسو [14. С. 85]	энгемялисю (эреблясю)	әңгімелесу	беседовать
نهر ليو [14. С. 85]	эряю	әрлеу	разукрашивать
اتكونشيك تيبو [14. С. 85]	аткыншикь тибу	әткеншек тебу	качаться на качелях
باتو [14. С. 87]	бату	бату	тонуть
اينانو ممكن ايميس [14. С. 14]	инану мемкин имись	илану мүмкін емес	невозможно поверить
اور بولماو اوچون [14. С. 11]	аурь булмау учень	ауыр болмау үшін	чтобы не было трудно
اچوگه اورنك بولسون [14. С. 25]	эчогы урнынь булсынь	ішуге орның болсын	пусть будет место для питья

Современные аффиксы исходного падежа в казахском и татарском языках практически повторяют друг друга. В тексте «Самоучителя» присутствуют все формы аффиксов этого падежа, которые используются в современных татарском и казахском языках, за тем исключением, что нет особого варианта аффикса для использования после глухих согласных.

Аффиксы падежей, встречающиеся в тексте «Самоучителя», во многом соответствуют современным аффиксам в казахском языке, однако, в отличие от современного казахского языка, в тексте ни разу не встретились форма какого-либо аффикса для использования после глухих согласных. Аффиксы родительного и винительного падежей, представленные в тексте, совсем не соответствуют современному татарскому языку и, судя по всему, соответствуют казахскому.

Таблица 15

Примеры имени действия с показателем مك /مق
(-макъ / -мякъ, -микъ), встречающиеся в тексте «Самоучителя»

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
المق [14. С. 85]	алмакъ	алу	брать
بومك [14. С. 86]	бекмякъ	бугу	сгибать
بولمك [14. С. 84]	бюльмякъ	белу	делить
بيرمك [14. С. 86]	бирмикъ	беру	давать
جاصاماق [14. С. 90]	джасамакъ	жасау	делать

3. Показатели именных глагольных форм.

В тесте «Самоучителя» встречается именной глагольный аффикс و (-у / -ю) (см. табл. 14); этот же аффикс встречается в четырех глаголах в словаре, представленном в конце «Самоучителя». Во всех остальных глаголах, имеющих место в словаре «Самоучителя», встречаются следующие виды аффиксов глагольного имени:

- مك /مق (-макъ / -мякъ, -микъ) (см. табл. 15);
- بهك /بيك /باق (-бакъ / -бикъ / -бякъ) (см. табл. 16);
- پيك /پاق (-пакъ / -пикъ) (см. табл. 17).

Таким образом, в тексте «Самоучителя» в качестве показателя именной глагольной формы употреблен аффикс و (-у / -ю), что соответствует языковой традиции казахского и татарского языков. Однако

присутствуют также (прежде всего в перечне глаголов в словаре «Самоучителя») морфонологические разновидности аффикса *ماق / مك* (-макъ / -мякъ, -микъ)*, что, возможно, является свидетельством влияния османского языка.

Таблица 16

Примеры имени действия с показателем *باق / بيك / بهك* (-бакъ / -бикъ / -бякъ), встречающиеся в тексте «Самоучителя»

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
أسباق [14. С. 84]	асбакъ	асу	вешать
سورنبيك [14. С. 85]	серенбикъ	сүрину	спотыкаться
توز هتبهك [14. С. 89]	тюзятбякъ	түзеу	исправлять
اوميداهنهك [14. С. 99]	умидлянбякъ	үміттену	надеяться

Таблица 17

Примеры имени действия с показателем *باق / بيك* (-пакъ / -пикъ), встречающиеся в тексте «Самоучителя»

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
چاپاق [14. С. 88]	чабпакъ	шабу	бежать
تاباق [14. С. 88]	табпакъ	табу	находить
سببيك [14. С. 92]	сипбикъ	себу	сыпать

4. Показатели глагольной отрицательной формы.

В тексте «Самоучителя» встречаются следующие показатели глагольной отрицательной формы:

– *ما (-ма-)* / *مي مه (-мя-/ми-)* (см. табл. 18);

– *با (-ба-)* / *بي به (-бя-/би-)* (см. табл. 19).

Отрицательные глагольные аффиксы в большей степени повторяют современные казахские, нежели татарские варианты этих аффиксов, так как в татарском языке присутствует лишь вариант *-ма- / -мә-*, а в тексте кроме окончаний на *-м* встречаются еще показатели на *-б*, однако в отличие от современного казахского языка в тексте отсут-

* Согласно М.А. Терентьеву, в османском языке «...все глаголы правильны. Все оканчиваются на *ماق макъ* или *مكъ мекъ*» [21. С. 39].

ствуют показатели, которые использовались бы после глухих согласных (в современном казахском языке для этого существует специальная форма отрицательных глагольных аффиксов на -п).

Т а б л и ц а 18

Примеры глаголов с показателем отрицательной формы ما (-ма-) / می مه (-мя-/ми-), встречающиеся в тексте «Самоучителя»

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
قبول قیلما [14. С. 27]	кабуль кылма	кабыл алма	не соглашайся
چاقрма [14. С. 25]	чакырма	шақырма	не зови
ماقتامايدى [14. С. 24]	мактамайде	мактамайды	не хвалит
بولماس [14. С. 22]	булмасъ	болмайды	не будет
كورميسن [14. С. 24]	кюръмисень	көрмесін	пусть не видит
جيمه [14. С. 25]	джимя	жеме	не ешь
کيتومگان [14. С. 12]	китерьмягянь	келтірмеген	неприводящий

Т а б л и ц а 19

Примеры глаголов с показателем отрицательной формы با (-ба-) / بی به (-бя-/би-), встречающиеся в тексте «Самоучителя»

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
قوانبا [14. С. 27]	куванба	куанба	не радуйся
اچبه [14. С. 25]	эчбя	іште	не пей
اچبیسینڭ [14. С. 22]	эчбисинь	ішпесең	если не будешь пить
ایتبه [14. С. 21]	айтба	айтпа	не говори
اچبه سوز [14. С. 21]	сюзь ачба	сөз айтпа	не говори ничего
بونبا [14. С. 21]	бузба	бұзба	не порти

5. Аффиксы настоящего времени.

Важное отличие аффиксов настоящего времени в татарском языке от аффиксов настоящего времени в казахском языке заключается в том, что в 3-м лице единственного и множественного числа в татарском языке не используется аффикс -ды / -ді, а только аффикс настоящего времени -а / -ә / -ый / -и. В казахском языке же помимо аффикса настоящего времени -а / -е / -й в 3-м лице единственного и множе-

ственного числа используется аффикс -ды / -ді. В тексте «Самоучителя» в 3-м лице присутствует аффикс -ды / -ді (примеры указаны в табл. 20).

Таблица 20

Примеры употребления формы настоящего времени из «Самоучителя»

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
أط چابادی [14. С. 71]	ать чабады	ат шабады	лошадь скачет
أطدار چابادی [14. С. 71]	атдар чабады	аттар шабады	лошади скачут
صیر موڭر هیدی [14. С. 72]	сыерь монгерейди	сыыр мөңірейді	корова мычит
صیرلر موڭر هیدی [14. С. 72]	сыерлирь монгерейди	сыырлар мөңірейді	коровы мычат

Этот факт свидетельствует о том, что правила спряжения глаголов настоящего времени были даны в соответствии с таковыми в казахском языке и влияния татарского языка здесь не прослеживается.

6. Показатели деепричастия.

Таблица 21

Лексика из «Самоучителя», содержащая аффиксы деепричастия ینچه (-енча)

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
كوب كسیلیر الله تعالینڭ برلدینه چنی مین ایناباینچه هق جولدن آز دیلار [14. С. 6]	Кюбрь ксилярь, Аллагъ тягалининь берлгиня чны минь инанбаенча хакъ джюлдань аздыларь	Көп кішілер Алла тағаланың бірлігіне сенбеп хақ жолдан азды	Много людей сбились с пути истинного, не поверив в единство Бога Всевышнего
ایڭ اؤلی قولڭنه توسکین بولیگن آل صایلاماینچه [14. С. 20]	Инь эвьяли кулынга тюскинь булигинь аль сайламаенча	Ал колына алғашқы түскенді сайламай ал	Бери то, что попалось под руку, не выбирая

В тексте «Самоучителя» встречается форма деепричастия, отсутствующая в казахском языке: ینچه (-енча), но присутствующая в татарском. Примеры даны в таб. 21.

Эта форма деепричастия отсутствует в современном казахском языке, но присутствует в татарском: -ганчы / -гәнче, -канчы / -кәнче, в значении: 1) действие, которое предшествовало основному, и 2) действия, которое субъект намеревается сделать вместо основного. Кроме этой формы в современном казахском языке могут употребляться деепричастия на -ып / -іп / -п, -а / -е / -й. В данном случае в тексте прослеживается влияние татарского языка.

Среди прочих деепричастных форм, встречающихся в тексте «Самоучителя», самой распространенной является форма на -б / -еб (وب / وب) (примеры приведены в табл. 22).

Таблица 22

**Лексика из «Самоучителя», содержащая деепричастные аффиксы
-б / -еб (وب / وب)**

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
اچب جيبو [14. С. 16]	эчеб джю	ішіп жеу	пить и есть
اوزاڭ سيزوب [14. С. 25]	узьень сизебь	өзің сезіп	сам почувствовал

Также встречается форма на -а / -е / -й в виде ۞ / ۞. Примеры даны в табл. 23.

Эта форма совсем не свойственна татарскому языку.

Таким образом, видно, что в сфере деепричастий свое влияние проявили как татарский, так и казахский язык. В полном объеме не нашли отражение деепричастные формы ни того, ни другого языка.

Таблица 23

Лексика из «Самоучителя», содержащая деепричастные аффиксы ۞ / ۞

Слово в «Самоучителе» (арабица)	Слово в «Самоучителе» (кириллица)	Современный казахский язык	Перевод на русский язык
اچە قالساڭ [14. С. 23]	эча калсань	іше қалсаң	если продолжишь
صالا جاتو [14. С. 19]	сала джату	сала жату	положить

В заключение следует отметить, что в категории множественного числа, в показателях некоторых падежных аффиксов (а именно роди-

тельного и винительного падежей), показателях глагольной отрицательной формы и в показателях категории настоящего времени прослеживается существенное влияние казахского языка. Хотя влияние татарского языка (как, например, в области форм деепричастия) дало о себе знать.

В современном казахском языке в качестве аффикса множественного числа используются также разновидности на -тар / -тер; в родительном падеже – аффикс -тың / -тің; в винительном падеже – аффикс -ты / -ті; в местном – -та / -те; в исходном – -тан / -тен. Эти аффиксы используются в тех случаях, когда основа слова оканчивается на глухую согласную фонему. Фонологические варианты для подобных случаев существуют и у показателей глагольной отрицательной формы (-па / -пе). В тексте «Самоучителя» эти фонологические различия отражения не нашли. Глухой вариант аффикса в «Самоучителе» представлен лишь в качестве варианта именной глагольной формы (پاق / پیک (-пакь / -пикь)), однако, как сказано в тексте статьи, морфонологические варианты именной глагольной формы на -мак отсутствуют в современном казахском языке. Отсутствие глухих вариантов вышеперечисленных аффиксов характерно для современного татарского языка (кроме аффиксов исходного и местного падежей).

Показатель формы глагольного имени на مک / ماق (-макь / -мякь, -микь), использованный в словаре «Самоучителя», не характерен ни для казахского, ни для татарского языка. Присутствие этой формы в тексте «Самоучителя» может являться результатом воздействия османской языковой традиции.

Выводы

«Самоучитель киргизского (казахского. – С.К.) языка русским и русского киргизам (казахам. – С.К.)» был написан более 100 лет назад в 1914 г. и, будучи учебником для самостоятельного изучения языка, претендовал на то, чтобы быть популярной книгой для чтения среди казахского и русского населения. Замысел автора подтверждается также и выбором основной тематики текстов «Самоучителя»: они носят поучительный характер и содержат объяснения норм приличия и морали.

Как отмечает ряд исследователей, к числу которых относятся В.Г. Гузев, Н.Н. Телицин и А.С. Аврутина, «тюркские языки исконно

обладали смешанным характером, когда и грамматические, и лексические элементы могли стихийно мигрировать из одного диалекта в другой» [1. С. 158; 22, 23]. Именно с таким явлением мы сталкиваемся и на примере языка «Самоучителя», который представляется смешанным; несмотря на то что этот учебник был написан для казахов, в его языке присутствуют следы большого влияния татарского и местами – османского языков. Особенно велико влияние татарского языка в лексике и фонологии (что прослеживается благодаря транскрипции фраз кириллицей). Ряд слов в тексте «Самоучителя» зафиксирован в татарском варианте; к ним относятся, например, союзы. В словах, характерных для татарского и казахского языков одновременно, предпочтение отдано татарскому произношению.

Влияние османского языка проявило себя в основном в области алфавита. По всей вероятности, система письма, которая использовалась в «Самоучителе», является адаптацией османского алфавита.

Что касается казахского языка, то наибольшее свое отражение его правила нашли в области грамматики. Судя по всему, автор, отдавая себе отчет в том, что составляет учебник для изучения языка, уделил особое внимание грамматическим нормам казахского языка. Однако и в этой области не обошлось без татарского влияния.

Авторское произведение, которым является «Самоучитель», представляет собой свод норм и правил письма, принятых во времена его создания. Очевидно, что автор мог не иметь достаточных знаний в области казахского языка, т.е. в данном случае мы сталкиваемся с проявлением влияния идеолекта автора на свое произведение. Однако тот факт, что уровень знаний в области казахского языка, который демонстрировал автор, не был поставлен под сомнение общественностью и позволил ему опубликовать учебное пособие по языку, говорит в пользу отсутствия устоявшихся литературных норм в казахском языке в рассматриваемый период.

Литература

1. Авругина А.С. Проблема фонологической интерпретации данных письменных тюркских языков Малой Азии // Культура и цивилизация. 2016. № 3. С. 156–164.
2. Абилхасимов Б. Казахский литературный язык второй половины XIX века (на материале казахской печати) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1983. 47 с.

3. Кордабаев Т.Р. Синтаксис казахского языка на материале XVI–XX веков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1967. 83 с.
4. Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. 452 с.
5. Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003. 368 с.
6. Кенесбаев С. Развитие современного казахского литературного языка. М., 1960. 7 с.
7. Сауранбаев Н.Т. Қазақтың әдеби тілінің тарихын зерттеу туралы // «Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері» атты жинқ. Алматы : Ғылым, 1960. 258 с.
8. Әбілқасымов Б. Қазақ баспасөзі мен әдеби тілі тарихы бойынша зерттеулер = Исследования по истории казахской печати и литературного языка / [под ред. М. Малбақова]. Алматы, 2011. 379 с.
9. Сыздыкова Р.Г. О формах казахского литературного языка донационального периода // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР (Тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата, 1976. С. 190–191.
10. Kutalmış M. “Tarihte ve Günümüzde Kazakistan’ın Alfabe Meselesi”, Bilig, Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi 31 (2004), 1–21. [Куталмыш М. Вопрос алфавита в Казахстане в истории и сегодня // Билиг. Журнал социальных наук тюркского мира. Анкара, 2004. № 31. С. 1–21].
11. Абилхасимов Б.Б. Абилхасимов: «В казахском языкознании есть еще много неисследованных вопросов» / Беседовала С.Л. Сорокина // Түркология. 2016. № 3. С. 3–29.
12. Юсупова А.Ш. Деятельность Шигабутдина Габдельгазиза в области татарской лексикографии // Тюркоязычная книга. Наследие веков. Казань, 2012. С. 311–315.
13. Юсупова А.Ш. Лексика самоучителей татарского языка для русских XIX века. Казань, 2002. 140 с.
14. Рахметуллин Ш.А. Самоучитель киргизского языка русскимъ и русского языка киргизамъ. Казань, 1914. 104 с.
15. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы : Дайк-Пресс, 2008. [Толковый словарь казахского языка]. 968 с.
16. Лаптев И. Материалы по казак-киргизскому языку. М., 1900. 148 с.
17. Меліоранскій П.М. Краткая грамматика казакъ-киргизского языка. Часть I. Фонетика и этимология. СПб., 1894. 72 с.
18. Kutalmış M. Mektubat. Kirgiz ve Kazak Tilinde / M. Kutalmış. İstanbul, 2004. [Куталмыш М. Хрестоматия. На киргизском и казахском языках. Стамбул, 2004. 182 с.].
19. Самойлович А.Н. Краткая учебная грамматика османско-турецкого языка: Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка / [под наблюдением и с предисл. Г.Ф. Благовой, Д.М. Насилова]. Репр. изд. 1925 г. с доп. и испр. М., 2002. 158 с.

20. Timurtaş F.K. Osmanlı Türkçesine Giriş 1 / F.K. Timurtaş. İstanbul, 2013. [Тимурташ Ф.К. Введение в османский язык 1. Стамбул, 2013. 408 с.]

21. Терентьев М.А. Грамматики турецкая, персидская, киргизская и узбекская. Книга первая. СПб., 1875. 209 с.

22. Гузев В.Г. Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // Востоковедение. Филологические исследования. СПб., 2004. Вып. 24. С. 24–33.

23. Телицин Н.Н. Этапы становления тюркского письма в древнетюркский период // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем : науч. конф., посвящ. памяти С.Г. Кляшторного. Санкт-Петербург, 16–17 февраля 2015 г. СПб., 2015. С. 37–38.

The Language of the *Kyrgyz for Russians and Russian for Kyrgyzes Self Study Textbook* Published in 1914

Tekst. Kniga. Knigozdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 88–111

DOI: 10.17223/23062061/21/5

Sofia L. Kutalmysh, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sofya.sorokina@gmail.com

Keywords: written monument, Kazakh language, Tatar language, Ottoman language, system of writing, grammatology.

The role of written monuments in the history of a language or a country is unquestionable. Written monuments are the best source of information about any changes in a language. However, the typical peculiarity of the modern Kazakh linguistics is lack of Kazakh written monuments. That is why there are different opinions on the beginning of the history of the modern Kazakh written language in the academic community. One of the rare monuments of the Kazakh language is the *Kyrgyz for Russians and Russian for Kyrgyzes Self Study Textbook*. The book was written by mullah Sh.A. Rakhmetullin and published in 1914. The aim of this study is to analyze the main peculiarities of this written monument of the Kazakh language. In spite of Rakhmetullin's nationality being a Tatar and his idiolect showing in the text of the textbook, the author manifested his aim as to teach people the Kazakh language, that is why the peculiarities of the Kazakh language are shown in the text. The study consists of several sections. Information about old written sources of the Kazakh language is briefly presented in the “Introduction”. The following sections include information about some peculiarities of the textbook and of its author, about the alphabet, rules of reading and vocabulary of the textbook. Detailed information about grammar peculiarities, including plural endings, case endings, non-finite verb forms, negative verb forms and present tense endings, is given in the final section. The main lexical, grammatical, alphabetic peculiarities and those of the system of writing were revealed in the study. The language of the textbook has a so-called mixed character when both grammar and lexical elements can spontaneously migrate from one dialect to another. Judging by the analyzed monument, in the time of its writing, the Tatar influence was great in the lexical and phonological spheres, while

the influence of the Ottoman language manifested itself in the written system. Norms of the Kazakh language showed mostly in grammar.

References

1. Avrutina, A.S. (2016) The problem of phonological interpretation of the written Turkic language data (Asia Minor). *Kul'tura i tsivilizatsiya – Culture and Civilization*. 3. pp. 156–164. (In Russian).
2. Abilkhasimov, B. (1983) *Kazakhskiy literaturnyy yazyk vtoroy poloviny XIX veka (na materiale kazakhskoy pechati)* [Kazakh literary language of the second half of the 19th century (a case study of the Kazakh press)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Alma-Ata.
3. Kordabaev, T.R. (1967) *Sintaksis kazakhskogo yazyka na materiale XVI – XX vekov* [The syntax of the Kazakh language in the 16th – 20th centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Alma-Ata.
4. Amanzholov, S.A. (1959) *Voprosy dialektologii i istorii kazakhskogo yazyka* [Problems of dialectology and history of the Kazakh language]. Alma-Ata: Alma-Ata State Pedagogical University.
5. Amanzholov, A.S. (2003) *Istoriya i teoriya drevnyurksskogo pis'ma* [The History and Theory of Ancient Turkic Writing]. Almaty: Mektep.
6. Kenesbaev, S. (1960) *Razvitie sovremennogo kazakhskogo literaturnogo yazyka* [Development of the modern Kazakh literary language]. Moscow: [s.n.].
7. Sauranbaev, N.T. (1960) Қазақтың әдеби тілінің тарихын зерттеу туралы [On the study of the history of the Kazakh literary language]. In: “Қазақ тили тарихы мен диалектологиясының мәселелері” атты zhinқ [Problems of the Kazakh language and dialectology]. Almaty: Fylym.
8. Abylkasymov, B. (2011) *Қазақ баспасөзі мен әдеби тили тарихы бойынша зерттеулер* [Studies on the Hhistory of the Kazakh Press and Literary Language]. Almaty: [s.n.].
9. Syzdykova, R.G. (1976) O formakh kazakhskogo literaturnogo yazyka donatsional'nogo perioda [On the forms of the Kazakh literary language of the pre-national period]. In: *Sovetskaya tyurkologiya i razvitie tyurkskikh yazykov v SSSR* [Soviet Turkology and the Development of Turkic languages in the USSR]. Abstracts of the Reports. Alma-Ata. pp. 190–191.
10. Kutalmış, M. (2004) Tarihte ve Günümüzde Kazakistan'ın Alfabe Meselesi. *Bilig, Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*. 31. pp. 1–21.
11. Abilkhasimov, B.B. (2016) V kazakhskom yazykoznanii est' eshche mnogo neissledovannykh voprosov [There are still many unexplored issues in Kazakh linguistics]. *Tyrkologiya*. 3. pp. 3–29.
12. Yusupova, A.Sh. (2012) Deyatel'nost' Shigabutdina Gabel'gaziza v oblasti tatarskoy leksikografii [Activities of Shigabutdin Gabelgaziz in the field of Tatar lexicography]. In: *Tyrkoyazychnaya kniga. Nasledie vekov* [Turkic-language book. The legacy of centuries]. Kazan: [s.n.]. pp. 311–315.

13. Yusupova, A.Sh. (2002) *Leksika samouchiteley tatarskogo yazyka dlya russkikh XIX veka* [Vocabulary of the Tatar language self-study books for the Russians of the 19th century]. Kazan: [s.n.].
14. Rakhmetullin, Sh.A. (1914) *Samouchitel' kirgizskogo yazyka russkim" i russkogo yazyka kirgizam"* [Self-study books of the Kyrgyz language for the Russians and Russian language Kyrgyz]. Kazan: [s.n.].
15. Anon. (2008) *Қазақ тілінің тусындирме сөздігі* [Explanatory Dictionary of the Kazakh Language]. Almaty: Dayk-Press.
16. Laptev, I. (1900) *Materialy po kazak-kirgizskomu yazyku* [Materials on the Kazakh-Kyrgyz language]. Moscow: [s.n.].
17. Melioransky, P.M. (1894) *Kratkaya grammatika kazak"-kirgizskogo yazyka* [Brief Grammar of the Kazakh-Kyrgyz language]. Part 1. St. Petersburg: [s.n.].
18. Kutalmış, M. (2004) *Mektubat. Kirgiz ve Kazak Tilinde* [A Reader. In Kyrgyz and Kazakh languages]. Stambul: [s.n.].
19. Samoylovich, A.N. (2002) *Kratkaya uchebnaya grammatika osmansko-turetskogo yazyka: Kratkaya uchebnaya grammatika sovremennogo osmansko-turetskogo yazyka* [Brief educational grammar of the Ottoman-Turkish language: Brief educational grammar of the modern Ottoman-Turkish language]. Moscow: Vostochnaya literatura.
20. Timurtaş, F.K. (2013) *Osmanlı Türkçesine Giriş 1* [Introduction to the Ottoman language 1]. Stambul: [s.n.].
21. Terentiev, M.A. (1875) *Grammatiki turetskaya, persidskaya, kirgizskaya i uzbekskaya. Kniga pervaya* [Turkish, Persian, Kyrgyz and Uzbek Grammars. Book 1]. St. Petersburg: [s.n.].
22. Guzev, V.G. (2004) Osnovnye polozheniya kontseptsii avtokhtonogo proiskhozhdeniya tyurkskoy runiki [The main provisions of the concept of autochthonous origin of the Turkic runic]. *Vostokovedenie. Filologicheskie issledovaniya*. 24. pp. 24–33.
23. Telitsin, N.N. (2015) [Stages of the formation of Turkic writing in the ancient Turkic period]. *Tyurko-mongol'skiy mir v proshlom i nastoyashchem* [Turkic-Mongolian World in the Past and Present]. Proc. of the Conference. St. Petersburg, February 16–17, 2015. St. Petersburg. pp. 37–38. (In Russian).
24. Guzev, V.G. (1990) *Ocherki po teorii tyurkskogo slovoizmeneniya: glagol: na materiale staroanatoliysko-tyurkskogo yazyka* [Essays on the theory of Turkic inflection: verb: on the material of the Old Anatolian-Turkic language]. Leningrad: Leningrad State University.

УДК 82-32

DOI: 10.17223/23062061/21/6

Н.Е. Никонова, И.В. Морозова

СОЧИНЕНИЯ В.Д. КОЛУПАЕВА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ИЗДАТЕЛЬСКИЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ*

Аннотация. В статье рассмотрена переводческая рецепция в США, Германии и Франции творчества Виктора Колупаева (1936–2001), томского писателя-фантаста, члена Союза писателей СССР (1976), лауреата литературной премии в области фантастики «Аэлита» (1988). Объясняется повышенный интерес исследователей к фигуре и наследию писателя в период 1972–1982 гг. Кроме того, освещена история исследования зарубежными и российскими учеными наследия сибирского фантаста.

Ключевые слова: В.Д. Колупаев, критическая рецепция, переводческая рецепция, фантастика, Томск.

Наследие Виктора Дмитриевича Колупаева (1936–2001) насчитывает около пятидесяти рассказов (включая два цикла), три романа, восемь повестей. При жизни писателя в России было издано девять сборников его произведений. В 1976 г. он был принят в Союз писателей СССР, а в 1988 г., выпустив сборник «Весна света», стал лауреатом известной литературной премии в области фантастики «Аэлита». С 1974 г. произведения томского фантаста стали издаваться за рубежом.

Критическое восприятие современниками

В библиографическом указателе «Виктор Дмитриевич Колупаев» (2005) содержится информация о 34 критических публикациях, вышедших в период 1972–2001 гг. и опубликованных в следующих изданиях: 1) в сборниках «Ошибка создателя», «Румбы фантастики», «Сборник научной фантастики», «Фантастика-72», «Фантастика: по-

---

* Исследование выполнено при поддержке Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых. Проект МД 852.2019.6.

вести и рассказы»; 2) в газетах «Книжное обозрение», «Красное знамя», «Красноярский рабочий», «Молодой ленинец», «Молодой дальневосточник», «Сибирь»; 3) в журналах «Литературное обозрение», «Нева», «Политическая информация», «Сибирские Афины», «Сибирские огни», «Уральский следопыт». Далее мы обратимся к этому материалу, представив доступные и самые репрезентативные работы системно и в хронологическом порядке.

Внимание критиков В. Колупаев привлек сразу же после выхода первого сборника «Случится же с человеком такое!..» в 1972 г. Именно этому сборнику посвящена рецензия «Время внутри нас», подготовленная редактором газеты «Молодой ленинец» С. Заплавным. Колупаев представлен социальным фантастом, в прозе которого «фантастические ситуации, как лакмусовая бумажка, проявляют реальные человеческие отношения» [1. С. 4]. При этом С. Заплавный критикует писателя за порой повторяющиеся темы и стремление объяснить читателю главную мысль своего произведения [Там же].

Через два года выходит новый сборник В. Колупаева «Качели отшельника», который стал предметом анализа в рецензии «Качели фантаста?» редактора Томского отделения Западно-Сибирского книжного издательства С. Федотова. Особое внимание уделяется структуре нового сборника, которая, по мнению рецензента, сильно отличается от композиции предыдущего издания [2. С. 4]. С. Федотов сравнивает ее с амплитудой качель: «...взлет (рассказ «Билет в детство»), горизонталь («Оборотная сторона»), падение («На дворе двадцатый век»), стремительный подъем («Город мой» и «Самый большой дом» и – без задержки! – вниз (Качели отшельника!))» [Там же]. Книга «Качели отшельника», по мнению рецензента, слабее сборника «Случится же с человеком такое!..», так как представляет ранние произведения В. Колупаева. Тем не менее С. Федотов констатирует эволюцию писателя, поскольку «первая, более поздняя книга показала всем, что почерк он свой приобрел» [Там же].

Следующая критическая статья является предисловием к сборнику «Ошибка создателя» (1975), написанным А. Казанцевым, также выпускником Томского политехнического института, представителем советской научной фантастики. В сборнике представлено пять рассказов В. Колупаева: «Две летящие стрелы», «Какие смешные деревья», «Любовь к Земле», «Печатающий механизм», «Спешу на свидание»,

«Улыбка». А. Казанцев обращает внимание на характер взаимодействия фантастики и действительности в прозе томского писателя: «...читатель встретится с самой обыкновенной жизнью, с нашей современностью <...> но эта обыденность пронизана фантастическими допущениями» [3. С. 6]. Кроме того, подчеркиваются особенности прозы В. Колупаева, такие как оптимистичность, сказочность и лиричность.

В 1977 г. был издан третий сборник В. Колупаева под названием «Билет в детство». Спустя год в журнале «Сибирские огни» на данный сборник была опубликована рецензия М. Черненко, российского писателя детективного жанра. По мнению автора статьи, благодаря изображению реальных людей и чудес, происходящих с ними, фантастику В. Колупаева можно сравнить со сказкой. Кроме того, М. Черненко выделяет два типа колупаевского героя: во-первых, это «активные строители Будущего» [4. С. 191], миссией которых является всегда оставаться человеческими друг к другу; во-вторых, «чудики» [Там же], которые верят в чудеса. В результате, по мнению М. Черненко, произведения В. Колупаева противопоставляются западной фантастике по способу подачи материала: его рассказы оптимистичны и «горят верой в светлое Будущее» [Там же].

В 1979 г. литературовед Е. Брандис в критической статье «Горизонты фантастики» вновь обратил внимание на сборник «Билет в детство», в который, по его мнению, были включены лучшие лирические новеллы фантаста. Е. Брандис, как и предыдущие критики, отмечает схожесть произведений со сказкой, но и делает акцент на интересе В. Колупаева к «темпоральной» тематике [5. С. 179]. Однако автором статьи подчеркивается, что тема времени используется фантастом для реализации нравственной функции своей прозы, а не для того, чтобы «рассказать о воображаемой новой науке (темпорологии. – *И.М., Н.Н.*)» [Там же].

Рецензия К. Милова, критика зарубежной и отечественной научной фантастики, посвящена повести «„Толстяк“ над миром», изданной в 1979 г. По мнению К. Милова, данное произведение «нетрадиционно для научной фантастики и необычно для автора» [6. С. 191]. Необычность повести В. Колупаева видится критиком в обращении к теме войны. При этом подчеркивается интенция писателя указать на нравственные проблемы человека через призму научно-фантасти-

ческого приема: «автор дает им (героям. – Н.Н., И.М.) „вторую попытку“» [6. С. 191].

В статье «Сказка и жизнь» Г. Павлова также затрагивается сказочность фантастики В. Колупаева, представленной на примере вышедшей в 1982 г. повести «Жизнь как год». В первую очередь, сказочность, по мнению Г. Павлова, проявляется в системе персонажей: «...уже в первой новелле встречаются образы Деда Мороза и Снегурочки, а во второй – Иванушки-дурачка» [7. С. 4]. Во-вторых, проза В. Колупаева, как и сказка, обладает нарицательной функцией. В-третьих, в произведениях фантаста присутствует оптимизм. Кроме того, впервые в критике акцентируется внимание на языке произведений: «...передать динамику времени нашей стремительной современности помогают короткие энергичные фразы, почти без запятых, из которых состоит повествование» [Там же].

В результате анализа данных критических статей современников В. Колупаева, посвященных творчеству и анализу его отдельных произведений, можно выделить отмеченные ими особенности малой прозы томского фантаста: особый авторский стиль, ярко выраженный на синтаксическом уровне; лиричность; синтез научной фантастики и сказки; оптимистичность; нравоучительный характер произведений; особая система персонажей (герой-ребенок, герой-спаситель, обыкновенный человек); вопрос о роли человека во Времени и Пространстве; изображение актуальных проблем или событий через призму фантастического; репрезентация образа Советского Союза.

История вопроса

Изучение творчества В. Колупаева было начато не в Томске и даже не в России, а в США. В августе 1985 г. в Кутцтауне защищена магистерская диссертация по теме «Перевод и критический анализ повести Виктора Колупаева „Толстяк над миром“». Данная исследовательская работа была выполнена Биллом Кунцем, ныне сотрудником Принстонской университетской библиотеки (Нью-Джерси). Выбор произведения для перевода объясняется желанием познакомить американских читателей с ранее неизвестным для них сочинением В. Колупаева. Б. Кунц отмечает, что томский писатель неизвестен на Западе, однако все же упоминает о вышедшем в 1981 г. сборнике «Качели от-

шельника» (англ. «Hermit's Swing»), который впервые представляет прозу писателя на английском языке. Думается, что именно этот сборник познакомил и самого Б. Кунца с творчеством В. Колупаева. В критическом эссе, представленном в диссертации, повесть «Толстяк над миром» сравнивается с поэмой А. Блока «Двенадцать». Схожесть этих произведений видится автором диссертации в системе персонажей: как и у Блока, у Колупаева представлено 12 персонажей-революционеров, пытающихся устроить революцию на неизвестной планете: «The translator feels that the crew members may be revolutionaries who quite possibly are intent on spreading the revolution to the third planet» (Думается, что члены экипажа – революционеры, целью которых, возможно, является распространение революционных настроений на третью планету) [8. Р. 10] (здесь и далее перевод наш. – И.М., Н.Н.). Кроме того, Б. Кунц отмечает в повести причудливость повествования и использование анахронизмов для передачи примитивности мышления героев. Однако, несмотря на подробный анализ повести, Б. Кунц допустил недочеты в переводе, спустя тридцать лет он перевел произведение В. Колупаева заново. Таким образом, работа Б. Кунца – ценный материал для колупаеведов, так как она до сих пор является первой и единственной в зарубежном научном пространстве посвященной творчеству В. Колупаева.

В России годом рождения колупаеведения является 2005 г., когда был издан первый и на данный момент единственный библиографический указатель «Виктор Дмитриевич Колупаев» [9], вошедший в книжную серию «Жизнь замечательных томичей». В это же время была выполнена первая научно-исследовательская работа, посвященная проблематике колупаевских произведений. Ее авторы – томские филологи Т.Л. Рыбальченко и И.В. Никиенко. Рецензия «Проза из Сибирских Афин» Т.Л. Рыбальченко на роман «Сократ Сибирских Афин» была опубликована в ранее упомянутом библиографическом указателе. В данной работе впервые был представлен литературоведческий анализ одного из последних произведений фантаста. Рецензентом подчеркивается обращение В. Колупаева к иной тематике в позднем периоде творчества: «Проза писателя представляет другой масштаб реальности – мироздание, сущность жизни и смерти, границы или безграничность бытия, время или вечность, бытие сознания и бытие вне сознания субъекта» [9. С. 41]. По мнению Т.Л. Рыбальчен-

ко, данная фантастическая пародия не вызовет интереса у читателей, так как поднимаемые в ней вопросы на данный момент не являются для них первостепенными: «общество, занято проблемой материального выживания» [9. С. 41]. Исследователь заключает, что произведение стоит относить в большей степени к философской литературе, нежели к фантастической, поскольку оно заставляет читающего задуматься о вечных вопросах, возвращает его к «глобальности»: «чтение подобной прозы потребно уму, хотя и не полезно, поскольку, как сказал классик, не радость, а „горе от ума“» [Там же. С. 43].

Материалом для анализа в научных работах И.В. Никиенко, опубликованных в период 2012–2014 гг., была также пародия «Сократ Сибирских Афин». Первая работа «„Пушкинский текст“ в „Сократе Сибирских Афин“ В.Д. Колупаева» (2012) описывает актуальные смыслы и функции трансформированных пушкинских прецедентов в «Сократе Сибирских Афин». И.В. Никиенко доказывает «высокую значимость пушкинского текста в создании образов ряда персонажей (Пифагор, Аристотел-Платон, Сенека, Гомер, глобальный человек), репрезентацию ключевого концепта («Сибирские Афины»), реализацию жанра («фантастическая пародия-перепев»)» [10. С. 104].

В следующей работе «Вода как онтологическая и гносеологическая среда: особенности художественной адаптации философского концепта „первоначало“ в „Сократе Сибирских Афин“ В.Д. Колупаева» (2013) рассматривается проблема адаптации нехудожественного (философского) концепта в художественном дискурсе. В ходе выявления индивидуально-авторских приращений смысла концепта «Вода (как первоначало)» автором статьи обнаруживается «возможность развития значения „среда, окружение“ на базе исходных компонентов семантической структуры концепта-прототипа („архе“ и „стойкейон“) с последующей актуализацией гносеологического аспекта представления первоначала (наряду с онтологическим)» [11. С. 57]. И.В. Никиенко доказывает, что «появление семантического компонента „Вода как гносеологическая среда“ в структуре описываемого концепта является закономерным для „пародийного“ дискурса „Сократа Сибирских Афин“» [Там же].

В статье Никиенко 2014 г. рассмотрены проблемы взаимодействия институционального и персонального в идиодискурсе В.Д. Колупаева и особенности синтетического дискурса в его произведении. Автор

приходит к выводу, что «синтетизм дискурса отражает интегральный характер его индивидуально-авторской картины мира и своеобразие языковой личности В.Д. Колупаева как фантаста-писателя и фантаста-физика» [12. С. 157], которые можно проследить на материале трех его опубликованных работ: «Пространство и Время для фантаста», «Безвременье» и «Сократ Сибирских Афин». И. Никиенко подчеркивает, что в результате «синтетического взаимодействия институционального и персонального» [Там же] научно-фантастическая проза В.Д. Колупаева переходит в философскую.

Научные исследования Т.Л. Рыбальченко и И.В. Никиенко эксплицируют разные подходы в изучении творчества томского фантаста и образуют платформу для дальнейших исследований наследия В. Колупаева российскими и зарубежными филологами.

В работах филологов и литературных критиков неоднократно поднимался, но специально не рассматривался вопрос о переводческой рецепции наследия В. Колупаева за рубежом, а именно в Англии, США, Германии и Франции. Библиография переводов произведений В. Колупаева, представленная в библиографическом указателе 2005 г., составляет 14 библиографических единиц. В нее вошли переводы на шведский (2), немецкий (8), английский (10), чешский (2), венгерский (2), японский (1), словацкий (10) и испанский (1) языки. К данному списку переводов нами были добавлены 11 англоязычных, 6 немецкоязычных и 2 франкоязычных текста.

Возможность познакомиться с творчеством томского фантаста англоязычному читателю впервые представилась в 1976 г., когда вышел сборник «The Air of Mars and Other Stories of Time and Space» («Воздух на Марсе или другие истории о Времени и Пространстве»), подготовленный международным издательством «Macmillan». Данная антология включает произведения советских фантастов, опубликованных в период 1964–1972 гг. По мнению составителя и переводчика сборника Мирры Гинсбург, в издание вошли «лучшие авторы в советской научной фантастике» [13. Р. Ix]: О. Ларионова, В. Журавлева, К. Булычев, С. Ганзовски, М. Бахнов, М. Емцев и Е. Парнов, В. Колупаев, Г. Гор и Д. Биленкин. Отбирая произведения в сборник, М. Гинсбург ориентировалась на изображенных в них героев (земные существа), использование современных художественных приемов, «for variety, excitement, surprise, and delight» (разнообразие, восхище-

ние, удивление и удовольствие) [13. P. Ix]. В рассматриваемый сборник вошел перевод рассказа В. Колупаева «Билет в детство».

Спустя четыре года в серии «Macmillan's Best of Soviet Science Fiction» (Лучшая советская научная фантастика издательства «Macmillan») выпускается сборник «Hermit's Swing» («Качели отшельника»), в котором представлены семь произведений В. Колупаева в переводе на английский язык: «Любовь к Земле», «Волевое усилие», «Самый большой дом», «Газетный киоск», «Какие смешные деревья», «Улыбка», «Качели отшельника». Кроме сочинений томского фантаста, в серию были включены произведения братьев Стругацких, К. Булычева, М. Емцева и Е. Парнова, Д. Биленкина, В. Савченко, А. Беляева и В. Шефнера. В предисловии к сборнику составитель Т. Стерджен так определил основные черты прозы В. Колупаева: во-первых, «Victor Kolupaev often <...> moves off the science fiction tile onto the overarching design» (Виктор Колупаев часто передвигается от основы научной фантастики к всеобъемлющему замыслу) [14. P. Ix]; во-вторых, «For Kolupaev rejoices in the unexplained and the inexplicable and is quite happy injecting fantasy into his space opera» (Радость в необъяснимом для него – это переход фантазии в космооперу) [Ibid.]; в-третьих, «Victor Kolupaev has a funny bone <...> the target of his ironies is the bumbling bureaucrat, the pompous administrator» (Он обладает чувством юмора. Объектом его иронии становятся неуклюжая бюрократия и надутые начальники) [15. P. X]. На данный момент сборник «Hermit's Swing» 1980 г. является первым и единственным изданием на английском языке, посвященным исключительно В. Колупаеву. Все переводы в данном сборнике принадлежат Елене Зальц Якобсон (англ. Helen Saltz Jakobson).

В 1981 г. выходит антология «World's Spring» («Весна света»), названная по заголовку одного из представленных в ней рассказов В. Колупаева. Основная цель сборника, по мнению его составителя В. Гакова, видится в изображении всего разнообразия советской научной фантастики, демонстрируя при этом все самое лучшее и типическое: «The American reader must be able to accept the Soviet authors as his own, but at the same time the stories must show Soviet science fiction and offer something that does not resemble traditional English-language science fiction» (Американский читатель должен воспринять советских авторов по-своему, но в то же время рассказы должны воссоздать образ совет-

ской научной фантастики и предложить что-нибудь, что не похоже на традиционную англоязычную научную фантастику) [16. P. X]. Сборник поделен на четыре части: «Space: Amid the Stars – And on Earth» («Пространство: среди звезд и на Земле»), «The Future – Fears and Hopes» («Будущее – страхи и надежды»), «Parallel Worlds: Space and Time» («Параллельные миры: Пространство и Время»), «Aliens: Human and Nonhuman» («Пришельцы: Люди и Нечеловеческие существа»). Рассказы В. Колупаева «Весна света» (в переводе «World's Spring») и «Самый большой дом» (в переводе «The Very Biggest House») находятся в первой и второй соответственно. Переводы произведений были подготовлены переводчиком Роджером ДеГарис (Roger DeGaris).

В 1984 г. в журнале «Soviet Literature Monthly» («Советская литература. Ежемесячный журнал») был опубликован второй англоязычный перевод «Strange trees» («Какие смешные деревья»). Цель данного журнала, который являлся органом Союза писателей СССР, заключалась в ознакомлении зарубежных читателей с новыми произведениями многонациональной советской литературы. Перевод был выполнен Дианой Рассел (англ. Diana Russel).

Спустя 5 лет издательство «Радуга» выпустило в свет два сборника – «When Questions» («Когда задают вопросы») и «Tower of Birds» («Башня птиц»), которые включают произведения О. Ларионовой, А. и С. Абрамовых, Б. Штерна, В. Ксионжека, А. Якубовского, В. Кантора, М. Пухова, В. Рыбакова, С. Другаля, О. Корабельникова, А. Днепровца, Г. Гора, В. Журавлевой, В. Шефнера, М. Емцова и Е. Парнова, М. Полищук, А. Майер, Ю. Яровой и Т. Свиридова. Информация о критериях выбора авторов и их произведений в антологиях не указана. Из произведений В. Колупаева в первом сборнике были представлены рассказы «Вдохновение» (в переводе «Inspiration») и «Настройщик рояля» (в переводе «The Piano-Tuner»), а во втором – рассказ «Газетный киоск» («The Newsstand»).

В 2010-е гг. вышли только два перевода сочинений Колупаева, выполненные Б. Кунца. В 2012 г. он вновь обратился к повести «“Толстяк” над миром» с целью исправить недочеты в переводе 1985 г., а в 2016 г. перевел рассказ «На асфальте города» (в переводе «Cities on the Asphalt»). В этих переводах наблюдается потеря значимого лирического компонента поэтики фантаста и сюжета погружения в прошлое как личностной деградации.

В английских переводах наблюдается использование различных переводческих стратегий – доместицирующей и форенизирующей. Эти подходы реализуются уже в переводе названий произведений («Какие смешные деревья» – «What Funny Trees!» – «Strange Trees», «“Толстяк” над миром» – «The Bandit Over The World» – «Fat Man Over The World»), номинации персонажей («отец» – «Father» – «Dad» – «Папа», «девочка» – «girl» – «child»), опущении или замене названий советских реалий (например, в рассказе «Газетный киоск»: «Бабуся! – крикнул я. – Пять сегодняшних газет (Красное знамя. – И.М.). Одну местную» [17. С. 334]. “Granny!” I shouted. “Five today’s **Pravdas** and one local paper” («Бабуля! – закричал я. – Пять сегодняшней „Правды“ и одну местную») [14. P. 70].

Живой интерес к наследию В. Колупаева у немецких переводчиков был проявлен в годы существования Советского Союза, а именно в период 1974–1988 гг. Немецкие переводы публиковались в сборниках («Fenster zur Unendlichkeit», «Science Fiction Story Reader 10», «Der Wurfspieß des Odysseus», «Lichtjahr 2», «Der Weg zur Amalthea») и в журналах («Sowjetliteratur»). Современных переводов на немецкий язык нами не было обнаружено. Переводческая рецепция творчества В. Колупаева в Германии началась с перевода рассказа «Волевое усилие» на немецкий язык, опубликованного в 1974 г. в антологии «Fenster zur Unendlichkeit» («Окно в бесконечность»). Перевод «Willenskraft» («Волевое усилие») является важным не только в истории изучения немецкой рецепции, но и рецепции творчества томского фантаста в целом, так как это первый перевод на иностранный язык из прозы В. Колупаева. В антологии представлены шестнадцать произведений советских фантастов (А. Мееров, К. Булычев, А. и Б. Стругацкие, И. Варшавский, В. Григорьев, Д. Биленкин, М. Емцев и Е. Парнов, В. Фирсов, А. Шалимов, Г. Гор, И. Росоховатский, А. Мирер, А. Колпаков, О. Ларионова, В. Бахнов). В предисловии, подготовленном Гербертом Кремпиеном, определяется тема всей антологии – время: «Was ist das überhaupt: Zeit? Was hat es auf sich mit diesem faszinierenden und heimlichen Phänomen?» (Что понимается под временем? Под этим захватывающим и одновременно пугающим феноменом?) [17. S. 5]. Отбор авторов в сборник объясняется желанием показать как известных писателей, так и новых представителей советского мира фантастики: «Unsere Auswahl vereint Schriftsteller mit

bekannten Namen, die in der DDR bereits verlegt wurden, wie etwa der Strugazki, mit jungen, nachgewachsenen Autoren, die hier erstmals vorgestellt werden» (Наша подборка объединяет известных писателей, чьи произведения уже были опубликованы в ГДР, например братья Стругацкие, и молодых авторов, которые представлены здесь для немецких читателей впервые) [18. S. 5].

Спустя три года выходит в свет сборник «Die Schaukel des Eremiten» (Качели Отшельника), подготовленный издательством «Berlin Verlag». В нем отсутствует предисловие, информация об авторе и его произведениях кратко изложена на суперобложке: предоставлены биографические сведения (родился в 1936 г. в Алдане, Якутия, РСФСР; закончил Томский политехнический институт; работает радиоинженером в лаборатории биокибернетики Сибирского физико-технического института), факты о литературном творчестве автора (первое написанное произведение и изданные сборники («Случится же с человеком такое!» (1972) и «Качели отшельника» (1974)). Отмечается, что именно из этих двух сборников были выбраны произведения для немецкоязычного издания: «<...> inzwischen hat er zwei Sammelbände veröffentlicht: „Was einem doch alles passieren kann!“ (1972) und „Die Schaukel des Eremiten“ (1974), aus denen auch die Beiträge dieses Bandes stammen» (К тому же опубликованы сборники его (В. Колупаева. – Н.Н., И.М.) произведений – «Случится же с человеком такое!» (1972) и «Качели отшельника» (1974), на основе которых было сформировано данное издание) [18. S. 260].

Кроме того, составителями сборника дается отсылка к ранее опубликованным произведениям на немецком языке: «Den Lesern in der DDR ist er bereits durch die Erzählung „Willenskraft“ in der Anthologie „Fenster zur Unendlichkeit“ bekannt» (Немецкому читателю В. Колупаев знаком по переводу рассказа «Волевое усилие» в антологии «Окно в бесконечность») [Ibid.]. Наконец, составители обращают внимание на то, как представлен автор в данных произведениях: отмечается лиричность, сказочность и приключенческий характер изображенных в них событий, пронизанных научно-фантастическими идеями. В издании представлены переводы шести рассказов и одной повести В. Колупаева на немецкий язык: «Der Zeitungskiosk» («Газетный киоск»), «Du meine Stadt» («Город мой»), «Das Juwel» («Жемчужина»), «Das allergrösste Haus» («Самый большой дом»), «Wofür hat der Mensch

gelebt?» («Зачем жил человек?»), «September» («Сентябрь»), «Die Schaukel des Eremiten» («Качели отшельника»). Переводы в сборнике выполнены одним переводчиком – Евой Марией Пич. Они довольно точны.

В 1979 г. выходит антология советских фантастических рассказов «Der Weg zur Amalthea» («Путь на Амальтею»), в которой представлены братья Стругацкие, А. Шалимов, Д. Биленкин, В. Журавлева, В. Михайлов, К. Сочинская, А. Балабуча, И. Варшавский, М. Пухов, В. Колупаев и П. Амнуэль. Предисловия от составителей в сборнике нет, на суперобложке располагается аннотация. В ней анонсируется публикация произведений «известных и новых авторов советской фантастики». Выбор авторов не объясняется. Из наследия В. Колупаева в антологии представлен перевод рассказа «Билет в детство» (в переводе «Fahrkarte in die Kindheit»). В дальнейшем сборник был переиздан в 1982 г.

В 1981 г. в Германии было издано два перевода рассказов В. Колупаева: «Какие смешные деревья» и «Июль (=Лагерный сад)». Оба перевода вошли в сборники, посвященные советской фантастике «Lichtjahr 2» («Световой год 2») и «Der Wurfspieß des Odysseus» («Копье Одиссея») соответственно. В заглавии рассказа «Лагерный сад» переводчиком нейтрализуется военная тематика и в результате на первый план выносятся мифологема университетского Томска («Der Studentenpark» – «Студенческий парк» – «Лагерный сад»). Последние немецкие переводы были изданы в 1982 и 1988 г. Рассказ «Разноцветное счастье» (в переводе «Das verschiedenfarbige Glück») опубликован в сборнике «Das elektronische Glück» («Электронная удача»). Предисловие, раскрывающего мотивировку выбора произведений и авторов, в сборнике также не представлено. Второй перевод, опубликованный в немецкоязычном варианте журнала «Sowjetliteratur» («Советская литература»), – «Das siebte Modell» (рассказ «Седьмая модель»).

Среди обнаруженных нами переводов важной находкой оказались переводы французских авторов, которые ранее не были известны исследователям творчества В. Колупаева. Первый перевод «Le Silence» (рассказ «Молчание») был опубликован в журнале «Lettres soviétiques» («Советская литература») в 1982 г. История этой публикации такова: в течение 1981 г. журнал «Lettres Soviétiques» в честь двадцатилетия первого полета человека в космос в каждом номере

публиковал рубрику «A la croisée des chemins stellaires» («На пересечении звездных дорог»), в которой были представлены произведения научной фантастики, посвященные теме «Человек и Космос». После ошеломительного успеха рубрики у читателей редакцией журнала было принято решение издать номер, который бы «завершил экскурсию в мир научной фантастики» [19. Р. 3]. Кроме сочинений В. Колупаева, в этот заключительный номер вошли произведения братьев Стругацких, И. Варшавского, П. Амнуэля, М. Пуховой, С. Ганковского, С. Другаля, К. Булычева, Д. Биленкина и Л. Панасенко. Первый перевод сочинения Колупаева на французский язык, выполненный Т. Хачатурянц (фр. – Т. Khatchatouriants), представляет собой попытку на материале рассказа «Молчание» открыть советскую действительность французским читателям. Однако из-за различных культурных систем советские реалии, используемые в рассказе, вряд ли могут быть поняты при прочтении перевода.

В антологии «Dimension URSS» («Измерение СССР») был опубликован второй перевод на французский язык рассказа «Какие смешные деревья» – через 27 лет после выхода из печати его первой переводческой интерпретации. Издание посвящено советским фантастам, в нем представлены В. Брюсов, А. Беляев, В. Савченко, В. Журавлева, Д. Биленкин, К. Симонян, Р. Подольный, В. Дрозд, К. Булычев, В. Соловьева, В. Покровский, П. Амнуэль и В. Колупаев. Выбор данных авторов обосновывается составителем сборника П. Лайое (фр. Patrice Lajoye): «<...> j'ai orienté mes choix sur les vingt dernières années de l'URSS, celles qui <...> n'avaient quasiment pas été couvertes par les autres anthologies» (...я ориентировался на авторов последних двадцати лет Советского Союза, которые не были представлены в других антологиях) [20. Р. 9]. Что касается выбора произведений, то предпочтения были отданы ранее уже переведенным на французский язык текстам: «Faute de moyens à la fois matériels et temporels, et faute aussi de matière première de qualité, beaucoup des choix ont dû être effectués parmi des textes déjà traduits en français» (Из-за нехватки качественного материала и времени в большинстве случаев выбор пал на произведения, которые уже были переведены на французский язык) [Ibid. Р. 10]. Ранее изданные переводы, к которым относится и перевод рассказа В. Колупаева, подверглись рецензированию. В частности, отмечается, что впервые перевод «Quels drôles d'arbres»

был опубликован в 1984 г. в журнале «Lettres soviétiques», что он выполнен Г. Люстерником (Harald Lusternik). Данный перевод является эквивалентным оригинальному тексту В. Колупаева.

Таким образом, переводческая рецепция творчества В. Колупаева на английском, немецком и французском языках представляет наследие сибирского писателя в широком межкультурном поле и образует базис для исследований.

Литература

1. Заплавный С. Время внутри нас: [из рубр. «Советуем прочесть»] // Красное знамя. 1972. 1 авг. С. 4.
2. Федотов С. Качели фантаста? // Молодой ленинец. 1974. 16 нояб. С. 4.
3. Казанцев А. О сборнике «Ошибка создателя»: [предисл. к кн.] // Колупаев В. Ошибка создателя: фантастические рассказы и повести: [коллективный сборник сибирских фантастов] / В. Колупаев, Д. Константиновский, Г. Прашкевич. Новосибирск, 1975. С. 3–8.
4. Черненко М. [Рецензия] // Сибирские огни. 1978. № 11. С. 189–191.
5. Брандис Е. Горизонты фантастики: [обзор новых научно-фантастических изданий] // Нева. 1979. № 10. С. 171–181.
6. Милов К. Лицом к лицу с грядущим // Сиб. огни. 1981. № 2. С. 190–191.
7. Павлов Г. Сказка и жизнь // Красное знамя. 1982. 16 сент. С. 4.
8. Kuntz W.G. A translation of Victor Kolupaev's "The Bandit over the World" with a critical essay // In Partial Fulfillment of the Requirement for the Degree Master of Arts. August, 1985. 137 p.
9. Виктор Дмитриевич Колупаев: Библиографический указатель / сост. А.В. Яковенко. Томск : Б.и., 2005. 48 с. (Жизнь замечательных томичей. Вып. 2).
10. Никиенко И.В. «Пушкинский текст» в «Сократе Сибирских Афин» В.Д. Колупаева // Сибирский филологический журнал. 2012. № 4. С. 104–113.
11. Никиенко И.В. Вода как онтологическая и гносеологическая среда: особенности художественной адаптации философского концепта «первоначало» в «Сократе Сибирских Афин» В.Д. Колупаева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 1 (21). С. 57–67.
12. Никиенко И.В. Персонализация институционального как дискурсивная стратегия фантаста (на материале поздней прозы В.Д. Колупаева) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. Вып. 10 (151). С. 157–164.
13. A Ticket to Childhood // The air of Mars and other stories of time and space by Mirra Ginsburg. Atheneum; First Edition edition. March 1976. P. 95–106.
14. Kolupaev V. Hermit's Swing. N.Y. : Macmillan Publishing Co., Inc., 1980. 199 p.

15. World's Spring / ed. by Vladimir Gakov. N.Y. : Macmillan Publishing Co., Inc, 1981. 297 p.
16. Колупаев В.Д. Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 : Жизнь как год. Повести, рассказы. М. : Престиж Бук, 2017. 608 с.
17. Fenster zur Unendlichkeit. Berlin : Verlag Das Neue Berlin, 1974. 264 s.
18. Kolupajew V. Die Schaukel des Eremiten. Phantastische Erzählungen. Berlin : Verlag, Das Neue Berlin, 1977. 248 s.
19. Lettres soviétiques. 1982. № 277. 190 p.
20. Lajoie P. Dimension URSS. Pampier : Rivière Blanche, 2009. 295 p.

The Writings of V.D. Kolupaev in Russia and Abroad: Publishing and Research Strategies

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 112–128

DOI: 10.17223/23062061/21/6

Natalya E. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Inna V. Morozova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: miv96@inbox.ru

Keywords: V. Kolupaev, critical reception, translation reception, fiction, Tomsk.

The heritage of Viktor Dmitrievich Kolupaev (1936–2001) includes about fifty short stories (including two cycles), three novels, eight novellas. During the life of the writer in Russia, nine collections of his works were published. In 1976, he was admitted to the Union of Writers of the USSR. In 1988, having released the collection *Vesna Sveta* [Spring of Light], he became the winner of the famous literary prize in the field of science-fiction “Aelita”. Kolupaev’s readers and fans have not lost interest in his works. In 2016, the Tomsk Regional Universal Scientific Library named after A.S. Pushkin found the virtual museum of the writer “Prostranstva i Vremena V. Kolupaeva” [Spaces and Times of V. Kolupaev]. The museum presents his biography, interesting facts about the writer’s works, the historical background as well as current contests and events. In 2017, Kolupaev’s first collected works in three volumes were published by the Moscow publishing house Prestizh Buk. In addition, at the end of September 2018, the IV Annual Non-Stop Reading “Literaturnyy Ekspres Tomsk – Fomsk [Tomsk–Fomsk Literary Express] was successfully held at Tomsk State University. Its participants spent 9 hours reading Kolupaev’s novella *Firmennyy poezd “Fomich”* [Fomich Passenger Corporate Train]. The article presents the critical reception of Kolupaev by his contemporaries. The article discusses the available and most representative critical articles published in 1972–2001: “Vremya Vnutri Nas” [Time is inside us] by S. Zaplavny, “Kacheli Fantasta” [The Swing of the Science-Fiction Writer] by S. Fedotov, the preface to the collection *Oshibka Sozdatelya* [Error of the Creator] by A. Kazantsev, the review of the collection *Bilet v Detstvo* [Ticket to Childhood] by M. Chernenko, *Gorizonty Fantastiki* [Horizons of Fiction] by E. Brandis, the review of the novella “*Tolstyak*” *nad Mirom* [Fat Man Above the World] by K. Milov and *Skazka*

i Zhizn' [Tale and Life] by G. Pavlov. As a result, the authors identified the main features of Kolupaev's short prose. Along with criticism, special attention is paid to the research reception of Kolupaev's works in Russia and abroad. The materials used were works that explicated various research approaches: the master's thesis of B. Kunz, a review of the fantastic parody *Sokrat Sibirskikh Afin* [Socrates of Siberian Athens] by T. Rybalchenko, articles by I.V. Nikienko. The study of the historical background allowed formulating a new research problem that had not previously been studied in the study of Kolupaev's works: the translational reception of Kolupaev's works abroad. As part of the work on the translation reception of Kolupaev's heritage in England, the USA, Germany and France, the authors discovered and added a number of English, German and French translations to the bibliography of the translations presented in the bibliographic index "Viktor Dmitrievich Kolupayev" (2005).

References

1. Zaplavnyy, S. (1972) Vremya vnutri nas [Time inside us]. *Krasnoe znamyia*. 1st August. pp. 4.
2. Fedotov, S. (1974) Kacheli fantasta? [Swing of science fiction?]. *Molodoy leninets*. 16th November. pp. 4.
3. Kazantsev, A.(1075) O sbornike "Oshibka sozdatelya" [About "Creator's Mistake" collection]. In: Kolupaev, V., Konstantinovskiy, D. & Prashkevich, G. *Oshibka sozdatelya* [Creator's Mistake]. Novosibirsk: Zapadno-sibirskoe knizhnoye izdatel'stvo. pp. 3–8.
4. Chernenok, M. (1978) [Retsenziya] [Review]. *Sibirskie ogni*. 11. pp. 189–191.
5. Brandis, E. (1979) Gorizonty fantastiki [Horizons of science fiction]. *Neva*. 10. pp. 171–181.
6. Milov, K. (1981) Litsom k litsu s gryadushchim [Facing the future]. *Sibirskie ogni*. 2. pp. 190–191.
7. Pavlov, G. (1982) Skazka i zhizn' [Tale and Life]. *Krasnoe znamyia*. 16th September. pp. 4.
8. Kuntz, W.G. (1985) *A translation of Victor Kolupaev's "The Bandit over the World" with a critical essay*. In Partial Fulfillment of the Requirement for the Degree of Master of Arts.
9. Yakovenko, A.V. (2005) *Viktor Dmitrievich Kolupaev: Bibliograficheskiy ukazatel* [Victor Dmitrievich Kolupaev: Bibliography]. Tomsk: [s.n.].
10. Nikiyenko, I.V. (2012) "Pushkinskiy tekst" v "Sokrate Sibirskikh Afin" V.D. Kolupaeva [The "Pushkin text" in "Socrates of the Siberian Athens" by V.D. Kolupaev]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 104–113.
11. Nikiyenko, I.V. (2013) Water as ontological and gnoseological environment (peculiarities of artistic adaptation of philosophical concept "first cause" in "Socrates of the Siberian Athens" by V.D. Kolupaev). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univer-*

siteta. *Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1(21). pp. 57–67. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/21/6

12. Nikiyenko, I.V. (2014a) Personalization of institutionality as a fantast's discursive strategy (based on V.D. Kolupayev's later prose). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 10(151). pp. 157–164. (In Russian).

13. Nikiyenko, I.V. (2014b) Discursive synthesis of the Apeiron concept in the novel “Socrates of the Siberian Athens” by Kolupyaev: the Athenian layer. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 4. pp. 229–237. (In Russian).

14. Ginsburg, M. (1976) *The Air of Mars and Other Stories of Time and Space*. Atheneum. March. pp. 95–106.

15. Kolupaev, V. (1980) *Hermit's Swing*. New York: Macmillan Publishing Co., Inc.

16. Gakov, V. (ed.) (1981) *World's Spring*. New York: Macmillan Publishing Co., Inc.

17. Kolupaev, V.D. (2017) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works. In 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Prestizh Buk.

18. Krempien, H. (ed.) (1974) *Fenster zur Unendlichkeit*. Berlin: Das Neue Berlin.

19. Kolupajew, V. (1977) *Die Schaukel des Eremiten*. Phantastische Erzählungen. Berlin: Das Neue Berlin.

20. *Lettres soviétiques*. (1982) 277.

21. Lajoie, P. (2009) *Dimension URSS*. Pampier: Rivière Blanche.

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

УДК 655.59; 070

DOI: 10.17223/23062061/21/7

А.С. Метельков

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ: КОМПЛЕКСНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ ЯВЛЕНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются двойственная природа литературно-художественных журналов и особенности этого вида изданий, согласно которым их можно отнести как к средствам массовой информации, так и к книгам. Внимание уделяется сменявшимся друг друга историческим периодам (переходные периоды и периоды стабильности), в течение которых литературно-художественным журналам были свойственны те или иные черты, и перспективам дальнейшего позиционирования литературно-художественных журналов в изменившемся социокультурном пространстве. Особый акцент делается на определении журнала как представителя книжной культуры и одного из элементов, составляющих понятие «книга».*

Ключевые слова: *литературно-художественный журнал, «толстый» журнал, альманах, книга, книжная культура, СМИ, масс-медиа, электронный журнал, интернет-журнал, интернет.*

Восприятие журналов исторически сложилось в первую очередь как средства массовой информации (СМИ). Место журналов в системе СМИ достаточно изучено и не вызывает особых сомнений. Помимо журналистики журналы являются объектом исследования в культурологии, социологии, литературоведении, текстологии, лингвистике и еще в ряде наук [1. С. 7]. Как разновидность книги (т.е. как объект изучения книговедения) журналы рассматриваются гораздо реже.

В книговедении журнал фигурирует как одна из составляющих понятия «книга» в расширительном толковании этого понятия, предложенном в конце 1970-х гг. И.Е. Баренбаумом. Согласно ему, книга – это произведение письменности или печати, имеющее любую читаемую форму (идеографическую, алфавитную, нотную, цифро-

вую), зафиксированную на любом материале (камень, глина, кожа, папирус, шелк, доска, бумага, синтетические материалы), выполняющее одновременно ряд функций (информационно-коммуникативную, идеологическую, познавательную, эстетическую, этическую и иные) и адресованное реальному или абстрактному читателю [2. С. 11]. Точку зрения И.Е. Баренбаума впоследствии разделяли и многие другие книговеды. Так, Е.Л. Немировский, определяющий книгу с родовидовых позиций, как знаковую систему, замечал, что под определение книги попадают и понятия «журнал», «газета», «документ», поскольку различие между ними скорее количественное, а не качественное [3. С. 42–43].

Уже в 2000-е гг. И.Г. Моргенштерн, рассматривая стабильность текста как одну из сущностных характеристик книги, по-прежнему ссылаясь на определение И.Е. Баренбаума как на наиболее емкое (при этом подвергая сомнению некоторые из элементов дефиниции И.Е. Баренбаума – такие как неотъемлемая зафиксированность и материальная форма) [4. С. 148–149]. Вопрос стабильности хранения информации приобрел особую актуальность с распространением электронной книги. Определяя электронную книгу как синтез традиционной книги и электронного документа, Е.В. Динер причисляет к электронной книге самый широкий спектр информационных объектов, в том числе и электронные журналы [5. С. 20]. Однако, несмотря на связанную с распространением электронной книги актуализацию введения журналов в поле зрения книговедов, журналы по-прежнему остаются на периферии книговедческих исследований, и вопрос о том, можно ли журнал считать одним из элементов, составляющих понятие «книга», до сих пор приходится признавать открытым.

В типологии книги одними из наиболее интересных в отношении включения в нее журнальных изданий представляются созданные в 1970-е гг. работы Д.Ю. Теплова об упорядочении книжного потока. Во-первых, Д.Ю. Теплов также подчеркивает, что разработка типизации изданий остается незавершенной из-за разобщенности книговедческих и журналистских исследований. Во-вторых, по мнению Д.Ю. Теплова, издание традиционно рассматривается как результат редакционного процесса, и при этом не учитывается, что само по себе издание – это тоже некий процесс. Д.Ю. Теплов предлагает взглянуть на издание в диалектическом единстве: как на процесс и на его реализацию, взяв, тем не менее, за основу именно издание как процесс.

При этом снимается ряд противоречий, и в системе книги на равных рассматриваются периодические и непериодические издания. При анализе непериодических изданий в динамике раскрываются содержательные связи между отдельными изданиями: тема или вопрос, затрагиваемые в той или иной книге, получают свое преломление или развитие в будущих книгах. По тем или иным принципам составляются сборники и целые книжные серии – возникают формальные связи между непериодическими изданиями. Возникновение периодической печати становится реакцией на необходимость упрочения таких связей. Д.Ю. Теплов настаивает на делении изданий на регулярные и нерегулярные (иррегулярные) – в отличие от привычного деления на непериодические, периодические и продолжающиеся – и, как следствие, выдвигает в качестве одной из основных задач типизации регуляризацию потока изданий. Таким образом, и книги, и журналы рассматриваются в динамике как механизмы реализации одной и той же функции (целенаправленной последовательной трансляции тех или иных идей), причем именно журналы заточены на ее выполнение в большей степени [6. С. 28–35]. К сожалению, идеи Д.Ю. Теплова в дальнейшем не получили должного развития, и журналы сохранили свое промежуточное положение между книгой и СМИ (с уклоном в сторону СМИ).

В наибольшей степени амбивалентность журнальной природы проявляется в таком характерном для русской литературоцентричной культуры типе журнала, как литературно-художественный журнал («толстый» журнал). То, что литературно-художественный журнал является феноменом отечественной культуры, неоднократно подчеркивалось самыми разными специалистами: В.Я. Лакшин говорил о нем как о части национального культурного достояния, залоге сохранения интеллектуального потенциала общества, явлении, не имеющем аналогов в мире [7. С. 106]; П.Л. Вайль и А.А. Генис называли журнал особым видом литературного салона и даже особой партией [8. С. 64]. Литературно-художественный журнал выступает в роли индикатора состояния книжной культуры, не только фиксируя и отражая происходящие с ней процессы, но и во многом предвосхищая их.

В типологии СМИ литературно-художественный журнал является особым, вполне сформировавшимся типом издания (основными типформирующими факторами признаются характер аудитории, целе-

вое назначение издания и характер передаваемой информации) [9. С. 10–12]. Существуют специальные работы, в которых литературно-художественный журнал изучается с позиций журналистики [10]. При этом упускается из виду сущность литературно-художественного журнала как знакового явления книжной культуры.

Еще в XIX в. Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко обращали внимание на концептуальную выстроенность русского литературно-художественного журнала, вызывающую у читательской аудитории дополнительные смысловые аллюзии и эмоциональные переживания, связанные с тем, что отдельные журнальные материалы (должным образом организованные) не только перекликаются между собой, но и резонируют с актуальной проблематикой внешней среды [11. С. 65–66].

В 1920-е гг. ученые, представлявшие формальный метод в литературоведении, опубликовали ряд статей, в которых предприняли попытки по-новому раскрыть суть литературно-художественных журналов с учетом качественного взаимодействия опубликованных в них материалов. Ю.Н. Тынянов замечал, что если еще недавно проза в сфере читательских интересов выигрывала у поэзии, то читатель нового поколения (скорее – воображаемый читатель) оставляет в стороне и прозу и непосредственно идет к хронике, рецензии, полемике [12. С. 168]. Разрешение сложившейся ситуации Ю.Н. Тынянов и Б.М. Эйхенбаум видели в синтезе публицистики и художественной литературы, в возникновении художественной критики.

Подобные рассуждения возникли не на пустом месте. Широко известны слова Ю.Н. Тынянова из другой его статьи, также написанной в середине 1920-х гг.: «Сейчас “журнал”, “альманах”, “сборник” – все равно; они различны только по направлениям и по ценам. (И по материалу.) Но ведь это не все – самая конструкция журнала ведь имеет свое значение; ведь весь журнальный материал может быть хорош, а сам журнал как таковой плох. А ведь то, что делает журнал нужным, – это его литературная нужность, заинтересованность читателя журналом как журналом, как литературным произведением особого рода» [13. С. 147–148].

В переходные периоды (т.е. в периоды неустойчивого состояния качественной неопределенности общества, возникающего в момент скачка от старого качества к новому [14. С. 16]), к которым в интересующем нас временном интервале можно отнести (отчасти) первую

треть XIX в. и (в полной мере) первую треть и конец XX в., грань между журналами, альманахами и сборниками действительно начинает стираться. Периодичность выпуска изданий становится менее стабильной, и многие журналы переходят в разряд альманахов. В то же время издание альманаха считается формально более простым, чем издание журнала (оно в меньшей степени зависит от сроков выхода и постоянного штата редакции), к альманахам часто предъявлялись не столь строгие цензурные требования [15. С. 318–326]. Но и журналы, не сменившие свой статус, в такие периоды резко меняют соотношение публикуемых в них материалов, приближая его к традиционному наполнению книги: доля критических материалов, очерков, эссеистики резко сокращается.

Это связано с рядом факторов. Во-первых, оперативность журналов оказывается недостаточной для освещения быстро текущих событий. На первый план выходят газеты, а литературно-художественные журналы начинают выполнять функцию своеобразного «заповедника» для сохранения художественной литературы, теряющей своего читателя в гонке за актуальностью. Во-вторых, вместе со сменой внешних обстоятельств возникает и необходимость в новом языке для их описания, который также начинает формироваться в художественных текстах на журнальных страницах. Публицистика и критика самого широкого спектра выходят в журналах на первый план в периоды застоя – в том числе и потому, что адекватный язык для описания окружающей действительности уже найден и может использоваться в прикладных целях.

Формалисты в 1920-е гг., достаточно дальновидно прогнозируя развитие событий, говорили не только о необходимости новой – художественной – критики, но и об общем перестраивании языка художественной литературы в соответствии с новыми принципами, одним из которых могла стать ориентация на «журнальность». В.Б. Шкловский, ссылаясь на Ч. Диккенса, в 1924 г. рассуждал о перспективах возникновения произведений литературы, фактически основанных на гипертексте (наиболее подходящей формой для реализации таких произведений тогда казалась именно форма журнала). Практически любая книга (например, сборник стихов, прозы или эссеистики) меняет свой посыл в зависимости от компоновки составляющих ее текстов, а в журнале эта особенность предельно обострена. С такой точ-

ки зрения объясним и даже предсказуем интерес многих прозаиков к форме моножурнала (в наибольшей степени этот тип журнала воплотился, вероятно, в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского – продуманном, выстроенном, кумулятивном литературном тексте [16]). Свой вариант моножурнала продемонстрировал Б.М. Эйхенбаум, выпустивший в 1929 г. книгу «Мой современник», имевшую журнальную структуру [17. С. 133–134].

Прием составления книги с использованием различных стилей и жанров, а также инородных текстовых элементов В.Б. Шкловский определяет как прием журнала. Формалисты воспринимали литературно-художественный журнал именно как книгу особого литературного жанра, считая, что чистая политическая (или шире – публицистическая) доминанта не идет журналам на пользу. По В.Б. Шкловскому, современный журнал «должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи», для чего следует максимально использовать изобразительные и оформительские средства [18. С. 223–226]. Пытаясь в собственном творчестве «уйти из рамок обыкновенного романа», В.Б. Шкловский опирался на журнальный принцип организации содержания и на каноны «фрагментарного» романа, заложенные В.В. Розановым. Любопытно, что уже в 2000-е гг. творчество В.В. Розанова стало считаться одним из главных ориентиров для новой литературы, начавшей формироваться в интернет-пространстве (сперва на страницах «Живого журнала», а затем – в социальных сетях) [19. С. 248–251].

С точки зрения формалистов журнал, поскольку он целенаправленно учитывает не только текст, но и контекст, можно считать передовой формой книги, которая (уже при взгляде из современности) предвосхищает, во-первых, литературные эксперименты, построенные на комбинировании различных текстов, и, во-вторых, изменения самой книги, связанные с модернизацией технологий передачи и распространения информации (фрагментарность, гипертекст, интерактивность, мобильность, оперативность). Формалисты ожидали, что результатом переходного периода может стать рождение новой литературной формы, нового литературного жанра на основе литературно-художественного журнала.

Однако если в XIX в. «эпоха альманахов» естественным образом сменилась «эпохой журналов», то и в первой половине XX в., и в его

конце события стали развиваться по другому сценарию. Действительно, к 1930-м гг. в советской журналистике утвердился (как и прогнозировали формалисты) жанр художественной публицистики, но будучи загнанным в рамки социалистического реализма, этот жанр быстро исчерпал себя, превратившись едва ли не в самопародию. Так, в Новосибирске авангардный журнал «Настоящее» (с девизом: «отражать <...> те факты, которые надо отражать, как нападение врага» [20. С. 1]) в конце 1920-х гг. уступил в противостоянии с журналом «Сибирские огни», вставшим на более традиционные рельсы [21. С. 154–162].

Тем не менее на протяжении почти всего советского периода публицистика, как это свойственно «толстым» журналам в периоды стабильности (оборачивающейся, как правило, стагнацией), находилась в них на ведущих ролях. Журналы вновь стали зеркалом общественной жизни и трибуной мнений, хотя полемика на их страницах зачастую носила фиктивный характер. К концу 1980-х гг. литературно-художественные журналы достигли своего расцвета в качестве одного из наиболее влиятельных СМИ [22. С. 193], что можно объяснить сочетанием ряда факторов – как появлением большого количества публикаций «возвращенной литературы» (и связанного с этим импульса, полученного критикой и литературоведением), так и тем, что журналы вышли на пик своей публицистической активности со статьями на злободневные – политические, экономические, социальные, исторические, культурологические, религиозные – темы.

Во время кризиса, в котором оказалась журнальная культура в 1990-е гг. (катастрофическое падение тиражей, нерегулярность выхода номеров), «толстые» журналы вновь взяли на себя роль хранителей литературной традиции (в том числе и «неподцензурных») ее течений), значительно уменьшив долю публицистических, критических и литературоведческих материалов и вновь приблизившись к таким видам изданий, как альманахи, сборники, антологии и даже книжные серии. В качестве ведущих СМИ заявили о себе газеты, средства теле- и радиовещания, а затем и интернет. Литературно-художественные журналы в этот период вновь проявили свои ключевые черты представителей книжной культуры: они стали «ковчегом» для «высокой» литературы, утратившей своего читателя, полем для формирования новой литературы (немаловажно, что «толстые» журналы представляют собой не только экспертное сообщество, но и институт редакци-

рования) и, наконец, – индикатором состояния книжной культуры (своим расцветом эпохи перестройки предвосхитив книгоиздательский бум начала 1990-х гг., а своим кризисом начала 1990-х гг. обозначив скорое наступление кризиса всего традиционного книгоиздания).

Если в советский период литературно-художественным журналам удалось надеть на себя «маску» «властителей дум», которыми они являлись в XIX в., (а иногда и действительно становиться таковыми), то в постсоветский период, когда ситуация стабилизировалась, публицистическим жанрам не удалось вновь закрепиться в журналах на ведущих ролях. Это связано с кардинальным изменением жизненных реалий, в частности с появлением и тотальным распространением широкополосного, а вскоре – и мобильного интернета. Следствием стало то, что сегодня литературно-художественные журналы, на протяжении своей истории совмещавшие в себе характерные свойства СМИ и книги (с преобладанием тех или иных свойств в тот или иной период), естественным образом разделились на два типа. «Топовые» интернет-журналы, существующие в средоточии информационных потоков (например, «Горький» или «Полка»), отдают предпочтение публицистическим текстам (что в целом находится в соответствии с тем, что жанр нон-фикшн стал одним из наиболее популярных). Естественным образом большинство литературных жанров, связанных с оперативным реагированием и аналитикой, перебралось в интернет. В пределе, они вновь приобрели форму моножурналов – в виде авторских блогов (на стыке художественности и документальности, о чем говорили еще формалисты), из которых, как из элементов конструктора, современный читатель (а каждый читатель в новых условиях одновременно становится и писателем) может собрать свой собственный, максимально интерактивный, интересный именно ему журнал. В то же время есть и альтернативная тенденция: такие издания, как «Митин журнал», «Воздух», «Носорог» или «Речпорт», рассчитаны на «медленное» чтение, и каждый из номеров этих журналов приближается по форме к самостоятельной книге. Хотя их число мало по сравнению с журналами первого типа, именно они формируют литературу не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня.

В то же самое время классические «толстые» журналы («Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и др.) до сих пор нахо-

дятся «на перепутье», пытаясь занять некую «срединную» позицию, не примыкая ни к «истеблишменту» (т.е. практически не пользуясь технологиями современного маркетинга и менеджмента), ни к «андеграунду» (то есть всячески подчеркивая собственную значимость для русской культуры). Бесперспективность подобной позиции косвенно подтвердила приостановка работы в октябре 2018 г. портала «Журнальный зал» – одного из важнейших литературных сайтов русскоязычного интернета [23].

В завершение следует еще раз вернуться к определению «книжной» ипостаси литературно-художественного журнала. В.Б. Шкловский говорил о том, что журналы в своей совокупности представляют для читателя целую библиотеку. Действительно, если взять некое обширное собрание текстов (библиотеку), то поделить его на структурные единицы можно по-разному. Такое деление может быть традиционным – на книги в общепринятом понимании (каждая из которых будет включать один или несколько художественных текстов одного или – реже – нескольких авторов), а может быть делением на журналы, каждый из которых особым образом скомпонован из различных художественных или публицистических текстов. Таким образом, можно на равных основаниях разбить библиотеку как на элементы-книги, так и на элементы-журналы. Но биение на журналы устроено более сложно, так как в этом случае появляются дополнительные связи между элементами, а совокупность номеров одного журнала также представляет собой особого рода свертхтекст. В целом же и журнал, и книга оказываются при этом явлениями одного порядка, и журнал (с определенной долей абстракции) можно охарактеризовать как сложносоставную книгу.

Конечно, такая модель является идеализированной: в реальности многие тексты сразу выходят в виде книг, а многие – остаются лишь в виде журнальных публикаций. В этом смысле можно говорить о двух возможных реальных библиотеках: «книжная» библиотека, вероятно, в большей степени будет ориентирована на массовую литературу, а «журнальная» – на элитарную. При этом особый интерес представляло бы поле, в котором эти две библиотеки имеют пересечения, т.е. поле текстов, легитимизированных и литературным сообществом, и книжным бизнесом.

Гипотетическая библиотека, составленная из журнальных публикаций также представляла бы собой особенное явление книжной культуры: тексты в журналах дублируются достаточно редко (в отличие от книг, где в ходу переиздания и включения текстов в различные сборники), поэтому такая библиотека являлась бы срезом актуальных состояний, в которых находилась художественная литература в тот или иной момент времени, а также показывала бы спектр возможных (осуществленных или нет) вариантов развития литературной традиции. Все это подтверждает выдвинутые ранее положения о литературно-художественном журнале как особой сложносоставной форме книги и о его роли в пространстве сохранения и формирования литературной традиции и индикатора состояния и возможного развития книжной культуры.

На протяжении почти трех столетий своего существования отечественный литературно-художественный журнал имел дуалистическую природу, являясь одновременно и книгой, и СМИ, но именно сегодня эта дуалистичность может быть преодолена: журналы либо становятся полноценными СМИ (встраиваясь в современное коммуникационное поле), либо приходят (а по сути – возвращаются) к формату книги. В этом случае журнал, как самостоятельная форма книги, с одной стороны, сохраняет свои особенные специфические черты, с другой – более точно позиционирует себя именно в поле книжной культуры.

Литература

1. Казарин Ю.В. Журнальный метатекст как объект текстоведения : учеб. пособие. Екатеринбург, 2016. 116 с.
2. Баренбаум И.Е. К вопросу об универсальном определении понятия «книга» // Книга: Исследования и материалы. М., 1977. Сб. 34. С. 5–13.
3. Немировский Е.Л. К вопросу об определении книги как знаковой системы // История книги: Теоретические и методологические основы. М., 1977. С. 34–43.
4. Моргенштерн И.Г. Динамика и статика книги (Стабильность содержания как атрибут книги) // Книга: Исследования и материалы. М., 2002. Сб. 80. С. 147–160.
5. Динер Е.В. Опыт классификации объектов, входящих в систему электронной книги // Библиосфера. 2016. № 1. С. 19–25.
6. Теплов Д.Ю. Типизация непериодических изданий // Актуальные проблемы книговедения : сб. науч. тр. М., 1976. С. 27–39.

7. Лакшин В.Я. Феномен «толстого» журнала в России как явление национальной культуры // Берега культуры : сб. ст. / сост. С.Н. Лакшина. М., 1994. С. 104–111.

8. Вайль П.Л., Генис А.А. Родная речь: уроки изящной словесности. М., 1991. 189 с.

9. Типология периодической печати: Проблемы и тенденции развития типологической структуры современной периодики : учеб. пособие / М.В. Шкондин, Е.П. Прохоров, А.Г. Бочаров, Л.Л. Реснянская; под ред. Я.Н. Засурского; МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики. М., 1995. 144 с.

10. Головин Ю.А. Российские литературно-художественные журналы в системе культурной политики: содействие, компромисс, противостояние : дис. ... д-ра культурологии. М., 2010. 327 с.

11. Шильникова О.Г. Литературно-художественный журнал как «большая литературная форма»: теоретико-прагматическая концепция русских формалистов // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. 2011. Вып. 10. С. 65–72.

12. Тынянов Ю.Н. Промежуток // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 168–195.

13. Тынянов Ю.Н. Журнал, критик, читатель и писатель // Ю.Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 147–149.

14. Зубкевич Л.А. Переходные периоды как часть закономерного исторического процесса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 28 с.

15. Балашова Ю.Б. Эволюция и поэтика российского литературного альманаха как типа издания : дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2000. 438 с.

16. Поэзия и правда Игоря Волгина // Фонд «Либеральная миссия» (16.12.2014). URL: <http://www.liberal.ru/articles/6631> (дата обращения: 05.12.2018).

17. Разумова А. Путь формалистов к художественной прозе // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 132–148.

18. Шкловский В.Б. Журнал как литературная форма // Гамбургский счет. СПб., 2000. С. 223–227.

19. Голубкова А. Василий Розанов как первый русский блогер // Волга. 2016. № 9–10. С. 248–251.

20. Наше направление // Настоящее. 1928. № 1. С. 1.

21. Посадков А.Л. Книжное дело Сибири: уроки двадцатых // Сибирские огни. 1989. № 10. С. 154–162.

22. Лизунова И.В. Средства массовой информации Сибири и Дальнего Востока в российском медиапространстве (90-е гг. XX – первое десятилетие XXI в.). Новосибирск, 2012. 310 с.

23. Шенкман Я. Литературная заморозка // Новая газета. 2018. 5 октября.

Literary and Art Magazines: A Holistic View on the Nature of the Phenomenon

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 129–142

DOI: 10.17223/23062061/21/7

Anton S. Metelkov, State Public Scientific-Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mantoon@ngs.ru

Keywords: literary and art magazine, thick journal, almanac book, book culture, media, mass media, e-magazine, Internet magazine, Internet.

The article attempts to combine the view of the literary and art magazine (thick magazine) as a book and as a type of mass media. The article deals with book-based approaches to magazines as books. The magazine, as an object of study of journalism, is given less attention in the article. The main emphasis is made on the fact that, in different historical periods, literary and art magazines are characterized by the features of either books or media. This phenomenon, like the perception of magazines as books in general, has not been studied sufficiently. Literary critics of the formal school spoke about the thick magazine as a book in the 1920s. Taking into account their works, the scheme of “fluctuations” of essential characteristics of the literary and art magazine is made. During the transition periods (the first third of the 19th century, the first third of the 20th century, the end of the 20th century), magazines approach books in their essence. Magazines do not have time to respond quickly to changes in the situation (newspapers perform this function), the number of journalistic works in them decreases, and magazines begin to play the role of an “ark” to preserve the literary tradition and, at the same time, a platform for the formation of a new literary language suitable for the description of new realities of life. During the periods of stability, when a new literary language is formed, with its help, journalism again comes to the fore in thick magazines, and magazines become a public tribune. This did not happen at the end of the latest of these transition periods: the texts of journalistic genres moved to the Internet pages, which turned out to be a more suitable platform for journalism in the new communication space. Personal blogs became analogues of mono-magazines and actually monopolized this genre. As a result, literary and art magazines, whose dualistic nature (book and media) had always been their hallmark, were divided into two types: e-magazines, close to the media, and paper magazines, close to the traditional book. At the same time, traditional thick magazines, which have not decided on one of the proposed ways of development and have not formed their actual strategy in the new conditions, are in a “suspended” state, having dropped out of the media clip and losing their role as books. In conclusion, the article presents the main characteristics of the literary and art magazine as a kind of book: a complex structure and a special selection of texts, which together represent the current state of the elite literature of today and tomorrow; the function of the magazine as an indicator of the state of book culture as a whole.

References

1. Kazarin, Yu.V. (2016) *Zhurnal'nyy metatekst kak ob'ekt tekstovedeniya* [Journal metatext as an object of text studies]. Ekaterinburg: Ural Federal University.
2. Barenbaum, I.E. (1977) K voprosu ob universal'nom opredelenii ponyatiya "kniga" [On the universal definition of the concept "book"]. *Kniga: Issledovaniya i materialy*. 34. pp. 5–13.
3. Nemirovsky, E.L. (1977) K voprosu ob opredelenii knigi kak znakovoy sistemy [On the definition of the book as a sign system]. In: Abdullin, R.G. (ed.) *Istoriya knigi: Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy* [History of the Book: Theoretical and Methodological Foundations]. Moscow: GBL. pp. 34–43.
4. Morgenstern, I.G. (2002) Dinamika i statika knigi (Stabil'nost' soderzhaniya kak atribut knigi) [The dynamics and statics of the book (Content stability as an attribute of the book)]. *Kniga: Issledovaniya i materialy*. 80. pp. 147–160.
5. Diner, E.V. (2016) Opyt klassifikatsii ob'ektov, vkhodyashchikh v sistemu elektronnoy knigi [Classifying objects within the electronic book system]. *Bibliosfera – Bibliosphere*. 1. pp. 19–25.
6. Teplov, D.Yu. (1976) Tipizatsiya neperiodicheskikh izdaniy [Typification of non-periodical publications]. In: Abdullin, R.G. (ed.) *Aktual'nye problemy knigovedeniya* [Topical Problems of Book Studies]. Moscow: GBL. pp. 27–39.
7. Lakshin, V.Ya. (1994) *Berega kul'tury* [Coast of Culture]. Moscow: Miroslav. pp. 104–111.
8. Weil, P.L. & Genis, A.A. (1991) *Rodnaya rech': uroki izyashchnoy slovesnosti* [Native speech: Lessons of Belles-lettres]. Moscow: KoLibri.
9. Shkondin, M.V., Prokhorov, E.P., Bocharov, A.G. & Resnyanskaya, L.L. (1995) *Tipologiya periodicheskoy pechati: Problemy i tendentsii razvitiya tipologicheskoy struktury sovremennoy periodiki* [Typology of periodicals: Problems and development trends of the typological structure of modern periodicals]. Moscow: Moscow State University.
10. Golovin, Yu.A. (2010) *Rossiyskie literaturno-khudozhestvennyye zhurnaly v sisteme kul'turnoy politiki: sodeystvie, kompromiss, protivostoyanie* [Russian literary and artistic magazines in the system of cultural policy: assistance, compromise, confrontation]. Culture Studies Dr. Diss. Moscow.
11. Shilnikova, O.G. (2011) Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal kak "bol'shaya literaturnaya forma": teoretiko-pragmaticheskaya kontseptsiya russkikh formalistov [Literary and artistic magazine as a "large literary form": theoretical and pragmatic concept of Russian formalists]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika – Science Journal of VolSU. Literary Criticism. Journalism*. 10. pp. 65–72.
12. Tynyanov, Yu.N. (1977a) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 168–195.
13. Tynyanov, Yu.N. (1977b) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow: Nauka. pp. 147–149.

14. Zubkevich, L.A. (2005) *Perekhodnye periody kak chast' zakonomernogo istoricheskogo protsessa* [Transitional periods as part of a logical historical process]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhniy Novgorod.
15. Balashova, Yu.B. (2000) *Evolyutsiya i poetika rossiyskogo literaturnogo al'manakha kak tipa izdaniya* [The evolution and poetics of the Russian literary almanac as a type of edition]. Philology Dr. Diss. St. Petersburg.
16. Liberal.ru. (n.d.) *Poeziya i pravda Igorya Volgina* [The poetry and truth of Igor Volgin]. [Online] Available from: <http://www.liberal.ru/articles/6631> (Accessed: 5th December 2018)
17. Razumova, A. (2004) Put' formalistov k khudozhestvennoy proze [The path of formalists to fiction]. *Voprosy literatury*. 3. pp. 132–148.
18. Shklovsky, V.B. (2000) *Gamburgskiy schet* [Hamburg Reckoning]. St. Petersburg: [s.n.], pp. 223–227.
19. Golubkova, A. (2016) Vasilij Rozanov kak pervyy russskiy bloger [Vasily Rozanov as the first Russian blogger]. *Volga*. 9–10. pp. 248–251.
20. Anon. (1928) Nashe napravlen'ye [Our direction]. *Nastoyashchee*. 1. pp. 1.
21. Posadskov, A.L. (1989) Knizhnoe delo Sibiri: uroki dvadtsatykh [Siberian book publishing: Lessons from the twenties]. *Sibirskie ogni*. 10. pp. 154–162.
22. Lizunova, I.V. (2012) *Sredstva massovoy informatsii Sibiri i Dal'nego Vostoka v rossiyskom mediaprostranstve (90-e gg. XX – pervoe desyatiletie XXI v.)* [The Siberian and Far East mass media in the Russian media space (the 1990s – first decade of the 21st century)]. Novosibirsk: SB RAS.
23. Shenkman, Ya. (2018) Literaturnaya zamorozka [Literary freezing]. *Novaya gazeta*. 5th October.

Э.К. Лавошникова

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ: АНТРОПОНИМЫ И ТЕКСТОВЫЙ РЕДАКТОР MS WORD

***Аннотация.** Рассматриваются особенности правописания и компьютерной проверки и коррекции личных имен собственных для текстов, написанных на русском языке. Тестируется с выявлением слабых мест работа наиболее актуального на данный момент автокорректора (spellera), встроенного в текстовый редактор Microsoft Word (версии 2016–2018 гг.). Приводятся многочисленные примеры пропуска spellером ошибок в результате включения в системные словари текстового редактора Word некоторых имен (в том числе уменьшительных) при несовершенном синтаксическом контроле. Предлагаются меры, которые должны способствовать более эффективной работе компьютерных систем проверки правописания.*

Ключевые слова: Microsoft Word, имена собственные, spellер, компьютерная проверка правописания, грамматическая омонимия.

Введение. Рассматривается проблематика компьютерной проверки словосочетаний и фраз на русском языке, включающих антропонимы. Автор тестирует на многочисленных примерах работу с личными именами наиболее актуального автокорректора (spellera), встроенного в текстовый редактор Microsoft Word (версии 2016–2018 гг.). Эта компьютерная система постепенно пополнялась списками имен собственных с их парадигмами*. В результате многие не только полные (паспортные) имена, отчества и фамилии, но даже *гипокористические* (уменьшительные) имена, а также многие иностранные имена собственные, набранные кириллицей, в последних версиях Word'a при проверке правописания стали пропускаться без замечаний, т.е. без подчеркивания в качестве не опознанных системой слов.

В последнее время наметились две противоположные тенденции в употреблении прописных (заглавных) букв. Первая тенденция (более

---

* К примеру, несколько лет назад в системных Word'овских словарях имен собственных не было имени *Виссарион* и даже отчества *Виссарионович*.

ранныя) – излишнее их использование в деловых документах. Вторая тенденция – отказ пользователей интернета, тексты которых являются материалом для наших исследований, от употребления прописных букв не только при наборе имен собственных, но иногда и в начале фразы, а также небрежное отношение к употреблению знаков препинания. Очевидные причины – нежелание пользоваться клавишей Shift (экономия времени и усилий) или просто мода. О том, как реагирует на такого рода отклонения от норм русского литературного языка (в частности, на написание имен собственных со строчной буквы) текстовый редактор MS Word, в представленной статье будет продемонстрировано на многочисленных примерах фраз с ошибками. Приводятся примеры пропуска спеллером и других разновидностей ошибок и опечаток.

Во многих случаях причиной отсутствия реакции спеллера на фразы с написанием личных имен без заглавной буквы является *грамматическая омонимия*. Далее будут показаны разные формы нарицательных существительных и даже формы глаголов, совпадающие с ошибочным написанием личных имен со строчной буквы, особенно гипокористических.

Последние издания (начиная с четвертого) Грамматического словаря А.А. Зализняка дополнены приложением «Имена собственные». Мы будем ссылаться на шестое издание словаря (около 110 тыс. слов) [1], в котором это приложение содержит информацию о словоизменении более 8 тысяч имен собственных. Во всех изданиях Грамматического словаря Зализняка словарные статьи расположены в инверсионном (обратном) алфавитном порядке* (последнее слово основной части словаря – *несовершеннолетняя*). Каждое слово снабжено формализованной пометой, отсылающей к грамматическим таблицам.

Следует отметить, что словарь Зализняка (далее – ГрС) входит в список четырех словарей, грамматик и справочников, рекомендованных в 2009 г. Межведомственной комиссией по русскому языку. Кроме того, его первое издание (1977 г.) было взято за основу при разра-

---

* Например, все глаголы на «-ть» в словаре А.А. Зализняка собраны вместе (это предоставляет разные возможности для лингвистов-исследователей), хотя и перемежаются некоторыми вкраплениями: *пять, кровать* и т.п.

ботке одного из первых русских спеллеров «Орфо», «преемником» которого можно назвать текстовый редактор Microsoft Word.

Имена собственные включены далеко не в каждый орфографический словарь, но мы будем наши примеры сверять также и с довольно объемным (около 200 000 слов) 4-м изданием Русского орфографического словаря [2] (далее – РОС). Это издание имеет приложение «Список личных имен». Цитируем сноску: «В список включены в основном русские имена, наиболее распространенные в быту и встречающиеся в художественной литературе или имеющие орфографические трудности» [2. С. 873]. В приложении отдельно даны полные (паспортные) мужские имена с образуемыми от них отчествами и женские имена.

Кроме того, будем сверяться со «Словарем русских личных имен» Н.А. Петровского [3]* (далее – РЛИ), содержащим не только полные личные имена и отчества, но и обширный список производных гипокористических (уменьшительных) имен.

Красной волнистой линией при проверке правописания спеллер текстового редактора MS Word в режиме реального времени подчеркивает отдельные слова (иногда части слов при дефисном написании), отсутствующие в его системных словарях, чтобы пользователь проверил, нет ли в них ошибки или опечатки. Программа-подсказка Корректор после удаления, вставок, замен и перестановок некоторых букв в подчеркнутом слове ищет во внутренних системных словарях полученные «похожие» слова. Если находит, то выдает пользователю найденные словоформы (в последних версиях Word'a не более трех) как возможные варианты исправления неопознанного слова.

Примеры слов, подчеркиваемые системой **красным**, мы в настоящей статье будем тоже **подчеркивать**.

Синие линии в версиях Word 2016 с его модификациями 2018 г. (в версиях до Word 2013, базирующихся на основе «Орфо», – зеленые линии) отмечают предположительные погрешности синтаксического

---

* В словаре РЛИ много низкочастотных имен: например, в нем присутствует имя Вечеслав, которое снабжено пояснением «Стар. форма имени Вячеслав». Система Word написание Вечеслав подчеркивает красным, поскольку в ГрС (и в РОС) этого имени нет. Но такое написание с большей вероятностью может появиться в результате ошибки.

характера – пунктуационные ошибки или несогласованность словоформ в словосочетаниях. Качество проверки синтаксиса и стилистики автокорректором MS Word, к сожалению, оставляет желать лучшего, что мы увидим далее и что на многочисленных примерах показано, например, в статье [4].

Личные имена из словаря РЛИ и работа системы MS Word.

В наше время некоторые вполне взрослые соотечественники стали представляться в СМИ не только полными именами без отчества, паспортными или взятыми в качестве псевдонимов, но и гипокористическими именами, иногда даже без фамилии. Пример: певица *Нюша* (Анна Шурочкина).

В Word'овском системном словаре имен собственных содержится большое количество «неполных» имен. Система требует их написания только *с прописной буквы*. Примеры: *Алексаишка, Алька, Гарик, Катюшка, Левушка* и *Левушка, Луша, Марусенька, Микитка, Петруха, Санька, Стасик, Степаишка, Тимоша, Шурочка*. Включены имеющиеся в приложении к ГрС имена героев повести Аркадия Гайдара *Чук* (в РЛИ отсутствует) и *Гек* (РЛИ: «от имени *Герасим*»). Можно привести примеры пропуска опечаток из-за внесения во внутренний (системный) словарь некоторых гипокористических имен. Если пропущена буква «и» в полных именах *Ксения* или *Лилия*, то спеллер этого не заметит.

Приведем примеры фраз с опечатками, которые Word не отмечает. *Левушка-красавица вышла замуж. Луша в квартире нет.* Литеры Л и Д схожи между собой и расположены рядом на клавиатуре. *Гек тор был известной личностью.* В этой фразе – «незапланированный» пробел в имени *Гектор* (РЛИ: «заимств»). *Чуки и носки на этой фабрике не изготавливают. Луше мы остановимся на других вопросах.* В последних двух фразах – пропуск буквы.

Просторечные *звательные* формы *Ань, Зин, Кать, Люсь* система может воспринимать как родительный падеж мн. числа (ср.: «нет никаких Вовок», «у всех Зоек и Людок», «двое Витек», но *Витек* подчеркивается). Система пропускает без замечаний явно звательные *Володь, Вовк* (вероятно, последнее воспринимается ею как фамилия), а звательные формы *Ваньк, Зойк, Людк* подчеркиваются красным. Нам представляется, что множественное число личных имен целесообразно было бы исключить из системного словаря, поскольку в текстах такие формы встречаются редко.

Иногда спеллер системы MS Word не замечает ошибочного написания имен *со строчной буквы*. Во многих случаях причиной отсутствия реакции (подчеркивания) со стороны текстового редактора является *грамматическая омонимия*.

Примерами омоформ *в именительном падеже* могут служить не только нарицательные *вера, надежда, любовь*, но и *аська* (в ГрС отсутствует; РОС: «сниж»), *вика, виктория, воля, гай* (имя *Гай* есть в РЛИ), *гала* (как отдельное слово в ГрС и РОС не включено), *галка, галька, гелий* (*Гелий* – имя во всех трех словарях), *гора, горка* (*Горка* в РЛИ – от *Егор, Георгий, Игорь* и др.), *горушка, груша, гулька, гуля* ('голубь'), *дина, домна, карп, катюша, кирка, кузька* ('жук'), *лавр, лада, лев, лилия, липа, лука* ('изгиб'), *люба* (существительное в ГрС и РОС), *любушка, лялька, маечка, майка, майя, максим* ('пулемет'), *милка, матрешка* и *матрешка* (РЛИ: *Матрешка*), *мишка, муза, мура, натошка, нора* (РЛИ: *Нора* от заимств. *Элеонора*), *норка, олимпиада**, *павлин, параша, паша, петрушка, рада, роза, роман, сема* (но не *сема*), *сережка* (*сережка*), *слава, славка* ('птица'), *соня, софа, тата* (включено в ГрС, но отсутствует в РОС), *татка* (РОС; ГрС: «женск. к *тат*»), *тема* (ср. *Тема*; но *тема* подчеркивается), *тина, тоня* ('улов'), *феня, филя* (есть в ГрС, но отсутствует в РОС), *фомка, юра* (РОС; ГрС: 'юрский период' или 'косяк рыбы'), *эмка* ('автомобиль').

Приведем примеры фраз с ненормативным написанием имен, омонимичных нарицательным в именительном падеже (из перечисленных выше), *со строчной* буквы. *Наш любимый сережка* приехал. *Умный тема* промолчал. Спеллер не замечает, что нарицательные существительные в этих фразах – женского рода. Однако при совпадениях рода и одушев-

---

* Word подчеркивает красным слово *Параолимпиада* (РОС: «офици.») и предлагает в своей «подсказке» разделение пробелом или, как и другой вариант этого слова в РОС, написание *Паралимпиада* без буквы «о». Цитата из статьи В.В. Лопатина: «Год назад <в 2011 г. – Э.Л.> в принятом Госдумой законе утверждены написания *паралимпийский* и *сурдолимпийский* (притом что до этого в русском языке слова эти установились в нормальном написании – *параолимпийский* и *сурдоолимпийский*). *Олимпиада* превратилась таким образом в *Лимпиаду*, что недопустимо по всем законам словообразования, по крайней мере русского. Авторы закона (во главе с г. Грызловым) ссылаются на английские написания этих слов, принятые Международным Олимпийским комитетом и, в общем-то, вызывающие не меньшее удивление» [5. С. 142].

ленности (а также других грамматических характеристик) даже более совершенный синтаксический контроль без учета семантики не сможет выявить в пользовательских текстах ненормативное написание омонимичных нарицательным существительным имен со строчной буквы.

Расширим список примеров возможного в текстах пользователей написания имен со строчной буквы без реакции spellера. В следующий перечень включены результаты совпадения **именительного** падежа антропонима, **содержащегося в РЛИ**, с хотя бы одним **косвенным падежом** или **со множественным числом** нарицательного существительного: *агата* (от *агат*; *Агата* есть в РЛИ, но с пометой «заимств.»), *ада*, *боба* (от *боб*; в РЛИ есть *Боба*, но нет иностранного *Боб*), *валька* (от *валек*), *варвара*, *геля* (от *гель*), *гена*, *гурий*, *ефимка* (есть существительное *ефимок*), *жора*, *злата*, *корней*, *лева* (ср. *Лева*; одно из значений слова *лев* – «денежная единица»), *ленка* (от слова *ленок*), *лика*, *лора* (от *лор*, в РОС ‘врач’), *люда*, *люка*, *мавра*, *марта*, *ника* (в РЛИ есть уменьшительное *Ника*, но нет заимствованного *Ник*; нарицательное *ник* отсутствует в ГрС, но уже включено в РОС), *оленька* (от *оленок*; нет в ГрС, но имеется в РОС), *поля*, *полюшка*, *райка* (от *раек*), *рая*, *рома*, *света*, *сева*, *толик* (РОС: «малая толика»), *толя*, *тома*, *эллина* (в ГрС и РОС имя *Эллина* с удвоенной «л» отсутствует; в РЛИ – с пометой «редк.»), *эля* (от *эль*).

Приведем примеры фраз с неправильным синтаксисом в результате ненормативного написания имен со строчной буквы. *Наша валька отличилась сегодня. Этот гена ничего не понял. Вчера дежурила люда. Ее сменила райка. Потом пришел сева. Умная поля обошла всех. Эту сказку корней Иванович Чуковский написал. Он доволен нашим герой. Она восхищается борей, колей и саней.* В последней фразе получились слова *борей* (‘северный ветер’), формы слов *колей* и *сани*. Известно, что предложный падеж требует наличия предлога. Однако в следующих фразах с нарицательными *бор*, *вар*, *наст* и *лик* spellер не находит ошибок. *Это мы предложим боре или варе. Работу дадут настe и лике.*

Вместе с тем, система подчеркивает красным отсутствующее в ГрС нарицательное *дуся* (РОС) и *ванька* (есть в РОС и ГрС: «извозчик; валять *ваньку*»), при этом дефисное *ванька-встанька* пропускается без замечаний.

Примеры **гипокористических** имен, набираемых по небрежности пользователей со строчной буквы, совпадающих с **деепричастиями**

несовершенного вида и другими *глагольными* формами (кроме тех имен, которые омонимичны существительным): *боря, борю, борю* (РОС: *бороть(ся)*; но в ГрС малоупотребительного глагола *бороть* нет), *валя, валяю, вали (валить), варя, варю, вари (варить), жена, жено, жени (женить), катя, кати (катить), коля, колю (колоть), костя (костить), лия* (деепричастие от глагола *лить*), *маня, маню* (от *манить*; англицизм *мани* в ГрС и РОС отсутствует), *маша, машу, маши (махать), роди (родить), таи* (от *таить*), *тая, таю* (от *таить* и *таять*), *тони (тонуть), юля, юлю, юли (юлить)*.

Приведем на эти примеры имен фразы, в которых Word пропускает без замечаний наличие предлога перед глагольной формой, получившееся при «непроизвольном» появлении пробела. *Не об вали рынок! Про колю дырочку иголкой. За вари чай!* Предлог перед сравнительной формой прилагательного системой Word тоже допускается. *Нужно съездить к тише.*

Пропуск буквы – довольно распространенная опечатка. *Шурки развяжи! Шурку норки нужно тщательно осмотреть. Даи мне твою сумку?* Текстовый редактор Word эти фразы пропускает без замечаний – «благодаря» включению в системный словарь гипокористических имен *Шурка* и *Даша* (с полной парадигмой).

Еще один пример. *Прош, Кеш, прош у, не забывайте про кеш!* В этой фразе специально нами вставлен пробел в слово «прошу», поэтому «прош» со строчной буквы подчеркивается красной волнистой линией – в отличие от форм имен *Проша* и *Кеша*. Написание «кеш» со строчной буквы спеллер Word'a объявляет ошибочным – вопреки рекомендациям академических словарей. В этом конкретном случае составители Word'овских системных словарей выбрали написание «кэш», более часто встречающееся в текстах пользователей интернета.

В названиях рассказа жены Льва Толстого Софьи Андреевны* «Ваничка» и романа Эдуарда Лимонова «Это я, Эдичка» (написан в 1976 г.) уменьшительные имена текстовый редактор MS Word подчеркивает красной волнистой линией. Подсказка «Корректор» предлагает (наряду с *Венечка* и отсутствующим в РЛИ устаревшим вари-

---

* Написать просто «Софья Андреевна Толстая» было бы не вполне корректно. Так звали не только супругу Льва Николаевича, но и жену А.К. Толстого, а также последнюю жену Сергея Есенина – внучку Л.Н. Толстого.

антом *Веничка*, который спеллером воспринимается как родительный падеж нарицательного *веничек*) написание **по современным** правилам русского языка – *Ванечка*, но для варианта «*Эдичка*», как и для *Эдечка* (последнее написание включено в РЛИ), выдает список «исправлений»: «*Эдика*, *Удочка*, *Дичка*».

В системных словарях Word'a имеется даже имя *Лев* (так себя называл Л.Н. Толстой). В РОС и в словаре РЛИ такого имени нет, а в ГрС *Лев* приводится как устаревший вариант имени *Лев* [1. С. 748].

Еще о паспортных именах. В наше время можно встретить обладательниц не только имени *Ярослава* (форма *Ярославой* не подчеркивается – значит, этот женский вариант имени *Ярослав* включен во внутренний словарь Word'a), но и *Ярославна*, которое на самом деле представляет собой стяженную форму отчества. Наверное, их родители «проходили» в школе «Слово о полку Игореве» и решили, что *Ярославна* – женское имя. Из статьи С.Г. Тер-Минасовой: «Приведем пример того, как ярко раскрывают имена собственные и культурную картину мира, и ее изменения. Как много говорит о социокультурном положении женщины на патриархальной Руси тот факт, что женщину называли по отчеству, а не по имени: *Ярославна*, жена князя *Игоря*. Князь был *Игорь*, а жена его – дочь *Ярослава*» [6. С. 11].

Новомодное имя *Снежана* отсутствует в ГрС и РЛИ, но уже имеется во внутреннем словаре Word'a, а также в приложении к РОС [2. С. 880]. В системный словарь включено непопулярное мужское имя *Ульян* (форма *Ульяном* спеллером пропускается), но модного в наше время женского имени *Ульяна* нет – форма *Ульяной* подчеркивается красным.

Если имя *Элина** по ошибке набрать с похожей на глаз буквы *З*, то Word последних версий слово «*Злина*» не подчеркнет, поскольку в его системный словарь включен топоним *Злин* – название чешского города (в приложении к ГрС отсутствует). При этом гораздо более известным у нас городам *Ростов-на-Дону* и *Ростов Великий* не так повезло. Их названия Word'овским спеллером не опознаются, хотя форма *ростов* со строчной буквы от нарицательного *рост* пропускается без подчеркивания. Но наберем нарицательную форму *ростов* в

---

* Имя *Элина*, как и некоторые другие имена, не так давно было включено во внутренний словарь имен собственных системы MS Word.

начале фразы. ***Ростов*** *больших* в продаже нет. Здесь *Ростов* с прописной буквы по неизвестной причине подчеркивается как неопознанное слово.

Наряду с именем *Дарья* в новых поколениях стало встречаться написание *Дария* (РОС; РЛИ: «стар. форма имени Дарья»; в приложении к ГрС имени *Дария* нет). Существуют также проблемы с написанием имен *Наталья* и *Наталья*, *София* и *Софья*. Не все чиновники, к сожалению, признают варианты таких имен тождественными, что доставляет немало хлопот их обладательницам.

В приложении к словарю Зализняка имя *Никита* – не только мужское, но и женское [1. С. 747]*. Читаем интервью «Золотой век был недолгим» с доктором физико-математических наук *Никитой Введенской* (журнал «Огонек» № 40 от 10.10.2016): «... – Никита Дмитриевна, а откуда у вас такое имя интересное? – Папа придумал. Он ждал, что родится мальчик, а поскольку умел выкидывать фортели, то назвал меня так. Это на самом деле очень мешает, так как зря привлекает внимание». Но при рождении, по нашим сведениям, будущий ученый-математик была записана в документах под именем «Наталья». В последние десятилетия некоторые родители стали давать детям по два имени, внося это в документы.

О некоторых иностранных именах. Иностранными личными именами мы будем называть только те антропонимы, которые *отсутствуют* как в РОС (в «Списке личных имен»), так и в словаре РЛИ [3].

В системном словаре текстового редактора содержится имя *Мишель*, но только со склонением в мужском роде (форма *Мишелью* подчеркивается красным). Однако у нас все чаще этим именем стали называть девочек. В приложении к словарю Зализняка имя *Мишель* склоняется не только как слово мужского, но и женского рода [1. С. 782].

Пример фразы с ошибкой в иностранном имени. *Польский кинорежиссер **ежи** Гофман достаточно известен в нашей стране.* Спеллер «не замечает», что имя *Ежи* (в ГрС отсутствует) набрано со строчной буквы.

Пополнение внутренних словарей системы MS Word иностранными именами и фамилиями (в написании кириллицей) иногда может

---

* Здесь можно вспомнить название французского фильма «Ее звали Никита» (1990).

приводить к пропуску ошибок или опечаток. Например, включение иностранного имени и фамилии *Филип* препятствует обнаружению ошибки в написании русского варианта *Филипп*. Другие примеры написания *русских* имен с опечатками – *пропусками букв*, которые спеллером не выявляются: *Андре, Валери, Дени, Катрина* (возможна также ошибочная перестановка букв в нарицательном существительном *картина*), *Мари, Натали, Николя* (ср. со словоформой *Николая*), *Розали, Софи, Эмили*, а также *Мелани* (имя *Мелания* в последнее время стало в РФ все чаще встречаться).

Имя *Мэри* может получиться при «обрезании» по невнимательности слова *Мэрия*, если оно набрано с прописной буквы (может находиться не только в начале фразы). А имя *Мери* (ГрС: «персонаж “Героя нашего времени” М. Лермонтова» [1. С. 757]) не подчеркивается, как и форма *мери* от нарицательного *меря, мерей* (РОС: «народ»).

Приведем примеры фраз с пропуском буквы. *Нужно позвонить нашему дорогому Федру. Даная публикация вызвала широкий отклик.* В приложении к словарю Зализняка (ГрС) содержатся имена *Федра* и *Федр*. В Word’овский системный словарь включено имя *Федр*, но женского имени *Федра* нет. Это мы можем утверждать на основании того, что форма *Федрой* подчеркивается, а форма *Федром* (может возникнуть как опечатка) пропускается без замечаний. Имя *Даная* (ГрС) содержится и в РЛИ тоже, но с пометой «заимств.». Целесообразность включения в лексическую базу текстового редактора этих редко встречающихся имен вызывает сомнения, так как в текстах пользователей они с большей вероятностью могут появиться в результате опечатки.

Слово *неоапартеид* Word 2016 подчеркивает красным, а программа-подсказка Корректор первым вариантом рекомендуемого исправления выдает разбиение «Нео апартеид». Слово «нео» со строчной буквы тоже подчеркивается как неопознанное. Из этих двух обстоятельств можно заключить, что *Нео* содержится в системном словаре имен собственных. Оказывается, как написано в Википедии, *Нео* (англ. Neo) – главный герой фильма «Матрица».

Цитата из статьи А.Д. Шмелева: «Если мы имеем дело не с общеизвестным именем собственным, то обычно используется метод практической транскрипции иноязычного имени; но существует много различных систем практической транскрипции, и разные ведомственные инструкции бывают ориентированы на разные системы. Иногда

это приводит к неразберихе, имеющей юридические последствия» [7. С. 468]. К примеру, имя *Вильям* в ГрС снабжено пояснением «офиц. *Уильям*» [1. С. 765].

В.А. Успенский задался интересным вопросом: «Когда современный принц Уэльский, наследник британской королевы Елизаветы II, да продлятся годы ее счастливого царствования, сделается королем, станет ли он Карлом III или так и останется Чарльзом?» [8. С. 488].

Заключение. К сожалению, «богатство» Word'овских системных словарей в некоторых случаях препятствует выявлению слов и фраз с ошибками и опечатками; подробнее – в наших публикациях [9, 10].

Возможно, подчеркивание правильно набранных слов может раздражать пользователей компьютерных систем или вызывать в них сомнения по поводу своей грамотности. Но самой важной задачей компьютерной коррекции правописания нам представляется обнаружение ошибок и опечаток. Лучше лишний раз подчеркнуть правильно написанное, чем пропустить без замечаний неправильное.

Включение во внутренние системные словари текстового редактора некоторых имен собственных иногда приводит к пропуску разного рода орфографических ошибок и опечаток. Кроме того, как показано выше на примерах специально построенных фраз, при недостаточно разработанном синтаксическом контроле система может не замечать ненормативного написания имен со строчной буквы.

Желательно, чтобы в системных словарях выявлялись имена собственные, которые редко встречаются в современных текстах на русском языке и которые могут ***совпасть с искажениями в результате достаточно вероятных ошибок и опечаток*** более употребительных имен или словоформ, набранных с ***прописной*** буквы. Такие «подводные камни», которые при пока еще слабо разработанной проверке сочетаний слов во фразе препятствуют эффективному исправлению ошибок и опечаток, можно либо заблокировать в системных словарях текстовых редакторов, либо снабжать особыми пометами, выдаваемыми в качестве предупреждений для пользователя.

Автор планирует продолжить работу по исследованию проблематики компьютерной проверки правописания словосочетаний и фраз с именами собственными. Теперь уже – с патронимами (отчествами и фамилиями) и с топонимами.

Литература

1. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 6-е изд., стереотип. М. : АКТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 800 с. (Фундаментальные словари).
2. Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В.В. Лопатина, О.Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 896 с.
3. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М. : Советская энциклопедия, 1966. 384 с.
4. Лавошникова Э.К. Microsoft Word и синтаксический контроль // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12, № 2. С. 205–210.
5. Лопатин В.В. Проблемы информативности орфографического словаря // Вопросы культуры речи / ред. А.Д. Шмелев ; Ин-т русского языка РАН. М., 2012. С. 139–143.
6. Тер-Минасова С.Г. Имена собственные в двуязычном словаре: культурно-языковая картина мира нормы // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 9–16.
7. Шмелев А.Д. Имя собственное в речевой коммуникации: проблемы нормы // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения / Ин-т русского языка РАН. М., 2012. С. 462–473.
8. Успенский В.А. Труды по НЕматематике. 2-е изд., испр. и доп. : в 5 кн. Кн. 3: Языкознание. М. : ОГИ. Фонд «Математические этюды», 2013. 711 с.
9. Лавошникова Э.К. «Проблемные» слова как причина пропуска ошибок при компьютерной проверке орфографии // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 15. С. 113–129. DOI: 10.17223/23062061/15/8
10. Лавошникова Э.К. WORD и малоупотребительная лексика в словарях текстового редактора // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 40–47. DOI: 10.17223/15617793/435/5

Proper Nouns: Anthroponyms and MS Word Text Editor

Текст. Книга. Книгоиздание – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 143–156

DOI: 10.17223/23062061/21/8

Elina K. Lavoshnikova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: el.lavoshnikova@yandex.ru

Keywords: Microsoft Word, proper names, proper nouns, computerized spell checking, grammatical homonymy.

The article analyzes the problem of computerized checking of Russian-language sentences written by Internet users and containing proper nouns. The author has tested the operation of a spell checker built in the Microsoft Word text editor (versions 2016–2018) with such texts. It is worth mentioning that this inbuilt spell-checking program uses multiple custom dictionaries that include proper names as well as their paradigms.

As seen in the examples listed in the article, some of the names added to custom dictionary (and hypocoristic forms of nouns among them) have caused omission of mistakes, especially by inadequate syntax checking. The examples have been cross-checked with two voluminous dictionaries issued by the Russian Academy of Sciences as well as with the *Dictionary of Russian Personal Names*. Some Internet users tend to ignore capitalization of initial letters by typing proper names, even at the beginning of sentences. Most likely, this is a result of a wish to save some time and efforts by trying to use the Shift key more rarely. Microsoft Word's reaction to these deviations from literary norms of the Russian language is not always adequate (also on some other mistake types), which is exemplified by the article. Often the reason why the spell checker does not notice a proper noun written in small case is grammatical homonymy. The article presents an extensive list of appellatives (common names) and even verbs, in different word forms, that coincide with non-capitalized anthroponyms and their diminutive (hypocoristic) forms. The author has intentionally constructed some phrases with spelling mistakes in the first word, and the spell checker did not detect them. Why? Just because the first word appeared to be one of the proper nouns from the custom dictionary. The analysis of these and other examples shows that Microsoft Word's semantic-syntactic analysis needs improvement. Addition of foreign names (written in Cyrillic alphabet) sometimes also leads to mistakes not detected by the spell checker. For example, the last name 'Philip' that is part of the built-in dictionary does not allow detecting a spelling mistake in the Russian name 'Philipp'. Other examples of writing Russian names with omitting letters: 'Valeri', 'Mari', 'Natali', 'Nicola', 'Sophi'. The article contains recommendations on how to increase the efficiency of computerized spell checking systems. The spell checker does not also detect mistakes in texts written by Internet users due to the addition of some words to the built-in dictionary. Such anthroponyms should be blocked in the built-in dictionary even if they rarely occur in contemporary texts.

References

1. Zaliznyak, A.A. (2010) *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language: Word Inflection]. 6th ed. Moscow: AST-Press kniga.
2. Lopatin, V.V. & Ivanova, O.E. (eds) (2015) *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian Orthographic Dictionary]. 4th ed. Moscow: AST-Press kniga.
3. Petrovsky, N.A. (1966) *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian Proper Names]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
4. Lavoshnikova, E.K. (2016) Microsoft Word 2016 i sintaksicheskii kontrol' [Microsoft Word 2016 and syntax verification]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie – Modern Information Technologies and IT-Education*. 12(2). pp. 205–210.
5. Lopatin, V.V. (2012) Problemy informativnosti orfograficheskogo slovarya [Problems of informativeness of the spelling dictionary]. In: Shmelev, A.D. (ed.)

Voprosy kul'tury rechi [Culture of Speech]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 139–143.

6. Ter-Minasova, S.G. (2010) Imena sobstvennye v dvuyazychnom slovare: kul'turno-yazykovaya kartina mira normy [Proper names in a bilingual dictionary: Cultural and linguistic picture of the world of norms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication.* 1. pp. 9–16.

7. Shmelev, A.D. (2012) Imya sobstvennoe v rechevoy kommunikatsii: problemy normy [Proper names in speech communication: Problems of the norm]. In: *Russkiy yazyk segodnya. X Shmelevskie chteniya* [Russian language today. The Tenth Shmelev Readings]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS. pp. 462–473.

8. Uspensky, V.A. (2013) *Trudy po NEmatematike. V 5 knigakh* [Works on Non-mathematics. In 5 Books]. Book 3. Moscow: Matematicheskie etudy.

9. Lavoshnikova, E.K. (2017) Specific words as a reason for not detecting errors by computerized spell check. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 15. pp. 113–129. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/15/8

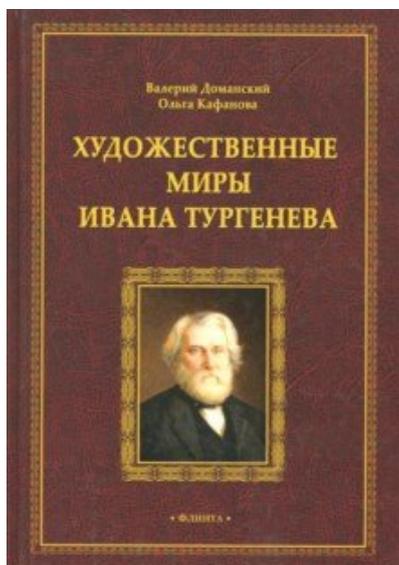
10. Lavoshnikova, E.K. (2018) Word and low frequency vocabulary in dictionaries of the text editor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 435. pp. 40–47. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/435/5

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.17223/23062061/21/9

А. Молнар

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.А. ДОМАНСКОГО
И О.Б. КАФАНОВОЙ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МИРЫ
ИВАНА ТУРГЕНЕВА». М. : ФЛИНТА, 2018. 432 с.**

Аннотация. В рецензии высоко оценивается вклад авторов (В.А. Доманского и О.Б. Кафановой) в современное тургеневедение. В ней освещается структура книги, анализируются ее основные части, посвященные миру усадебного космоса И.С. Тургенева, интермедialности его произведений и творческим связям с французскими литераторами. Рассматриваются предложенные в монографии способы исследования творческого метода и особенностей поэтики произведений русского писателя. Рецензент считает, что монография обобщает и анализирует богатый материал русского и зарубежного литературоведения, эпистолярного и мемуарного наследия и может послужить основой для новых научных трудов, посвященных личности и творчеству Тургенева.

Ключевые слова: *рецензия, монография, художественные миры, усадебный космос, интермедialность, творческие связи.*

Научная монография В.А. Доманского и О.Б. Кафановой является серьезным вкладом в современное тургеневедение: она представляет собой своеобразный итог исследований авторов на протяжении почти двух десятилетий. В концептуальном предисловии обозначена основная цель книги – выявить и представить те черты личности, эстетики и поэтики Тургенева, которые ставят его в один ряд с самыми крупными русскими и европейскими мастерами слова.

Каждая из частей рецензируемой монографии раскрывает одну из существенных сторон творческого метода русского писателя и может послужить моделью для создания новых научных книг и учебных пособий. Как справедливо отмечают авторы, «погружение в миры Тургенева заставляет задуматься о сложной личности писателя, его постоянной эволюции, поисках и диалектике» [1. С. 5–6]. В книге выявлены главные доминанты творческих достижений И.С. Тургенева, которые составляют суть его художественной эволюции от романтизма к вершинам реализма и появлению новых литературных тенденций – импрессионизма и символизма.

В предисловии авторы монографии рассматривают основные аспекты творчества Тургенева. Их концептуальное обобщение может послужить ознакомлению с творчеством писателя, его главными темами, особенностями его поэтики: усадебным космосом, онтологической сущностью природы, концепцией любви в ее стихийно-психологическом проявлении, способами создания психологических типов героев и т.д. Особый аспект изучения мира Тургенева – его многогранная деятельность как «русского европейца». Эти и другие проблемы, затронутые авторами монографии, позволяют по-новому рассмотреть личность и творчество русского писателя, актуализировать его творческое наследие.

Монография состоит из трех частей. В первой репрезентирована уникальность художественного мира Тургенева, обусловленного русской усадебной культурой. Несмотря на появление в последнее время многочисленных работ о мире русской усадьбы, В.А. Доманский и О.Б. Кафанова комплексно и многоаспектно исследуют неповторимый усадебный топос повестей и романов, на богатом фактическом материале раскрывают его эстетику, поэтику и философию, исследуют генезис и эволюцию тургеневской героини.

В первой главе первой части авторы подробно рассматривают историю возникновения и эволюции русского усадебного текста, развивают идеи известных ученых (Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана) о семиотике и семантике садово-парковых ансамблей. В отличие от бытующего исследовательского мнения, авторы различают усадебную повесть и усадебный роман, поскольку последний жанр, наряду с усадебной драмой, создан исключительно Тургеневым. В своем подходе к данному феномену они акцентируют не только место действия, но и

прикрепленные к нему фоновые, культурные и исторические мотивы. Главное отличие усадебного романа от повести усматривается в том, что узкие рамки повести не позволяют отражать ни развитие общественного сознания, ни постановку вечных вопросов бытия [1. С. 60]. Лишь в более крупном, разветвленном в сюжетном отношении, прозаическом произведении можно «представить несколько стилей садов и парков» и, соответственно, жизненных укладов, идей, проблем и мироконцепций [Там же. С. 51].

В первой главе перечисляются и сопоставляются также основные компоненты метасюжета усадебного жанра на примере разных тургеневских произведений. Вместе с тем здесь в поле зрения авторов входят и элементы русского национального сознания. Интересны наблюдения над литературными, мифологическими и библейскими мотивами в усадебных текстах Тургенева. К этому аспекту авторы обращаются также и в других частях монографии.

Наиболее актуальной для изучения творчества И.С. Тургенева, на мой взгляд, в рецензируемой монографии является вторая глава первой части, в которой представлены наблюдения авторов над хронотопом усадебного текста в конкретных повестях и романах писателя. В ней показано, как преломляются в русской культуре литературные образы, сложившиеся в традиции и преобразованные Тургеневым. Эта трансформация в действительности открыла путь и к созданию тонких женских характеров, именуемых «тургеневские девушки». Реципиенты не всегда осознают, что топос сада и парка укоренил в общем культурном поле новое отношение к природе и человеку. Авторы монографии с кропотливым трудом раскрывают именно те сюжетные, психологические, образные элементы текста, которые в связи с символикой времени и места действия разворачивают тургеневскую концепцию и направляют читательскую интерпретацию. Примером такого анализа является повесть «Первая любовь», которую можно рассматривать как «пролог» к тургеневским усадебным романам с их структурой (экспозицией, интригой, коллизией, развязкой и эпилогом).

В данной главе изучаются также культурно-исторические, эстетические и эмоциональные функции садов, парков и ландшафтов. Усадебный топос повестей свидетельствует об отличии между этим жанром и романами Тургенева. На конкретных примерах аргументируется, что в то время, как первые ограничиваются любовными коллизиями

ми, в последних фигурируют и серьезные социальные и философско-идеологические проблемы.

Обращаясь к усадебным драмам, авторы монографии вводят термин «культуремы», обозначающий «ключевые понятия культуры». При этом опровергается распространенное мнение о недраматургичности пьес писателя, в которых психологическая мотивация действий лиц и главные события также тесно соотносятся с усадебным хронотопом. На примере комедии «Месяц в деревне» раскрывается усадебная сюжетная коллизия и подтверждается особая, романоподобная сценичность пьесы, о которой свидетельствует и ее успешная экранизация (например, художественный фильм Веры Глаголевой «Две женщины»). Данная пьеса рассматривается и на мотивном уровне, при этом жанровый подход обогащается многосторонним анализом текста.

Романы Тургенева также представлены сквозь призму усадебного сюжета и хронотопа разных садовых стилей, символики природных элементов, определяющих поведенческие модели героев. Аспекты художественного мира писателя, перечисленные в предисловии, т.е. темы любви и искусства, типология героев, в особенности новые женские образы, также подвергаются вдумчивому анализу, что позволяет авторам заключить, что сад «является метафорой женского элемента» [1. С. 109]. Впечатляет раскрытие символики дендронимов и образов флоры как составляющих сада. Отмеченные аспекты романов Тургенева позволяют соединять в себе любовные коллизии с широким общественно-социальным контекстом и философским подтекстом.

Весьма убедителен и общий исследовательский итог третьей главы первой части монографии, в которой утверждается, что понятие «тургеневская девушка» не случайно имело двойственную природу. Общепринятые стереотипы о нежной девушке у Тургенева заменены галереей разных вариантов основного типа, которому можно противопоставить образ «роковой женщины».

Замечательно в этом плане то, что авторы книги рассматривают Лизу Калитину как новый историко-культурный тип, ибо именно в нем воплощаются лучшие женские качества (способность глубоко любить, тонко чувствовать музыку, поэзию, природу). Все, что неискушенному читателю может показаться прямолинейным отрицанием жизни, исследователями толкуется как высшее проявление духа, чувства, жертвенности. Развитием образа героини являются другие тур-

гениевские девушки, ищущие свою сферу деятельности, как, например, Елена Стахова. Это позволяет авторам книги, вслед за Л.В. Пумпянским, сделать вывод о том, что источником этих характеров у Тургенева была не только пушкинская Татьяна Ларина, но также и «образы Жорж Санд». Итак, фундаментом структуры «тургеневской девушки» является сочетание именно этих литературных прообразов, которые могут обнаруживать лучшие женские качества. Здесь при интерпретации произведений прослеживается и соответствующее национальное общественное и историко-культурное развитие. Помимо тщательного сопоставления женских образов, исследователи не забывают соотнести их с темой усадебной культуры и приходят к утверждению, что при исчезновении усадебной культуры исчезает и «тургеневская девушка».

В четвертой главе первой части художник ландшафта и женской души Тургенев представлен как мастер флористических образов и мифологем. Цветочные мотивы рассматриваются в книге с разных точек зрения, в частности информационной, психологической, эстетической и драматургической функций. Представляется очень плодотворной мысль о взаимосвязи цветка гераниума и вальса, прозвучавшего в повести «Ася». Античные мифологемы, трансформированные в литературные образы, глубоко дополняют и расширяют толкование отдельных сюжетных узлов. В книге получает свое законное развитие и мифологема золотого века в усадебных текстах Тургенева. Авторы подытоживают свои наблюдения и при помощи культурных кодов и интермедийных приемов. В результате культурема «дворянское гнездо» встраивается в круг иных универсалий русской культуры.

Несмотря на заявленную новую тему (искусство), усадебная тема пронизывает и вторую часть монографии. Совершенно новаторским является материал этой части книги, в которой литературное творчество Тургенева рассматривается в неразрывном синтезе с музыкой и живописью. Хочется согласиться с авторами, что именно эта теснейшая связь слова с другими видами искусства, т.е. интермедийность тургеневского текста, определяет оригинальность его творческого метода, не имеющего аналогов в русской классической литературе. Как гласит заглавие «В мире искусства», здесь анализируются наиболее «музыкальные» романы писателя «Рудин» и «Дворянское гнездо». Под разными ракурсами, в частности, изучаются музыкальные темы и

функции музыки. Впервые глубоко и убедительно рассматривается не только «внешняя», но и «внутренняя» музыкальность тургеневских произведений, проявляющаяся в создании мизансцен, характеристике персонажей, композиции и даже звукописи самой тургеневской фразы.

В этом фундаментальном исследовании, во-первых, суммируются достижения тургеневедения по одной из основных для Тургенева тем, во-вторых, подвергнуты сопоставительному анализу музыкальные сцены, отсылки, мотивы, которые так или иначе прозвучали, были упомянуты в романах писателя. Оказывается, что эти вставки играют важную роль в понимании сюжетных событий и характеристики героев; они выражают любовные чувства, к тому же вписываются и в пейзажные зарисовки, т.е. являются составляющими усадебного текста. Таким образом, историко-литературные наблюдения авторов книги тесно переплетаются с поэтологическими, приводя к плодотворным заключениям о творчестве Тургенева. Музыка, действительно, во многом определяла личность писателя, и это всесторонне отразилось в его произведениях. Центральный (поколенческий) вопрос «Отцов и детей» также убедительно освещается посредством интертекстуальных и музыкальных «микросюжетов».

Вторая глава бросает свет на известную, однако, до сих пор не вполне изученную проблему отношений Тургенева и Полины Виардо. Много и по-разному было уже написано об их личной и творческой связи, но авторы книги обращаются к менее популярной и очень занимательной теме – к музыкальному и литературному сотрудничеству писателя и певицы. Кроме биографических и историко-литературных фактов в этом разделе обсуждаются вопросы перевода с немецкого языка на русский и обратно, с языка одного поэта на язык другого прозаика, а также вопросы перевода с вербального языка на музыкальный и наоборот. Все это осложняется к тому же еще и проблемой другой медиации – пения. Такая многоуровневая перекодировка и взаимодействие искусств, безусловно, свидетельствуют о бесспорном новаторстве книги. А создание совместного «альбома» великих деятелей культуры требует сопоставительного изучения разных поэтических уровней текстов, что блестяще выполнено авторами монографии. На наш взгляд, именно эта глава заслуживает наибольшего внимания и почтения, несмотря на то что, например, аспект звукописи, как нам кажется, стоит рассматривать и в другом плане: вместо

описательной функции уловить семантику созвучий. В монографии доказано, что к «немецкому альбому» следует подходить как к «отдельному циклу стихотворений» [1. С. 275] и такой стиховедческий подход позволяет раскрыть особый талант Тургенева, не ограничивающегося «Стихотворениями в прозе». Отметим, что корни лирической прозы писателя, «симбиоз музыки и слова» можно обнаружить уже в романах, прежде всего в «Дворянском гнезде».

Не менее интересным является глава три второй части, посвященной словесной живописи Тургенева. Авторы показывают, как посредством слова Тургенев «рисует» пейзажи, интерьеры и портреты героев, используя живописные приемы. В отличие от общепринятого мнения о фламандстве И.А. Гончарова, авторы убедительно говорят о влиянии на создателя «Записок охотника» Давида Тенериса Младшего и братьев Остаде. Живопись барбизонской школы также имеет большое значение для понимания как тургеневской биографии, так и его творчества. Исследователи тонко и вместе с тем с компетентностью знатоков и ценителей указывают на изобразительное мастерство Тургенева, мастерски создающего параллели между реалистическим изображением природы и внутренним миром человека посредством красок, деталей, композиций. Размещенные в книге картины художников наглядно демонстрируют общность словесных и живописных пейзажей, о которой так многосторонне пишут авторы. Несомненно, что данный раздел может стать началом большого исследования об изобразительном мастерстве русского писателя.

В третьей части монографии «В кругу французских литераторов» ярко и по-новому высвечиваются черты Тургенева – русского европейца. Тургенев считается специфически русским писателем, но тем интересней рассмотреть его творчество в широком европейском контексте. Исследование убеждает, что как никто из соотечественников, он сумел жить на пограничье разных культур, оставаясь при этом глубоко преданным России, отечественной литературе. В этой части труда Тургенев сопоставлен с великими французскими писателями, Гюставом Флобером (глава 1), Жорж Санд (глава 2), Эмилем Золя (глава 3). В общении и творческих диалогах с ними Тургенев предстает в разных творческих ипостасях: как критик, читатель, слушатель, переводчик. Авторы убедительно доказывают, что литературные образы, которые сложились в творчестве Флобера, Жорж Санд, Золя,

были важны, в частности, и для формирования так называемых «тургеневских девушек», которые в основе своей универсальны, хотя естественно, не лишены и национальной окраски. Со своей стороны, французские писатели могли интересно прочитывать и интерпретировать тургеневское творчество в целом и конкретные его произведения. В этом плане в книге рассматривается не только история биографических отношений, но и обоюдные оценки, сотрудничество, а также творческое взаимодействие писателей разных культур и художественных ориентаций, выявляется некоторое сходство в их писательской манере, отмечаются, однако, и отдельные различия. Описание общественного и культурно-бытового фона прибавляет к теме много немаловажных фактов.

В результате масштабного анализа живой, поэтический и психологически достоверный реализм Тургенева противостоит безличному методу повествования Флобера, игнорирующему читательское восприятие, идеализированным персонажам Жорж Санд и натурализму Золя. Потенциал представленных материалов настолько богат, что возникает ощущение его неисчерпаемости, возможности развертывания каждого отдельного сюжета в самостоятельное исследование. Монография содержит много новых сюжетов и нюансов для понимания рецепции русского писателя во французской культуре. Выявляется также и поливалентность явления «русский европеец». Тургенев показал европейцам и французам, в первую очередь, совершенно неизвестную, другую Россию, о которой они не имели никакого понятия.

Заключительная, четвертая глава о плодотворном переводческом деле Тургенева и Луи Виардо завершает интерпретационные сюжеты, развернутые в книге. Здесь можно найти отклики о кросскультурной деятельности писателя, о его сотрудничестве с Полиной Виардо, о вопросах переводческого искусства. Анализ переводов Гоголя, выполненных Тургеневым, подводит авторов к выводам о собственной языковой лаборатории великого русского классика.

Таким образом, труд В.А. Доманского и О.Б. Кафановой можно считать новым словом в современном тургеневедении. Она обобщает и анализирует богатый материал русского и зарубежного литературоведения, эпистолярного и мемуарного наследия. Язык, несмотря на строгую исследовательскую точность, образный и легко читаемый, что позволяет и широкой публике ознакомиться с ней и понять ее. Имен-

ной указатель также облегчает поиск в достаточно обширном материале. Монография может послужить основой для новых методологических подходов в изучении личности и творчества Тургенева. Научные результаты изучения историко-литературных и поэтических основ усадебного текста, вербальной и невербальной образности тургеневских произведений, межкультурной коммуникации русского классика и французских литераторов позволяют прийти к заключению, что книга В.А. Доманского и О.Б. Кафановой заслуживает внимания как специалистов в области литературы и культуры, так и широкого круга читателей.

Литература

1. Доманский В.А., Кафанова О.Б. Художественные миры Ивана Тургенева. М. : Флинта, 2018. 432 с.

Book Review: Domanskiy, V.A. & Kafanova, O.B. (2018) *Khudozhestvennyye Miry Ivana Turgeneva* [Ivan Turgenev's Artistic Worlds]. Moscow: Flinta. 432 P.

Text. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 157–166

DOI: 10.17223/23062061/21/9

Angelika Molnar, University of Debrecen (Debrecen, Hungary). E-mail: mandzsi@gmail.com

Keywords: review, monograph, Turgenev, Domanskiy, Kafanova.

The review of V.A. Domanskiy and O.B. Kafanova's research monograph appreciates the authors' contribution to modern Turgenev studies. It describes the sections of the book with the identification of the core aims and objectives the authors reach. The creative method and the dominant creative achievements of the Russian writer are analysed. The main themes and features of Ivan Turgenev's poetics, as well as the image of the "Russian European" previously never studied in such detail, are reviewed. The study of Russian estate culture in the first part of the monograph reveals new aspects in the estate topos and in the figure of the Turgenev heroine of the stories and novels of the writer, which shows his aesthetics, poetics and philosophy. The review notes interesting observations in the book on the meta-plot and the motifs of Turgenev's estate texts. The conclusions are particularly emphasized that the authors of the monograph made in connection with Turgenev's concept of chronotope and with the distinction between the writer's estate stories and novels. The authors made valuable achievements in the study of estate dramas. Their thoughtful analysis reveals the metaphorical correlation of the garden, the estate culture and female images. The book also pays special attention to floral semantics. Innovation in the study of Turgenev's works in synthesis with music and painting in the second part of the monograph is shown. The review

emphasizes the originality of the writer's intermediality the authors of the monograph revealed, as well as their thorough study of the "internal" musicality of Turgenev's works. The author of the review expresses her interest in the poetic analysis, along with the historical and literary one, of musical "micro-plots" in particular. The value of the analysis of multi-level transcoding and interaction of arts in the study of the relationship between Turgenev and the singer Pauline Viardot is noted. The comparative aspect of the analysis of different poetic levels of the texts stands out as brilliantly performed by the authors of the monograph. The poetic approach allows revealing the roots of the lyric prose of the writer. A significant part of the book is devoted to Turgenev's verbal art presented in terms of fine art. In the third part of the monograph, the authors present Turgenev's works in a broad French context, which convinces the reviewer of the multiculturalism of the writer, who knows how to express himself in different creative forms. This issue cannot be reduced to influence; interaction on both sides is necessary. In this context, the review notes a detailed study of both the history of biographical relations and the public background, the similarities and differences in the poetics of writers given in the book. The national characterological aspect of the analysis is also revealed, which also allows the authors to say a new word in modern Turgenev studies. The reviewer indicates the potential circle of readers of the book, evaluating its subject, language and structure.

References

1. Domanskiy, V.A. & Kafanova, O.B. (2018) *Khudozhestvennyye miry Ivana Turgeneva* [Ivan Turgenev's Artistic Worlds]. Moscow: Flinta.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айзикова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: wand2004@mail.ru

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Корычанкова Симона (Simona Koryčanková) – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы (Doc. PhDr., Ph.D.) педагогического факультета Университета им. Масарика.

E-mail: korycankova@ped.muni.cz

Крюкова Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Купреева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: 88888888_87@mail.ru

Куталмыш София Леонидовна – соискатель на получение ученой степени канд. филол. наук Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: sofya.sorokina@gmail.com

Лавошникова Элина Константиновна – ведущий программист и литературный редактор журнала «Вычислительные методы и программирование: Новые вычислительные технологии» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: el.lavoshnikova@yandex.ru

Метельков Антон Сергеевич – аспирант, главный библиотекарь отдела массово-информационной работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: mantoon@ngs.ru

Молнар Ангелика – PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета.

E-mail: mandzsi@gmail.com

Морозова Инна Викторовна – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: miv96@inbox.ru

Никонова Наталья Егоровна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Страшкова Ольга Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета.

E-mail: olga.strashkova8@gmail.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском / немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: Ideological context of "Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812");

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;

– должность и место работы / учебы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне*.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

---

* По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал
ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ
TEXT. BOOK. PUBLISHING

2019. № 21

Редактор Н.А. Афанасьева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр

Подписано в печать 02.12.2019 г. Формат 60×84¹/₁₆.

Печ. л. 10,75; усл. печ. л. 9,9.

Тираж 50 экз. Заказ № 4133. Цена свободная

Дата выхода в свет 10.12.2019 г.

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru